

В. КОРСАКЪ

ЗАБЫТЫЕ

ПАРИЖЪ

BG

В. Корсакъ

Декабрь 1938

[illegible]

Того же автора:

Плѣнъ. — Изд. «Родника». Парижъ, 1927 г.

Готовится къ печати:

Исторія одного контролера.

В. КОРСАКЪ

ЗАБЫТЫЕ

«Ничить трава жалощами,
а древо стугою къ земли
преклонилось. Уже бо, братіе,
не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла»...
Слово о полку Игоревѣ.

ПАРИЖЪ.
1928

Складъ изданія: Книжное Дѣло «Родникъ»
« **La Source** » 106, rue de la Tour, Paris XVIe

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ЖЕНѢ.

Глава I

Въ началѣ февраля 1917 года изъ Мюнденскаго лагеря было отправлено въ Halle 250 плѣнныхъ офицеровъ. Въ томъ числѣ былъ и я.

Въ день отъѣзда, рано утромъ, насъ вывели во дворъ, выстроили, окружили конвоемъ, пересчитали; затѣмъ часовой открылъ ворота, и сѣрая колонна плѣнныхъ вышла на улицу.

Всѣ шли молча и торопливо. При нашемъ приближенiи изъ сосѣдняго Gasthaus'а вышло нѣсколько человѣкъ, видимо, крестьянъ изъ сосѣдней деревни. Когда мы поровнялись съ ними, они запѣли Deutschland, Deutschland über alles»...

Лица у пѣвцовъ были сытыя, здоровыя, красныя отъ вина. Съ глубокимъ равнодушiемъ смотрѣлъ съ минуту на нихъ Абтъ, начальникъ нашего конвоя. Ни одобренiя, ни порицанiя не было на его унылом морщинистомъ лицѣ. Конвойные — кто молча кидалъ взглядъ на пѣвшихъ, а кто и совсѣмъ не глядѣлъ, словно имъ смертельно наскучили и пѣсня, и каски, и война.

На мосту вѣтеръ задулъ прямо въ лицо. Снѣгъ слѣпилъ глаза. Я поднялъ воротникъ, надвинулъ глубже папаху и засунулъ руки въ карманы.

Высотскiй, задумавшись, шелъ рядомъ со мной. Онъ выглядѣлъ совсѣмъ заморышемъ; у него похудѣлъ даже носъ. Онъ старался идти въ ногу съ шедшимъ впереди Перелемъ; но тотъ скользилъ въ своихъ лыже-

образныхъ сапогахъ и сбивалъ его; часто, взмахивая руками, Перель валился на Высотскаго. Тотъ помогалъ ему найти утерянное равновѣсіе.

— А видѣли, какія были ряшки у пѣвцовъ, Михаилъ Николаевичъ ?— спросилъ его Перель.

— Ѣдятъ еще люди на свѣтѣ, не въ лагерѣ живутъ, — отвѣтилъ Высотскій.

Пришли на вокзалъ. Тутъ насъ повели куда-то по линіямъ и остановили передъ длиннымъ пассажирскимъ составомъ. Началась посадка; вагоны были разныхъ классовъ, но всѣ съ поперечными отдѣленіями. Въ вагонъ сначала залѣзалъ конвойный; онъ осматривалъ и пробовалъ затворы, затѣмъ вылѣзалъ и объявлялъ: «Stimmt». Потомъ отсчитывали пять человѣкъ плѣнныхъ; они влѣзали въ указанное купэ; шестымъ и послѣднимъ поднимался конвойный. Онъ садился у окна, спускалъ стекло и, высунувъ голову, снова кричалъ: «Stimmt».

Нашей группѣ попался вагонъ I класса; онъ былъ совсѣмъ нетопленный, и въ немъ было еще холоднѣе, чѣмъ снаружи. У окна сѣлъ караульный; осмотрѣвъ еще разъ всѣ задвижки, онъ снялъ каску, надѣлъ Mütze досталъ складной ножикъ, вынулъ изъ мѣшка кусокъ сала, хлѣбъ и началъ закусывать. Мы смотрѣли на него и съ нетерпѣніемъ ждали, когда двинется поѣздъ. Но поѣздъ долго не трогался; начали зябнуть. Чтобы согрѣться, мы закурили и по-немногу разговорились. Говорили больше всего о новомъ лагерѣ. Хотя никто изъ присутствующихъ и не былъ тамъ, все-таки самое главное о немъ намъ было уже извѣстно.

— А извѣстно ли Вамъ, Михаилъ Николаевичъ, что мы ѣдемъ въ репрессивный лагерь, и какія на этотъ счетъ у васъ воззрѣнія? — обратился Перель къ Высотскому.

— Очень даже извѣстно, — отвѣтилъ тотъ, — и интересуюсь, чѣмъ насъ тамъ пытать будутъ.

— Ха-ха-ха... — раскатился Перель. — Такъ вы думаете, что насъ не питать, а пытать будутъ?

— Питая, будутъ пытать, — отвѣтилъ Высотскій.

Лагерь въ Halle былъ однимъ изъ первыхъ, устроенныхъ нѣмцами для военноплѣнныхъ офицеровъ. Въ августѣ 1916 года его сдѣлали репрессивнымъ лагеремъ для французскихъ офицеровъ. Теперь репрессіи кончались, и французы разсылались по нормальнымъ лагерямъ. Вмѣсто нихъ туда везли русскихъ; но, какъ завѣряла мюнденская комендатура, въ Halle репрессіи были уже отмѣнены, и намъ бояться было нечего.

По словамъ русскихъ, жившихъ въ Halle до августа, тамъ, до послѣдняго дня ихъ пребыванія, въ лагерной кантинѣ висѣла масса окороковъ и колбасъ. Каждый плѣнный могъ купить, сколько онъ хотѣлъ, лишь были бы деньги. И голодъ тамъ мало чувствовался. Такъ дѣло шло до ссылки туда французовъ.

Комендантомъ лагеря былъ Oberst-Leutnant или, по русски, подполковникъ, фонъ-деръ-Бриксенъ.

Его самые мягкіе называли «грубой скотиной», а про другихъ ужъ и говорить нечего. Лагерь занималъ пустую фабрику. Плѣнные могли гулять лишь во дворѣ. Воздухъ былъ очень пыльный и, черезъ часъ послѣ уборки, на столахъ можно было писать пальцемъ. Въ глаза, то и дѣло, попадала каменно-угольная пыль.

Такъ изображали намъ лагерь въ Halle бывшіе въ немъ плѣнные.

— Словомъ, если нѣмцы захотятъ и насъ подвергнутъ репрессіямъ, то они будутъ имѣть уже опытныхъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ, вродѣ этого фонъ-деръ-Тринкена, или, какъ его тамъ, — говорилъ Перель.

— А, можетъ быть, насъ не довезутъ еще до Halle, — сказалъ Высотскій, — заморозятъ въ вагонахъ и понадѣлаютъ консервовъ .

— Это вы намекаете на могучую нѣмецкую промышленность, способную превратить даже ваши тощія

мяса въ жирные консервы... Ха-ха-ха... Но для нѣмцевъ тоже есть невозможное, другъ Гораціо...

— Послѣ добыванія жира изъ комаровъ, я сталъ смотрѣть на все другими глазами.

— А вы смотрите на себя глазами настоящаго нѣмца; тогда вы увидите, что съ вашей стороны большое преступленіе жить до сихъ поръ и кататься по нѣмецкимъ дорогамъ въ I классѣ...

— Такъ мы еще и не катимся, а стоимъ на мѣстѣ, — сказалъ Высотскій.

Дѣйствительно, мы уже стояли часа два. Посадка была давно окончена, и стало совсѣмъ темно. Видимо, предстояло провести въ вагонѣ всю ночь. Хорошо, что передъ отъѣздомъ, по совѣту Арцышевича, я надѣлъ фуфайку и двѣ пары носковъ. Прижавшись плотнѣе другъ къ другу, мы задремали. Проснулся я, когда вагонъ сильно дернулся. Прицѣпляли, должно быть, паровозъ. Потомъ опять наступило томительное ожиданіе. Холодный воздухъ обжигалъ легкія.

Наконецъ, послѣ долгихъ переводовъ съ пути на путь, поѣздъ вышелъ со станціи. Я смотрѣлъ въ окно. Бѣлѣлъ снѣгъ, вдали темнѣли лѣса; бѣжали телеграфные столбы; искры изъ паровоза чертили въ темнотѣ золотые зигзаги. Ѣхали мы съ большими остановками. Обыкновенно, нашъ поѣздъ на всѣхъ станціяхъ загоняли на далекіе боковые пути. Тутъ приходилось ждать и мерзнуть; когда-же ѣхали, то казалось, почему-то, теплѣе. На одной изъ остановокъ мы съѣли съ Высотскимъ галету. Такъ мы провели всю ночь и утромъ прибыли въ Halle. Сперва мы остановились у громаднаго пустого вокзала. Невдалекѣ французскіе и русскіе солдаты выгружали посылки, очевидно, для плѣнныхъ французовъ въ Halle. Повсюду виднѣлись запасные пути; по нимъ, шипя, носились паровозы, выпуская клубы бѣлаго пара.

Затѣмъ, съ главнаго пути насъ перевели на боковой. Вдоль поѣзда, заглядывая въ окна, прошелъ Абтъ. На головѣ у него сидѣла маленькая каска съ высокимъ шпицемъ и тусклымъ орломъ. Крошечный козырекъ съ мѣдной каймой жалъ лобъ. На длинныхъ сѣдыхъ усахъ висѣли капельки воды.

— А вы не думаете, господа, что ему тяжело съ нами разставаться, — не унимался Перель, — онъ насъ всѣхъ, можетъ быть, на кладбище разсчитывалъ проводить, а тутъ вдругъ въ чужія руки отдавай.

— Скорѣе мы его проводимъ, — замѣтилъ сосѣдъ Переля, весь закутанный въ теплое.

— Вы, Иванъ Ивановичъ, можетъ быть, и будете имѣть это удовольствіе; вы человѣкъ съ запасцемъ — у васъ и своего жирку-то осталось, и закутались вы въ семьдесятъ семь одеждъ. А мы грѣшные — дѣло другое; ни жирку, ни тепленькаго нѣтъ: по указу его величества короля прусскаго и императора германскаго забрано все въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ обстоятельствахъ. Отъ каковыхъ обстоятельствъ дрогнулъ всю ночь и нѣмцевъ добрымъ словомъ поминалъ — чтобы они такъ-же въ аду тряслись.

— А я спалъ и видѣлъ во снѣ пирогъ, — сказалъ Высотскій, — громадный, съ десятину приблизительно, а толщиной въ сажень.

— Вотъ если бы тамъ нѣмцы лагерь догадались устроить, — ввернулъ сосѣдъ Переля.

— Да, а потомъ пирогъ унесли; появилось великое множество какихъ-то людей: худые, оборванные, хуже, чѣмъ мы, пожалуй. А впереди женщина съ короной на головѣ: такая здоровая, сильная, краснощекая. И вдругъ снимаетъ она корону и тресь ее о землю, — только кусочки посыпались; а на нее на самое другіе налетѣли и стали просто живьемъ жрать. Въ клочья рвутъ, хрустъ идетъ, кровь брызжетъ. А я, какъ окаменѣлъ; съ мѣста двинутся не могу, и въ головѣ помра-

ченіе смысловъ чувствую. Вижу только кровавыя пасти, да тушу человѣчью; потомъ сталъ прислушиваться, что эти чудовища воютъ — анъ, глядь, это колеса стучатъ...

На платформѣ появился конвой и незнакомые нѣмецкіе офицеры. Насъ вывели изъ вагоновъ, построили по четыре человѣка, окружили солдатами и повели.

Мы шли окраиной города. Улицы были прекрасно вымощены, всюду царствовали порядокъ и чистота. Въ булочныхъ еще попадался хлѣбъ, но всѣ остальные магазины были совершенно пусты.

Была оттепель; мы шли по талому снѣгу, посрединѣ мостовой, и смотрѣли на фабричныя трубы, корпуса и конторы. Большая часть заводовъ не работала. Грузового движенія совсѣмъ не было. Прохожіе встрѣчались рѣдко.

Мы шлепали по грязи съ мыслью, скорѣй-бы добраться до мѣста, согрѣться, поѣсть и заснуть; пройдя минутъ съ двадцать, никуда не сворачивая, мы остановились у тяжелыхъ деревянныхъ воротъ; направо отъ нихъ стоялъ зеленоватый двухъ-этажный домъ, видимо, бывшая контора; налѣво — поднимался высокій фабричный корпусъ. Часовой, ходившій по тротуару, пріоткрылъ калитку и что-то крикнулъ. Черезъ мигъ ворота открылись. Мы вошли.

Лагерь представлялъ изъ себя длинный прямоугольникъ. Налѣво тянулось тяжелое главное зданіе, закопченное, съ огромными высокими дверями; направо шли двухъ-этажные флигеля, полегче и поуже. Вмѣстѣ съ конторой строенія представляли фигуру, похожую на букву П; четвертая сторона, расположенная противъ входа, была огорожена высокимъ досчатымъ заборомъ. Дворъ былъ большой; одна половина его была вымощена крупнымъ, грубымъ булыжникомъ, другая представляла голую, твердо - убитую землю. Я огляды-

вался во всѣ стороны и не находилъ ничего привѣтливаго: ни травы, ни малѣйшаго кустика, ни деревца. Всюду камень, кирпичъ и желѣзо.

Насъ остановили во дворѣ и начали провѣрять по списку. Повѣрка затянулась.

Я смотрѣлъ на группу нѣмецкихъ офицеровъ изъ мѣстной комендатуры, стоявшихъ у входа въ главное зданіе. Они почтительно слушали, что имъ говорилъ здоровый, высокій Oberst, съ отвисшимъ животомъ и выбритымъ лицомъ.

Разговаривая и не сходя съ мѣста, Oberst продѣлывалъ массу движеній: переступалъ съ ноги на ногу, наклонялся впередъ, то вдругъ откидывался назадъ, билъ себя стекомъ по толстымъ ногамъ, вкладывалъ въ глазъ монокль съ золотымъ ободкомъ и снова выбрасывалъ его. У него были толстыя мясистыя щеки и большой, похожій на барочный руль, носъ. Монокль дѣлалъ это лицо похожимъ на кривого филина.

Oberst вертѣлъ головой во всѣ стороны и не безпокоился, слушаютъ ли его или нѣтъ; но стоявшіе вокругъ офицеры ловили каждый его жестъ и, отвѣчая, прикладывали руку къ каскѣ. Когда проходившіе мимо плѣнные козыряли ему, онъ повертывался къ нимъ всѣмъ тѣломъ и отвѣчалъ черезчуръ вѣжливо.

Перель подтолкнулъ меня локтемъ.

— Многообѣщающій джентельменъ, какъ вы находите?

— Это и есть Бриксенъ, — сказалъ Хохловскій, бывшій раньше въ Halle, — говорятъ, до войны онъ состоялъ при нѣмецкомъ посольствѣ въ Петроградѣ и бывалъ при дворѣ. Кромѣ того, нѣкоторые увѣряютъ, что онъ хорошо знаетъ русскій языкъ, хотя въ лагерѣ онъ никогда не говорилъ по-русски. Такъ что, будьте осторожнѣе.

— Спасибо, что предупредили. Такому типу откровенно не скажешь, что о немъ думаешь.

— А я держу пари, Алексѣй Сергѣичъ, — вступилъ Высотскій, — что онъ каждую ночь молится такъ: благодарю тебя, mein Gott, что ты сотворилъ меня фонъ-Бриксеномъ, а не другимъ человѣкомъ.

— Это вы на его гордую осанку намекаете? А я полагаю, что онъ считаетъ ниже своего достоинства къ Богу обращаться.

Всѣхъ прибывшихъ помѣстили въ главномъ зданіи. Внизу находилась столовая; наверху уже были поставлены деревянныя переборки и устроены, такимъ образомъ, комнаты и корридоры. Комнаты были разной величины; въ однѣхъ помѣщались шесть кроватей, въ другихъ — двѣнадцать и больше. Отапливались онѣ небольшими желѣзными печками.

Меня разлучили съ Высотскимъ; мы очутились на разныхъ концахъ зданія. Комната, гдѣ меня поселили, была одна изъ самыхъ большихъ — въ ней стояло восемнадцать кроватей. Я выбралъ себѣ мѣсто въ серединѣ слѣва, чтобы быть подальше и отъ окна и отъ входа.

Въ комнатѣ было очень холодно. Французскій деньщикъ принесъ корзину брикетовъ и затопилъ печку. Печка быстро нагрѣлась; всѣ собрались къ ней, какъ къ священному очагу: хорошо было погрѣться послѣ двадцати-часового пребыванія на холодѣ.

По случаю нашего пріѣзда, въ полдень въ столовой было «сервировано» кофэ. Но кофэ было холодное, и хлѣба къ нему дали очень мало. Огромная высокая столовая, вымощенная торцомъ и съ рельсами для вагонетокъ, была такая-же безрадостная, какъ и весь лагерь. Напрасно старались нагрѣть ее четырьмя желѣзными печками, каждая величиной съ добрую башню.

Въ противоположность самому помѣщенію, столы были маленькіе. Но зато ихъ было множество, и правильными линіями они тянулись вдоль стѣнъ. Кантина

помѣщалась въ углу, за деревянной перегородкой. Проходя мимо, я заглянулъ въ окошечко, не висятъ-ли тамъ окорока. Но ихъ уже не оказалось.

Вечеромъ черезъ старшаго намъ было объявлено, что французскіе офицеры устраиваютъ намъ ужинъ и просятъ всѣхъ пожаловать въ столовую.

И, когда мы спустились внизъ, столовая была уже убрана еловыми вѣтвями, и столы накрыты. Ужинъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, я не могу припомнить теперь, изъ какихъ именно, но всего было въ совершенно достаточномъ количествѣ, и приготовлено все было такъ, какъ готовятъ изъ пустяковъ только французскіе повара.

На дессертъ былъ поданъ настоящій кремъ; кромѣ того, на каждомъ столѣ стояло по три бутылки вина; возлѣ нихъ, на тарелкахъ, были разложены фрукты и печенія.

Послѣ дессерта старшій изъ французскихъ офицеровъ произнесъ рѣчь. Онъ привѣтствовалъ насъ, какъ собратій по оружію, желалъ всего лучшаго и высказывалъ увѣренность, что, когда будетъ заключенъ миръ, дружескія отношенія между двумя народами станутъ еще крѣпче.

Эту рѣчь французскій полковникъ произнесъ по-русски. Для этого онъ нарочно выучился читать и писать по-нашему.

Нашъ-же старшій, не ожидавшій, какъ и мы всѣ, ничего подобнаго, отвѣчалъ ему экспромптомъ по-русски.

Когда, послѣ обмѣна рѣчей, мы захотѣли уже садиться, французы запѣли русскій гимнъ и по-русски же.

Имъ отвѣтили на это Марсельезой. Сбивались-ли французы въ русскомъ гимнѣ — я не помню, но мы въ Марсельезѣ — то и дѣло.

Я возвратился къ себѣ, обогрѣтый пріемомъ, и, признаться, съ нѣкоторымъ туманомъ въ головѣ.

Спалъ я на новомъ мѣстѣ крѣпко, безъ всякихъ сновъ. Утромъ проснулся отъ холода.

У окна на полу бѣлѣлъ снѣгъ. Кто - то возился у печки, но безрезультатно. Пришелъ французскій деньщикъ съ углемъ и затопилъ. Скоро въ печкѣ затрещало и загудѣло. Тепло стало расходится по комнатѣ. Я откинулъ одѣяло и началъ осматриваться. Справа отъ меня лежалъ поручикъ Реуттъ; я его зналъ еще по Мюндену; рядомъ съ нимъ — Хохловскій; они были большими пріятелями, хотя никогда и ни въ чемъ не сходились. Реуттъ былъ высокій, молчаливый, серьезный; Хохловскій — маленькій, разговорчивый, задира.

Объ одной и той-же вещи они были всегда разныхъ мнѣній. Реуттъ считалъ своимъ долгомъ заставить согласиться съ собой Хохловскаго, этотъ-же находилъ удовольствіе постоянно ему противорѣчить. Послѣдовательный въ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ Реуттъ ужасался непослѣдовательности Хохловскаго, а тотъ, въ свою очередь, тяжеловѣсности и добросовѣстности Реутта.

Въ это первое утро, повернувшись носами другъ къ другу, они уже спорили.

— Ну и лагерь, —сказалъ Реуттъ, — холодъ-то какой. Даже потолка нѣтъ, одна крыша. Какъ на сѣновалѣ.

— Тѣмъ лучше. Больше воздуху, дышать легче, — отвѣтилъ Хохловскій.

—Да, вѣдь, холодно, развѣ не чувствуешь?

— Погоди, лѣто настанетъ, крыша накалится — холодъ добромъ вспомнишь.

Слѣва отъ меня помѣстился артиллерійскій прапорщикъ Сенюта. Онъ былъ произведенъ изъ нижнихъ чиновъ и отличался отъ всѣхъ остальныхъ необы-

чайной вѣрой въ непогрѣшимость своихъ собственныхъ сужденій. На другой сторонѣ, противъ меня, лежалъ прапорщикъ Сальниковъ — маленькій, кругленькій, крѣпенькій человѣкъ съ коротко-остриженной головой.

— Зайковскій, — крикнулъ Сальниковъ своему сосѣду.

Но Зайковскій спалъ, укрывъ лицо шинелью, и не шевелился.

— Зайковскій, а Зайковскій — взывалъ къ нему Сальниковъ.

Показалась сѣрая физіономія Зайковскаго.

— Чего тебѣ?

— Смотри, Сенюта проснулся, балакать ему не съ кѣмъ.

И, фыркнувъ, Сальниковъ скрылся подъ одѣяло.

Сенюта и Зайковскій были оба украинцы. Одинаковые во всемъ — въ лѣтахъ, взглядахъ, развитіи, они еще въ Мюнденѣ занимались цѣлыми днями изслѣдованіемъ причинъ русскихъ неудачъ на войнѣ. Причины эти, по словамъ Сенюты, заключались въ небольшомъ жалованіи артиллерійскихъ подпрапорщиковъ и въ пренебрежительномъ къ нимъ отношеніи со стороны начальства.

Зайковскій соглашался съ нимъ; но, какъ болѣе общую причину, онъ выставлялъ необезпеченность народныхъ учителей и ихъ зависимость отъ какихъ-то господъ въ вицъ-мундирахъ.

Пройти мимо нихъ — значило каждый разъ услышать что-нибудь вразумительное.

— Вотъ у насъ былъ вахмистръ, — разсказывалъ однажды Сенюта Зайковскому въ Мюнденѣ, — хорошій такой вахмистръ. Захотѣлъ онъ въ военное училище податься, но вотъ, представьте себѣ, срѣзался на экзаменѣ.

— Да, соглашался Зайковскій, — а какую школу онъ кончилъ?

— Этого я не знаю. Но, почему онъ не выдержалъ? Потому, что у него не было времени готовиться. Капитанъ на него всю батарею свалилъ, а самъ въ карты игралъ.

Зайковскій въ долгу не остался и привелъ исторію о томъ, какъ имъ былъ посрамленъ неопытный ревизоръ.

— Что-жъ, оно и понятно, — заключилъ скромно Зайковскій, — мы, какъ народные учителя, знакомы съ фонетикой, а ревизоры пооканчиваютъ свои университеты, а о фонетикѣ — ни малѣйшаго представленія.

Для полнаго счастья обоихъ имъ не хватало лишь слушателей. Почему-то около нихъ всегда была пустота на разстояніи яснаго слышанія человѣческой рѣчи. Особенно не любилъ ихъ Сальниковъ.

—Въ отдѣльности каждый еще ничего. А какъ сойдутся, да заговорятъ — мухи съ тоски дохнутъ.

— Это оттого, что вы баричъ, — сладко улыбался Сенюта.

— Ну, нѣтъ, братъ, — говорилъ Сальниковъ, — я больше мужикъ, чѣмъ ты. Мой-то отецъ еще крѣпостнымъ былъ, и моя мать тоже.

Такія были отношенія между этими тремя лицами.

Услышавъ свою фамилію, Сенюта поднялъ голову.

— Поручикъ Сальниковъ всегда хочутъ сказать мнѣ что-нибудь поперекъ. Только это имъ никакъ не удается, — кротко замѣтилъ онъ и улыбнулся самому себѣ.

Начали вставать. Пошли разговоры. Новый лагерь, новые порядки.

Для окончательнаго устройства намъ нужно было получить багажъ, который запоздалъ на нѣсколько дней. Когда вещи были получены, разобраны и приведены въ порядокъ, стало какъ-то легче.

Главное въ нашей жизни было выйти на проторенную дорожку: изъ повторенія складывалась привыч-

ка; привычка облегчала жизнь, все-же новое очень утомляло наши малокровные мозги и тѣла.

Французскіе офицеры часто приходили къ намъ наверхъ; между ними и нами завязалось много знакомствъ. Они интересовались Россіей и русскими; нѣкоторые изучали нашъ языкъ. Одинъ лейтенантъ приходилъ къ Зайковскому каждый день на два часа для упражненій въ разговорѣ.

У меня лично завязалось очень пріятное знакомство съ капитаномъ André Ballé-Gourdon. Мы заговорили съ нимъ совершенно случайно въ столовой. Потомъ стали встрѣчаться во дворѣ на прогулкѣ. Говорили о Франціи, о Россіи, о войнѣ, о прошломъ, будущемъ, о себѣ, о своихъ родныхъ. Бесѣды эти насъ сблизили. А потомъ, неожиданно, но такъ деликатно, что я не могъ отказаться, онъ сдѣлалъ мнѣ цѣнный подарокъ: нѣсколько банокъ прекраснаго норвежскаго молока, нѣсколько плитокъ шеколада и сахару.

И я думаю, что не я одинъ получилъ такую помощь отъ французскихъ офицеровъ.

Я имѣлъ также и ученика — французскаго офицера, инженера - агронома по спеціальности. До войны онъ жилъ на Мадагаскарѣ, потомъ въ Сѣв. Америкѣ. Послѣ войны онъ хотѣлъ поѣхать въ Россію и испробовать свой способъ веденія сельскаго хозяйства. Онъ старательно учился русскому языку, и мы съ нимъ переводили Чехова.

Никогда я не думалъ до сихъ поръ, что Чеховъ такъ труденъ для перевода. Затрудненія мои усиливались еще тѣмъ, что мой ученикъ отличался любознательностью, и его интересовали всѣ тонкости и особенности языка.

Попробуйте-ка перевести на французскій, съ сохраненіемъ духа подлинника, такія словечки, какъ: стало-быть, ни къ селу ни къ городу, взялъ да и померъ... Къ нашему большому удивленію, среди францу-

цузовъ находились и такіе, которые предпочитали своему республиканскому режиму русскій монархизмъ.

— Я не роялистъ, — говорилъ ученикъ Зайковскаго, но у насъ правитъ не народъ, а финансисты. Вся наша Chambre des députés у нихъ въ рукахъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда французовъ начали понемногу увозить изъ Halle. Первая партія въ 150 человѣкъ была отправлена въ Мюнденъ. Вмѣстѣ съ ней уѣхалъ и капитанъ André Ballé-Gourdon.. Мы сердечно простились и условились написать другъ другу послѣ войны. Покидали французы Halle съ большой радостью: здѣшній лагерь имъ надоѣлъ сверхъ всякой мѣры, хотя, собственно, репрессій тутъ не было никакихъ; запрещалась лишь продажа вина, было какое-то ограниченіе въ правѣ писать домой, и въ душахъ не было горячей воды.

Когда мы прибыли въ Halle, то, къ нашему большому удивленію, оказалось, что хлѣбъ въ лагерѣ продается безъ карточекъ.

Это происходило отъ того, что каждый французъ получалъ много продуктовъ съ родины, и хлѣба они ѣли меньше, чѣмъ выдавалось.

Въ первый день по прибытіи я увидѣлъ передъ кантиной большую очередь нашихъ.

— Что это такое? — спросилъ я у стоявшаго въ хвостѣ Реутта.

— Вставайте въ очередь, — посовѣтовалъ онъ, — въ кантинѣ продаютъ хлѣбъ, въ какомъ угодно количествѣ.

Благодаря такому положенію вещей, у насъ нашлось новое занятіе: нарѣзавъ хлѣбъ тонкими кусочками, мы сушили его на печкѣ.

Сухари прятались на черный день. Печки всѣ были заняты, и на нихъ даже установилась нѣкоторая очередь.

Больше всего занимался сушкой поручикъ Сѣровъ. За короткое время онъ успѣлъ наполнить довольно

объемистый мѣшокъ, висѣвшій у него въ головахъ. Сушилъ и я; но у меня повторялась всегда одна и та-же исторія: когда хлѣбъ былъ уже наполовину готовъ, онъ начиналъ такъ пріятно пахнуть, что я тутъ же и съѣдалъ его. Такъ, положимъ, поступала добрая половина моихъ сожителей.

Къ несчастью, подобное изобиліе продолжалось недолго: число французовъ уменьшалось съ каждымъ днемъ, а вмѣсто нихъ приводили русскихъ, такихъ-же голодныхъ, какъ и мы.

Для насъ была совершенно непонятна замѣна французовъ русскими.

Перевозка плѣнныхъ и ихъ вещей стоила не мало денегъ и хлопотъ; кромѣ того, она занимала много людей. Гораздо проще было не трогать французовъ съ мѣста и измѣнить лишь условія режима.

Нѣкоторые изъ насъ предполагали поэтому, что вмѣсто нашихъ союзниковъ будутъ устроены репрессіи для русскихъ.

Но пока все шло тихо и мирно.

Французы исчезли, появились русскіе деньшики; кухню передали въ наши руки.

Даже лагернымъ докторомъ оказался русскій врачъ. Онъ былъ взятъ вмѣстѣ съ Самсоновской арміей и до сихъ поръ служилъ въ солдатскихъ лагеряхъ. Докторъ былъ еще молодой человѣкъ; онъ франтовато одѣвался, носилъ постоянно значекъ, шпоры и любилъ разсказывать, какъ, послѣ пораженія арміи, онъ съ винтовкой скитался нѣсколько дней по лѣсамъ и отбивался отъ нѣмцевъ. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ обнаружилъ массу находчивости и ловкости.

Изъ его разсказовъ о солдатскихъ лагеряхъ я запомнилъ два.

— Привезли къ намъ ревматиковъ. Посмотрѣлъ я на нихъ, — всѣ скрюченные, съ распухшими суставами — и самъ не знаю, что дѣлать съ ними. А одинъ изъ

нихъ утѣшаетъ меня: «не бойсь, Ваше Благородіе, отлежимся какъ-нибудь». «Гдѣ вы захватили такіе ревматизмы?» спрашиваю. «На французскомъ фронтѣ, окопы рыли всю зиму. Какъ кто изъ насъ урока не выполнитъ — такъ того въ воронку отъ снаряда сажали, на часъ, на два, а то и болѣе. А въ воронкахъ-то вода. Вотъ откуда наша хворь пошла».

Перевелъ я это своимъ нѣмецкимъ коллегамъ. Тѣ не повѣрили: «невозможно», говорятъ. А наши земляки отвѣчаютъ: «повѣрить трудно, Ваше Благородіе. Очень мы ужъ живучи. Плющили нѣмцы насъ такъ, что сами они удивлялись, какъ мы выживали. Но вотъ выжили...»

Второй разсказъ относится къ другой области.

Въ одномъ изъ лагерей какой-то солдатъ, по фамиліи Скворцовъ, объявилъ нѣмцамъ, что онъ русскій священникъ. Въ это время была, какъ разъ, большая смертность среди нашихъ отъ голоднаго тифа. Нѣмцы повѣрили ему и рѣшили устроить въ лагерѣ церковь. Перевели Скворцова на особое положеніе, и началъ онъ ѣздить въ Берлинъ за облаченіями и богослужебными книгами. Нѣсколько службъ даже отслужилъ. Но нѣмцы все-таки послали запросъ въ Синодъ — имѣетъ-ли право выше-означенный Скворцовъ совершать богослуженіе.

— И какъ разъ наканунѣ моего отъѣзда получилась бумага изъ Синода, что никакой Скворцовъ не былъ рукоположенъ въ священники, и лицо, о которомъ идетъ рѣчь, совершать богослуженія не имѣетъ права, — разсказывалъ докторъ.

— Наши земляки очень способный народъ, — говорилъ въ другой разъ докторъ, — чего только не приносили они мнѣ то въ подарокъ, то съ просьбой купить или обмѣнять на хлѣбъ. Изъ разной дряни умудряются сдѣлать игрушки, ящички, коробочки, шахматныя доски. Пришелъ ко мнѣ какъ-то солдатъ, чисто

выбритый весь. Я его и спрашиваю — «а чѣмъ вы, ребята, бреетесь?» «А мы», говоритъ, «рѣжемъ на полоски банки изъ подъ консервовъ, благо ихъ много у французовъ, оттачиваемъ и бреемся». А въ комендатурѣ мнѣ жаловались, что каждую недѣлю надо выдумывать жетонъ на хлѣбъ: только ихъ раздадутъ, черезъ день-два, глядь, уже въ лагерѣ полно фальшивыхъ жетоновъ. И такъ сдѣланы, что и отличить трудно. Потомъ и фишки, что въ лагерѣ вмѣсто денегъ ходили, великолѣпно поддѣлывали. И все наши молодцы работали...

Глава II

Несмотря на то, что кухня была въ нашихъ рукахъ, питанiе было очень голодное — нѣмцы отпускали очень мало продуктовъ. Въ полдень мы получали небольшую миску перловой крупы въ черной водѣ и нѣсколько картофелинъ. То же самое было и на ужинъ. Утромъ же давали по стакану кофэ, конечно, чернаго и, разумѣется, безъ сахару. Поддерживали сухари и надежда на скорое полученiе посылокъ изъ Данiи.

Повѣрка совершалась три раза въ день. Утромъ и въ полдень — на дворѣ, а вечеромъ — по комнатамъ. Какъ и въ Мюнденѣ, мы были раздѣлены на три роты, и каждая рота имѣла своего Führer'а. Они провѣряли плѣнныхъ, потомъ говорили «Guten Tag», и мы расходились.

Жизнь быстро вошла въ колею. Но ужъ очень бросалось въ глаза малое количество занимающихся. Огромное большинство ничего не дѣлало, если не считать чтенiя русскихъ книгъ, случайно оказавшихся въ лагерѣ.

Чтобы занять время, я читалъ нѣмецкія газеты и разсказывалъ ихъ содержаніе Сальникову.

Однажды, когда мы сидѣли съ нимъ, кто-то пришелъ и передалъ Реутту пачку писемъ для раздачи въ нашей комнатѣ. Мы стали разбирать фамиліи получателей, но долго не могли прочесть одного адреса.

— А вѣдь это Ногаеву, — сообразилъ, наконецъ, Сальниковъ, разглядывая многократно зачеркнутый и вновь написанный адресъ, — смотрите-ка, какъ человѣкъ путешествовалъ.

Письмо было адресовано въ Гютерсло; оттуда его переслали въ Оснабрюкъ; изъ Оснабрюка въ Штроерморъ, изъ Штроемора въ Мюнденъ, изъ Мюндена, наконецъ, оно попало въ Halle.

— Ай, да нѣмецкая почта, довезла таки до насъ, наконецъ. Иванъ Васильевичъ, — крикнулъ Сальниковъ, — иди-ка сюда, письмецо есть тебѣ.

Въ нашей комнатѣ жили два брата Ногаевы. Замѣтилъ я ихъ ужъ давно, а разговорились мы за печкой, около которой собирались всѣ, какъ рыцари Грааля у круглаго стола. Оба они были типичные осетины съ тонкими, какъ нарисованными, бровями и орлиными носами. Мое вниманіе привлекалъ, особенно, старшій. У него были густые, волнистые, на половину сѣдые волосы. На лбу, у глазъ, у носа проходили тонкія, какъ ниточки, но глубокія морщинки. Онъ часто мигалъ и каждый разъ смахивалъ съ глазъ набѣгавшія слезы. Руки у него всегда сильно дрожали.

Младшій очень походилъ на старшаго. Сначала я даже принималъ ихъ за отца и сына, хотя разница между ними была всего лѣтъ въ пять.

На голосъ Сальникова къ намъ подошелъ старшій, Иванъ Васильевичъ.

Дрожащей рукой онъ взялъ письмо и началъ читать.

— Посмотри-ка, — и Сальниковъ легонько толкнулъ меня въ бокъ, указывая глазами на Ногаева.

Тотъ мѣнялся на нашихъ глазахъ. Хмурое, морщинистое лицо его свѣтлѣло, по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ. И, съ чувствомъ, которое трудно описать, но отъ котораго вдругъ забилось сердце, я увидѣлъ передъ собой совсѣмъ молодого человѣка. И въ то же время стараго.

Незамѣтнымъ движенiемъ Сальниковъ задержалъ меня.

Иванъ Васильевичъ кончилъ чтенiе, сложилъ письмо и положилъ его въ боковой карманъ.

— Садись-ка сюда, Иванъ Васильевичъ, — сказалъ ему Сальниковъ, показывая на мѣсто около себя, — да разскажи, что тебѣ изъ дому пишутъ.

Если бы кто подумалъ, что они давно знакомы, тотъ очень ошибся бы. У Сальникова была привычка говорить «ты» всѣмъ, кто ему нравился. И это «ты» было прiятно слышать — такое оно было простое, благожелательное и участливое. «Вы»-же онъ говорилъ только тѣмъ, къ кому былъ равнодушенъ.

Ногаевъ сѣлъ.

— Жена изъ Владикавказа пишетъ. Безпокоится, что отъ меня съ апрѣля писемъ не получала.

— Что же ты ей не писалъ такъ долго? Я моей Дарьѣ Сергѣевнѣ каждую недѣлю пишу. И то она ворчитъ, что рѣдко.

— Не моя вина, Вася, — отвѣтилъ Ногаевъ въ тонъ Сальникову.—Съ начала мая сидѣлъ я подъ репрессiями въ Оснабрюкѣ, а оттуда меня перевели въ ШтроермоPъ и нигдѣ не позволяли роднымъ писать.

— Разскажи-ка ты намъ объ Оснабрюкѣ; слышно было, что тамъ нѣмцы репрессивный лагерь устроили. Правда - ли это?

Иванъ Васильевичъ утеръ платкомъ слезинки съ глазъ и махнулъ рукой.

— Самая настоящая правда. Сперва тамъ былъ обыкновенный лагерь. Меня и еще нѣсколькихъ человѣкъ въ началѣ мая туда изъ Гютерсло отправили. Пріѣхали мы въ Оснабрюкъ. Видимъ — зданіе хорошее, бывшая унтеръ-офицерская школа, что-ли. Потомъ намъ вдругъ въ комендатурѣ объявляютъ — за скверное обращеніе съ плѣнными нѣмцами въ Казани, русскіе плѣнные въ свою очередь будутъ подвергнуты репрессіямъ въ лагерѣ Оснабрюкъ.

Послѣ этого привели насъ въ комнату и сказали: «bitte». Комната сама по себѣ большая, высокая, хорошая; но столько въ ней кроватей понаставили, что повернуться нельзя; лишь узенькіе проходы оставили, чтобы сѣсть и раздѣться можно было. Два большихъ окна — оба досками забраны, сверху до низу. Ну, что-жъ, заняли каждый койку, какая кому приглянулась, сѣли и думаемъ: а дальше что?

— А дальше что? — повторилъ, какъ эхо, Сальниковъ.

— А дальше — ничего не было. Кофэ, обѣдъ, ужинъ — все приносили намъ въ комнату. Нѣмцы принесутъ, нѣмцы и унесутъ. Но зато намъ выходить изъ комнаты — strengst verboten. Если днемъ кому нужно было пойти въ уборную, звони часового, а тотъ ужъ звонилъ выводному. Съ выводнымъ, значитъ, и ходили въ уборную. Но оставаться тамъ долго не позволялось — нѣмецъ начиналъ ругаться. А тутъ, какъ нарочно, у плѣнныхъ отъ такого сидѣнія запоры пошли, геморрои расцвѣли. Сидитъ человѣкъ, тужится; схватитъ выводной такого за рукавъ и тащитъ съ сидѣнія обратно въ комнату. Плакали нѣкоторые — кто отъ стыда, кто отъ боли. А на ночь — парашу ставили въ комнату. Жара, воздуху нѣтъ, а тутъ еще вонь отъ параши. На дворѣ весна, все должно цвѣсти, да зеленѣть, а мы ничего не видимъ; въ окнахъ между досками щелочки не оставили; а въ комнатѣ полумракъ, ничего дѣлать нельзя.

Пѣть тоже нельзя было, даже громко разговаривать запрещали. Занимались тѣмъ, что одни французскія слова вспоминали, другіе — нѣмецкія, третьи — англійскія. Но пока еще не было настоящихъ жаровъ, такъ еще куда ни шло. А какъ пошли іюньскія, а потомъ іюльскія жары — плохо стало. Воздуху не хватало, дышать нечѣмъ было. Въ одной комнатѣ отбили доску и открыли форточку, такъ имъ за это окна и снаружи и изнутри заколотили, такъ что они совсѣмъ въ темнотѣ сидѣли. Зажигали свѣтъ, когда ѣсть приносили. Кормили насъ скверно, разумѣется. Богъ знаетъ, что надъ нашей ѣдой нѣмцы выдѣлывали: подадутъ, бывало, тарелки, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ по громадной харкотинѣ виднѣется; это, значитъ, когда несутъ обѣдать, нѣмцы въ тарелки, вмѣсто плевательницъ, харкаютъ.

— Ахъ, дорогой ты мой, — таялъ отъ жалости Сальниковъ, — сколько же тебѣ перенести пришлось...

— Сидишь и думаешь, — продолжалъ Ногаевъ, я-ли одинъ съ ума сошелъ, или весь міръ сумасшедшимъ сдѣлался. Половину мая, іюнь, іюль просидѣлъ; только въ концѣ августа выпустили. Сто двѣнадцать дней взаперти провелъ. За это время ни разу свѣжимъ воздухомъ не дышалъ, ни одного зеленаго листочка не видалъ. Когда насъ привезли, только еще начала цвѣсти сирень, а когда выпустили, гляжу — осенью пахнетъ. Поглядѣлъ на себя въ зеркало при свѣтѣ — старикомъ сталъ, не плачу, а слезы сами капаютъ, руки трясутся и голова за одно съ ними.

Покончили съ Оснабрюкомъ, повезли въ Штроерморъ. Думалъ — отдохну тамъ. А намъ объявляютъ — за плохое обращеніе съ нѣмцами на Мурманѣ, русскіе будутъ подвергнуты репрессіямъ въ Штроерморѣ. Нѣмцы въ одномъ ошиблись: послѣ Оснабрюка мнѣ Штроерморъ раемъ показался. Теперь живу и жду — не объявятъ ли репрессій въ Halle за какую-нибудь Сызрань или Саратовъ...

Начиная съ этого дня, мы стали часто говорить съ Иваномъ Васильевичемъ. Несмотря на пережитое, въ немъ не было никакой озлобленности. Онъ на все смотрѣлъ спокойно своими грустными, постоянно слезившимися глазами. Моя мятущаяся душа находила въ его спокойствіи нравственную опору.

Въ Halle моей неврастеніи было много уважительныхъ поводовъ разгуляться во всю: холодъ, голодъ, боязнь за руку, за горло.

Холодъ бывалъ иногда такой, что замерзала вода на окнѣ: печка не могла натопить, какъ слѣдуетъ, нашу комнату безъ потолка.

Воздухъ въ лагерѣ былъ очень загрязненный. Мой столикъ съ книгами за сутки успѣвалъ покрыться густымъ слоемъ пыли. На немъ Хохловскій иногда писалъ краткія сообщенія: «принесли бѣлье», «Реуттъ въ околоткѣ». Во время прогулокъ во дворѣ въ глаза часто попадали осколки каменнаго угля, носившіеся въ воздухѣ. Боль иногда бывала такая, что пострадавшій тутъ-же бѣжалъ къ доктору за помощью.

Что происходило на свѣтѣ, насъ въ первое время пребыванія въ Halle не интересовало. Заботы и хлопоты о приспособленіи къ новому мѣсту занимали все наше вниманіе. Когда же жизнь стала входить въ колею — появились газеты, а съ ними разговоры о томъ, что дѣлается на фронтѣ и въ Россіи.

На фронтѣ была тишина, а въ Россіи дѣлалось что-то странное. По сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ выходило, что Петроградъ очень страдаетъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Продовольственные поѣзда почему-то не доходили до столицы, народъ волновался, Императоръ сидѣлъ въ ставкѣ, а Императрица, подавленная смертью Распутина, проводила время то на могилѣ старца, то въ обществѣ Вырубовой.

Нѣмцы иногда почему-то хотѣли изобразить Императрицу сторонницей сепаратнаго мира съ Германіей,

но дѣло, дальше неясныхъ намековъ, которые можно было понимать, какъ кто хотѣлъ, не шло.

Когда-же появилась въ газетахъ рѣчь извѣстнаго русскаго депутата, въ которой онъ выставлялъ Императрицу чуть-ли не шпіонкой въ пользу Германіи, то въ одной изъ берлинскихъ газетъ въ отвѣтъ была напечатана большая статья. Авторъ ея обвинялъ русскихъ, что они сами не знаютъ, кто ихъ врагъ и кто другъ: Императрица болѣе русская, чѣмъ самъ этотъ депутатъ.

Противниками войны Россіи съ Германіей нѣмцы называли почему-то лишь два имени — Витте и Распутина. Все же остальное русское общество стремилось довести дѣло до конца и обезвредить Германію.

Поэтому, мы спокойно смотрѣли на будущее и не придавали сообщеніямъ о продовольственныхъ затрудненіяхъ большого значенія. Мы были увѣрены, что все это — выдумки нѣмцевъ, желавшихъ утѣшить свою страну въ смерти миролюбца Распутина.

1 марта 1917 года, рано утромъ, я спустился въ столовую. Вмѣстѣ со мной былъ капитанъ Добровъ, до войны — студентъ Московскаго Техническаго Института.

Мы взяли изъ кипы, лежавшей на столѣ, наши газеты и вышли во дворъ. Я прочелъ заголовокъ и ничего не понялъ —тамъ стояло: Отреченіе Николая II. Тогда я заглянулъ въ газету капитана — тамъ стояло то-же. Дальше слѣдовалъ манифестъ: Николай II отрекался отъ престола самъ и за своего сына, во имя высшихъ интересовъ Россіи. Отреченіе явилось полной неожиданностью.

Царь - угнетатель, Николай кровавый, ушелъ отъ власти, боясь вызвать гражданскую войну.

Каждый новый день приносилъ намъ подробности изъ жизни бывшаго царя и его семьи. Изъ всѣхъ этихъ сообщеній выросталъ только большой вопросъ: а

гдѣ-же Николай, проводившій жизнь свою въ пьянствѣ и разгулѣ, гдѣ Императрица, жившая съ Распутинымъ, гдѣ царскія дочери, мертвецки напивавшіяся въ офицерскихъ собраніяхъ?

Клевета опала, какъ листья съ деревьевъ, и, какъ осенью въ лѣсу, можно было глубже заглянуть въ жизнь царской семьи. Вмѣсто тирана, вырисовывался человѣкъ, горячо преданный своей странѣ, нѣжно любившій свою жену, дѣтей, цвѣты. Царица оказалась истерзанной до безумія вѣчной тревогой за сына матерью...

— Вотъ дурили намъ голову съ этимъ царемъ — говорилъ, грѣясь у печки, Сальниковъ, — такой, сякой, хуже, кажись, ужъ не надо. А коснулось дѣло правды — совсѣмъ не то оказалось.

—Чего у насъ не хаяли — откликнулся Реуттъ, пребывавшій со времени отреченія въ состояніи мрачной закостенѣлости, — надо было заграницу попасть, чтобы Россію по настоящему оцѣнить.

— Ну, что ты нашелъ хорошаго въ Россіи. Страна большая, болота да пустыри, возражалъ ему Хохловскій.

— А хлѣбъ — отвѣтилъ ему Реуттъ, — а каша, а сало, а сахаръ?

— Рафинадъ-то нашъ, дѣйствительно, не чета заграничному, — вмѣшался Сальниковъ, — нѣмецкому только ротъ покажи, таять начнетъ, а русскій ядреный, зубы поломать можно.

— А сукно, — продолжалъ Реуттъ, — а наши желѣзныя дороги, а наши шрапнели. Помнишь, какъ мы съ тобой подъ нихъ попали, когда насъ въ плѣнъ брали.

О новыхъ событіяхъ въ Россіи никто изъ плѣнныхъ особенно не высказывался; наоборотъ, всѣ стали даже, какъ - будто, сдержаннѣе. Говорили по комнатамъ среди хорошо знакомыхъ. Ждали съ нетерпѣніемъ по-

слѣдующихъ извѣстій. Лично мнѣ не пришлось выслушать ни одного сожалѣнія по поводу ушедшей въ прошлое власти. Но многія лица выражали опасеніе, своевремененъ-ли этотъ переворотъ. Нѣкоторые-же сіяли; и я думаю, что у всѣхъ скатилось съ души бремя. Мысль, что можно будетъ свободно исповѣдывать свое я, наполняло душу сладкимъ туманомъ свободы.

Отреченіе Николая II произвело большой переворотъ въ душѣ и умахъ плѣнныхъ. Когда еще былъ царь и его правительство, не было повода безпокоиться вопросами правленія. Все рѣшалось наверху. Теперь-же передъ каждымъ изъ насъ вставало множество вопросовъ, словно бремя правленія съ царскихъ плечъ перемѣстилось на наши.

Не много времени прошло со дня отреченія, какъ старое уже казалось ушедшимъ въ безконечную даль.

Возвратъ къ прошлому былъ невозможенъ.

Какъ всегда, мы собирались у печки и говорили о новыхъ временахъ. Образовался цѣлый парламентъ. Былъ свой центръ, своя лѣвая и правая.

Сенюта былъ на крайней лѣвой, Иванъ Васильевичъ, мало говорившій и больше слѣдившій за печкой, уравновѣшивалъ его на правомъ крылѣ. Остальные представляли постепенные переходы между ними. Сальниковъ выдѣлялся въ самостоятельную группу мелкихъ собственниковъ, голосовавшую то съ центромъ, то съ крайними, смотря по тому, гдѣ защищались его интересы.

— Я полагаю, что допрежъ всего — это передѣлъ земли; значитъ, кто хочетъ обрабатывать землю самъ — бери, пожалуйста, получай, сколько надо, и паши, — говорилъ Сенюта.

— А какъ это сдѣлать? — спросилъ Иванъ Василичъ.

— Очень просто. Объявить всю землю государственной собственностью и давать изъ нея желающимъ.

— А у меня мои тридцать десятинъ отберешь? — впутался Сальниковъ.

— Развѣ вы можете одинъ столько земли обрабатывать? — уклончиво отвѣтилъ лидеръ лѣвой.

— А себѣ оставишь твои-то восемь десятинъ?

— Разъ мой отецъ сидитъ и управляется одинъ, кто-жъ у него отбирать станетъ?

— Да вѣдь у васъ земля такая, что изъ нея сами лепешки растутъ, да еще со сметаной; ваши восемь десятинъ нашимъ пятидесяти равняются. Мы-то съ отцомъ пни выкорчевывали, дренажъ дѣлали, воду съ болотъ отводили. Для другихъ мы старались, что-ли? Ты бы мозоли наши посмотрѣлъ послѣ этого.

— Я крестьянскую работу знаю, я такой-же крестьянинъ, какъ и вы, — отозвался Сенюта.

— Федотъ, да не тотъ. Взаправскіе мужики на сверхъ-срочной военной не остаются.

Сенюта презрительно поджалъ губы, но не отвѣтилъ: Сальниковъ ударилъ его по самому больному мѣсту. Это былъ намекъ на распространенное среди солдатской массы глубокое убѣжденіе, что на военную сверхъ-срочную службу остаются лишь отбившіеся отъ крестьянства люди, желающіе всякими правдами и неправдами нажиться на солдатскомъ пайкѣ.

— Ну, а что бы ты самъ - то сдѣлалъ, будь ты помѣщикомъ? — продолжалъ Сальниковъ.

— Роздалъ бы землю крестьянамъ...

Сальниковъ присвистнулъ.

— Врешь ты, сразу видать. Ты-бы такъ ее къ ногтю прижалъ, что и оторвать у тебя нельзя было бы...

— Нѣтъ, братъ, — послѣ раздумья замѣтилъ Сальниковъ, — разрѣши ты мнѣ вотъ такой вопросъ. Какъ съ землей-то по настоящему быть? Вѣдь земля-то вещь такая, что чѣмъ больше ея въ однихъ рукахъ, тѣмъ она приноситъ больше. Въ большомъ хозяйствѣ все годится. Около насъ имѣніе есть, и болото къ нему при

легаетъ. Агрономъ взялъ и засадилъ его ивами. Ивы принялись за мое почтеніе; а изъ этой ивы корзины дѣлаютъ для яблокъ. А въ небольшомъ хозяйствѣ куда-бы пригодилось это болото?

Въ такихъ разговорахъ мы коротали время.

По поводу перемѣны въ Россіи нѣмцы отъ себя ничего не добавляли. Они довольствовались сообщеніемъ однихъ фактовъ, приводили имена членовъ Временнаго Правительства, ихъ краткія жизнеописанія, политическія убѣжденія. И выходило, что нѣмцамъ не на что надѣяться. «Все Русское Правительство и общество окрашены въ ярко-національный цвѣтъ», отмѣчали газеты, безъ всякихъ добавленій со своей стороны.

Обыскъ у бывшихъ министровъ — не то у Штюрмера, не то у Протопопова, въ смыслѣ документовъ, ничего не далъ; зато было найдено около полъ-пуда шеколада, немного сахару и пуда два муки.

— Попрятали, видно, денежки, — догадывался Сенюта, — гдѣ нибудь по банкамъ, да по заграницамъ.

— Не безъ того, конечно — поддерживалъ его Зайковскій.

Но увѣренность, что всякій бывшій русскій министръ являлся воромъ, была поколеблена.

— Вотъ тебѣ и министръ — смѣялся Турабовъ, моloденькій, хорошенькій кавказецъ, — я бы на его мѣстѣ и халвой запасся, рахатомъ и чурчхелой...

Въ мартѣ начали, наконецъ, приходить посылки. Первыми появились посылки изъ Копенгагена. Макароны, рисъ, овсянка, сало, колбаса, сухари — если это не было само избавленіе отъ голодной смерти, то во всякомъ случаѣ отсрочка ея. Духовно я ослабѣлъ до того, что не могъ удержать улыбки, глядя на свои сокровища въ картонкѣ, подъ кроватью.

Мы купили съ Высотскимъ кастрюльку и отдавали варить наши каши и макароны на кухню.

Съ жадностью набрасывался желудокъ на пищу; но нельзя было позволить себѣ подобную роскошь каждый день. Свѣтильникъ жизни приходилось поддерживать такъ, чтобы онъ только не погасъ окончательно.

Еленкевичъ тоже прислалъ, какъ было обѣщано имъ, половину англійской посылки. Кромѣ риса и сахара, тамъ былъ и маргаринъ. Высотскій устроилъ завтракъ: кофэ съ молокомъ и хлѣбъ съ маргариномъ. Это было чудесно. Кончивъ ѣду, онъ сказалъ:

— Хорошо-то оно хорошо, только не поздновато-ли пришла помощь?

Отъ этихъ словъ мнѣ стало не по себѣ. Но, на этотъ разъ, они скользнули и пропали безслѣдно.

Сытое состояніе, какъ я замѣтилъ, не давало разгуливаться моей неврастеніи. Ѣда являлась для меня самымъ могучимъ лѣкарствомъ. Я думалъ — нельзя-ли лѣчить неврастениковъ хорошими обѣдами; главное, чтобы ни на одну минуту человѣкъ не оставался голоднымъ.

Голодъ въ Halle былъ почему-то въ другой формѣ, чѣмъ въ Мюнденѣ. Тамъ опредѣленно хотѣлось ѣсть, а въ Halle чувство голода пропало. Вмѣсто него явилась вялость. Гдѣ-то въ подсознательной области копошилось что-то смутное и расплывчатое, но оно не доходило до опредѣленно очерченныхъ желаній. Организмъ, какъ будто, замиралъ. Въ этомъ перепутанномъ клубкѣ неясныхъ ощущеній было одно, сильнѣе, какъ-будто, остальныхъ. Это была тоска по сахарѣ, по сладкомъ. Организмъ просилъ о немъ тихо и незамѣтно, но не переставая.

Трудно передать мое состояніе, когда въ первой пришедшей изъ Голландіи посылкѣ я получилъ два кило шеколаду. Я не могъ буквально оторваться и въ одинъ присѣстъ съѣлъ половину кило. Кромѣ меня, очень многіе получили посылки въ кредитъ изъ того-же датскаго комитета, какъ и я. Извѣщая послѣднихъ

получателей, что средства, ассигнованныя старымъ правительствомъ, у него вышли, а новыя еще не назначены, «Комитетъ съ глубокимъ уваженіемъ оставался къ услугамъ своихъ плѣнныхъ».

И Сенютѣ, который обратился туда позже другихъ, прислали письмо съ извиненіями, что ничего нельзя уже сдѣлать.

— Вотъ, Сенюта, пока былъ Царь, такъ и деньги въ комитетѣ были; а какъ пошли въ Россіи друзья народа, да совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, такъ и денегъ не стало, — говорилъ ему Сальниковъ.

— Не безпокойтесь, Василій Александровичъ, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, — сухо отвѣтилъ Сенюта.

— Да, что на вашей улицѣ будетъ праздникъ, я не сомнѣваюсь; а будетъ-ли праздникъ у тѣхъ, кто съ голоду здѣсь подохнетъ — сомнительно.

Ожидавшаяся скорая помощь изъ Россіи не шла. Газетная вырѣзка, гдѣ было написано, что Временное Правительство безотлагательно приметъ мѣры къ улучшенію быта военно-плѣнныхъ, слетѣла черезъ недѣлю со стѣны, потомъ провалялась еще нѣсколько дней въ углу — я ее узнавалъ по оборванному концу, а затѣмъ ее вымели.

Вскорѣ послѣ отреченія, плѣнные стали по утрамъ собираться въ столовой. Офицеры, хорошо знавшіе нѣмецкій языкъ, читали и переводили остальнымъ нѣмецкія газеты. Такъ плѣнные знакомились съ русскими событіями.

Неожиданно скоро пришла Пасха, а съ ней тепло и настоящая весна.

Глухіе и неясные вначалѣ слухи о вмѣшательствѣ Америки стали болѣе настойчивыми.

— Слышишь, братъ, — говорилъ Сальниковъ, возвращаясь однажды послѣ чтенія, — Америка тоже во-

евать хочетъ. Такія дѣлаетъ приготовленія, что страшно становится.

Америка казалась нѣмцамъ опаснымъ врагомъ; ея промышленность они называли мощной; про населеніе выражались, что оно еще совсѣмъ свѣжее, незатронутое войной. Но въ то же время газеты успокаивали страну дальностью разстоянія и утверждали, что участіе американцевъ будетъ носить платоническій характеръ.

Какъ-то утромъ на Пасхѣ, или вскорѣ послѣ нея, я лежалъ на кровати и читалъ газеты. Одно краткое сообщеніе меня сразу заинтересовало; это была телеграмма сотрудника одной изъ вѣнскихъ газетъ, перепечатанная германской. Въ телеграммѣ говорилось слѣдующее: «Вчера я видѣлъ на вокзалѣ случайно вагонъ, гдѣ находились лица, ѣхавшія въ Россію. Войти туда, я, къ сожалѣнію, не могъ, такъ какъ вагонъ былъ запертъ и запломбированъ. Изъ людей, находившихся внутри, я видѣлъ своего знакомаго Янсена. Мы поговорили съ нимъ черезъ окно. Онъ сообщилъ, что ѣдетъ въ Россію въ компаніи своихъ товарищей и глубоко убѣжденъ, что война кончится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ».

И, словно въ дополненіе къ этой телеграммѣ, приводились немного ниже слова австрійскаго премьера: «теперь, наконецъ, я могу съ увѣренностью сказать, что еще три-четыре мѣсяца — и война будетъ кончена».

Сальниковъ и Иванъ Васильевичъ, которымъ я перевелъ эти сообщенія, внимательно слушали мои слова.

— А что это за люди, — спросилъ Сальниковъ, — кто-бы могъ это быть?

Но я и самъ зналъ столько же, какъ и онъ.

Глава III

Какъ только образовалось Временное Правительство, мы всѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за каждымъ его шагомъ. Насъ занималъ вопросъ — какимъ образомъ оно сумѣетъ провести въ жизнь свои начинанія. Кто будетъ бороться съ преступнымъ элементомъ, кто будетъ охранять, наконецъ, новую власть?

Для этого нужна была большая, обученная и дисциплинированная сила, но ни полиціи, ни жандармеріи уже не существовало. Была, правда, милиція, составленная, какъ сообщали газеты, изъ студентовъ, гимназистовъ и реалистовъ. Но врядъ-ли новая власть могла опереться на этихъ добровольцевъ. Только въ эти минуты стала ясна вся сложность и многообразіе обязанностей бывшей полиціи. Подати, розыски, общественная безопасность, санитарія, воинская повинность — со всѣмъ этимъ она входила въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе.

И я подумалъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что при старомъ царистскомъ режимѣ, на 40.000-ный уѣздный Троицкъ, гдѣ я провелъ свою юность, было всего 50 полицейскихъ. А городъ былъ немаленькій: въ немъ было двѣ гимназіи, нѣсколько банковъ, Окружный Судъ, пять церквей, синагога, ремесленное училище, много начальныхъ школъ, женскій монастырь и больница.

И жили въ достаткѣ. Почти каждый гражданинъ имѣлъ свой собственный домъ.

И съ каждымъ годомъ городъ все больше обстраивался хорошими, разсчитанными на нѣсколько поко-

лѣній, домами. Строили не только мѣстные богатѣи, но и простые смертные — маляры, кузнецы, сапожники, кровельщики.

За политикой наблюдалъ полуслѣпой полковникъ и семь жандармовъ. Полковникъ раскладывалъ больше пасьянсы, а его подчиненные разводили арбузныя бахчи. И мой отецъ, происходившій изъ семьи польскихъ повстанцевъ, иногда помогалъ ему отписываться отъ начальства, которое, кажется, не вѣрило, что въ городѣ не было политики.

Большинство крупныхъ богачей были татары, киргизы, бухарцы — владѣльцы безчисленныхъ табуновъ, стадъ, большихъ магазиновъ, паровыхъ мельницъ, хлопковыхъ плантацій въ Туркестанѣ и т. д. За ними шли раскольничьи тузы; среди-же никоніанъ — православныхъ крупныхъ капиталистовъ было меньше. Городъ состоялъ наполовину изъ мусульманъ. И не существовало никакой національной вражды, все это работало, вѣрило и молилось, какъ кто хотѣлъ.

Нищихъ было раза въ два меньше, чѣмъ милліонеровъ; благодаря такому положенію дѣлъ, они заглядывали лишь въ богатые дома, гдѣ ихъ кормили, поили, одѣвали, давали деньги и смиренно просили помянуть въ своихъ молитвахъ.

Въ гимназіи учились директорскіе сыновья, дѣти сапожника, сыновья мѣстнаго татарина - архимилліонера, раскольники, казаки и маленькіе добродушные киргизята.

Мы были всѣ равны, чувствовали себя прежде всего товарищами и дружно объединялись передъ такими общими врагами, какъ математика, латинскія исключенія, греческіе неправильные глаголы.

Лѣтомъ остававшіеся въ городѣ цѣлой оравой бѣгали купаться на рѣчку. По дорогѣ на купанье я съ трепетомъ заглядывалъ въ раскрытыя постоянно ворота на одной изъ улицъ, примыкавшей къ главной. На доскѣ

у воротъ была приколочена черная вывѣска съ золотыми буквами: «Уѣздное Полицейское Управленіе».

Дворъ былъ постоянно пустой; у забора росла высокая матовая полынь. Бродя по городу, я не встрѣчалъ, цѣлый день иногда, ни одного городового. И гдѣ былъ тотъ ужасный полицейскій режимъ, я не могъ теперь понять.

Нашъ городъ былъ большой, а улицы были такія прямыя, что можно было видѣть изъ конца въ конецъ. По этимъ улицамъ лѣтомъ гуляли вѣтры, а зимой — бураны. Они уносили съ собой все нездоровое.

А кругомъ города лежала степь — волнистая, душистая степь, безбрежная, какъ море. По ней бродили безчисленныя стада, проходили коричневые, длинные, мягко-ступающіе караваны; въ степи, въ киргизскихъ кошахъ, мы пили кисловатый кумысъ и часами лежали на солнцѣ, дыша густымъ отъ ароматовъ степнымъ воздухомъ.

И народъ былъ крѣпкій, осанистый, выросшій на хорошихъ хлѣбахъ и на шаньгахъ. Умирали больше по Божьему изволенію да отъ неожиданныхъ посѣщеній отца Кондратія. Послѣ восьмидесяти лѣтъ года не считались — это было грѣхомъ, и жили, сколько Богъ дастъ. Чахотка и тифъ были апокалиптическими звѣрьми.

Докторъ, мѣстный старожилъ, говорилъ отцу, что за десять лѣтъ онъ имѣлъ лишь три или четыре случая туберкулеза, и то это были пріѣзжіе.

Все населеніе ѣло пшеничный хлѣбъ, а по праздникамъ во всемъ городѣ пекли пироги и пирожки.

Раньше эта жизнь казалась мнѣ тусклой; теперь-же она освѣтилась по-новому. Ея спокойствіе предстало, какъ слѣдствіе устойчивости вѣками слагавшихся отношеній. Ея незатѣйливость и простота скрашивались любовью къ своей странѣ, — къ широкой степи.

Пьянство, частый спутникъ нищеты, было въ нашемъ городѣ скорѣе отъ сытости, а въ хулиганствѣ находилъ свой исходъ избытокъ неиспользованной энергіи. Учащееся поколѣніе вносило живое бродило въ замкнутую, вертѣвшуюся около однихъ матеріальныхъ интересовъ жизнь. Старики ворчали ,вздыхали о чемъ-то, называли своихъ сыновей безбожниками, но понемногу очищали позиціи.

Картина жизни родного города до войны вставала сама собой, при чтеніи сообщеній изъ Россіи.

Изъ нихъ было ясно, что государственная машина, плохо-ли, хорошо-ли, но приводившая въ согласованное движеніе отдѣльныя части большой страны, сейчасъ только безсильно стучитъ и трещитъ подъ новыми, чуждыми ей руками. Мы чувствовали, что приказъ № 1 по Военному Вѣдомству, которому, кстати, нѣмцы обрадовались чуть-ли не больше, чѣмъ сами совѣты, разрушалъ не только дисциплину въ арміи, но и подрывалъ въ корнѣ порядокъ во всемъ государствѣ.

Читая о классовой борьбѣ, проводившейся въ Россіи на всѣхъ парусахъ, я раздумывалъ объ участи русской государственности ,о томъ, сможетъ ли этотъ темный, взбудораженный народъ понять огромное благо быть не только крестьяниномъ Псковской губерніи, но и гражданиномъ Великой страны.

Кто сумѣетъ, наконецъ, сохранить народное достояніе, собранное трудами прошлыхъ поколѣній? Мы видѣли на войнѣ, какъ оно легко разрушается; изъ нашего невольнаго, а подчасъ и вынужденнаго участія въ разрушеніи мы вынесли лишь отвращеніе къ нему.

Между тѣмъ въ Россіи задулъ вихрь разрушенія. И дулъ онъ изъ Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ депутатовъ.

Нѣмцы приводили произносившіяся тамъ рѣчи и отмѣчали лишь ихъ послѣдствія.

Рѣчь товарища Скобелева, не помню ужъ, гдѣ имъ произнесенная, въ которой онъ утверждалъ, что русскій пролетаріатъ, въ случаѣ отказа, вырветъ изъ горла русской буржуазіи то, что ему слѣдуетъ, — сразу значительно понизила русскій рубль на международномъ рынкѣ. «Рабочіе снова и снова требуютъ увеличенія заработной платы» — писалъ «Berliner Tageblatt» въ началѣ апрѣля.

Одновременно съ этимъ цѣны на все стали расти, — въ этомъ была виновата русская буржуазія, какъ объясняли товарищи изъ Совѣтовъ.

Въ исходѣ борьбы между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтами трудно было сомнѣваться.

— На что оно опирается? — спрашивалъ Иванъ Васильевичъ, развѣ что на письменные столы въ министерствахъ...

Гдѣ-же было заботиться Временному Правительству, при такихъ условіяхъ, о плѣнныхъ?

До отреченія Николая II существовала смѣшанная русско-нѣмецкая комиссія Краснаго Креста. Она вѣдала отправкой на родину инвалидовъ и туберкулезныхъ. Отправкѣ подлежали лишь самые тяжелые случаи. Уѣзжавшимъ нѣмцы устраивали тщательный медицинскій осмотръ. Кромѣ болѣзненнаго состоянія, такіе счастливцы должны были отличаться и хорошимъ поведеніемъ. Однажды нѣмцы приказомъ по безпроволочному телеграфу вернули пароходъ, шедшій изъ Германіи въ Данію. Оказалось, что среди инвалидовъ, находившихся на борту, былъ какой-то поручикъ, просидѣвшій въ нѣмецкой тюрьмѣ два мѣсяца за ссору со стражей. Бѣдный поручикъ, инвалидъ, у котораго не было живого мѣста ни на тѣлѣ, ни въ душѣ, былъ ссаженъ съ парохода и снова отправленъ въ лагерь.

Передъ Пасхой въ нашъ лагерь привезли молодого офицера изъ какого-то берлинскаго госпиталя. Онъ былъ сильно израненъ, отравленъ газами и третій годъ

ждалъ своей очереди быть отправленымъ въ Россію. Съ нѣмецкой стороны было уже все готово: всѣ формальности продѣланы и бумаги подписаны. Оставалось только сѣсть и поѣхать. И вдругъ — телеграмма изъ русской комиссіи: воздержаться отъ посылки инвалидовъ.

Это, какъ разъ, совпало съ замѣткой въ какой-то нѣмецкой газетѣ, что Временное Правительство просило открыть кредитъ для оказанія помощи военно - плѣннымъ. На это кто-то изъ окруженія Чернова, яко-бы отвѣтилъ: «...и такъ эти дармоѣды кричатъ о себѣ на весь міръ»...

— Вотъ не ожидалъ, — вскипѣлъ неожиданно Сальниковъ при этомъ извѣстіи, я-то до 38 лѣтъ, не покладая рукъ, работалъ на землѣ. Я сѣялъ, я хлѣбъ добывалъ, другихъ кормилъ, подати разныя платилъ, да я-жъ и дармоѣдъ?

— Не горячитесь, Василий Александровичъ, — съ видомъ превосходства замѣтилъ ему Сенюта, — можетъ быть, нѣмецкія газеты и врутъ, чтобы нарочно плѣнныхъ будоражить.

— Невозможное дѣло, чтобы кто-нибудь въ Россіи такъ о плѣнныхъ сказалъ, — отозвался товарищъ Сальникова, прапорщикъ Носикъ, — а, если-бы и нашелся кто, — то, по пріѣздѣ, вызываю того на трудовое состязаніе. Пусть онъ вспашетъ, засѣетъ, взборонитъ и соберетъ пшеницу съ моихъ пяти десятинъ. Не сдѣлаетъ этого — скажу ему: это ты, чоловиче, дармоѣдъ, а не я.

Была ли эта замѣтка правдой, или ее придумали нѣмцы, мы, конечно, знать не могли. Но, все-таки, отъ этихъ словъ осталось тягостное впечатлѣніе. Мы почувствовали себя въ совершенномъ одиночествѣ и тоскливо бродили по лагерю.

Я пересталъ читать газеты и проводилъ время въ разговорахъ съ Сальниковымъ. Онъ разсказывалъ о своихъ лѣсахъ, о Дарьѣ Сергѣевнѣ, о деревнѣ, и я душевно отдыхалъ, слушая его. Въ немъ самомъ все было ясно,

просто, благожелательно. Душевное здоровье, накопленное рядомъ поколѣнiй, не было имъ растрачено. Онъ былъ доволенъ своимъ мѣстомъ въ жизни и потому никому не завидовалъ. Въ прошломъ за нимъ была большая трудовая жизнь, и онъ снова готовъ былъ вернуться къ ней.

Тяжелая работа земледѣльца, которая не допускала никакого лукавства и увертокъ, сдѣлала его характеръ прямымъ и правдивымъ. И то, что онъ кормилъ себя и другихъ, давало Сальникову сознанiе его полезности и необходимости. Душа его всегда была полна живыхъ образовъ и настроенiй. Къ несчастнымъ и больнымъ Сальниковъ относился съ глубокой жалостью и нѣжностью.

Замѣтивъ, что на мнѣ болѣзненно отражаются событiя въ Россiи, онъ развлекалъ меня разсказами о своей Владимiрской губернiи.

— Самая знаменитая губернiя наша, — повѣствовалъ онъ, — какiя у насъ поля, а какiе лѣса!.. Весной, какъ войдешь въ боръ — тутъ тебѣ и ландыши цвѣтутъ, и смола пахнетъ, разная птица летаетъ. А когда ягоды созрѣютъ, медвѣди начинаютъ по малинникамъ таскаться. Пошелъ, это, я разъ по ягоды, было на примѣтѣ у меня мѣстечко такое — сухостой большой, а около—малинникъ. Ягода была тамъ крупная, сладкая. Забрался я туда и царемъ себя чувствую. Слышу только, съ другого конца тоже кто-то хруститъ; думаю — дѣвки изъ деревни; пришло на умъ: дай-ка я ихъ попугаю; выскочилъ это я: «что вы тутъ дѣлаете?» — глянь, вмѣсто дѣвокъ — медвѣдь передо мной.

Тутъ я ужъ отъ страха заревѣлъ, да въ сторону отъ него. Бѣгу, реву, а сзади трещитъ только. На другой день, когда охотники изъ княжескаго имѣнiя пришли, то по слѣдамъ узнали, что я въ одну сторону бѣжалъ, а медвѣдь въ другую. Видно, другъ друга испугались.

— Ты, Вася, разскажи-ка, лучше, какъ тебя лѣшій водилъ ночью, — сказалъ Хохловскій. Сальниковъ засмѣялся.

— Вотъ была ужъ исторія, такъ вѣрно, что исторія. Не всякій, пожалуй, и повѣритъ.

— Ничего, Вася, разскажи, мы тебѣ кредитъ окажемъ, — просилъ Хохловскій.

— Возвращался я, однажды, изъ сосѣдняго села. Ночь лунная, дорога прямая, все полемъ; ѣду я и посвистываю. Проѣзжаю мимо кустовъ и въ умѣ себѣ замѣчаю — значитъ половина пути осталась. Ѣду, ѣду — никакъ доѣхать не могу. А по времени надо мнѣ ужъ давно бы и дома быть. Гляжу — чернѣется что-то на дорогѣ; всматриваюсь — а это тѣ кусты, что я съ часъ тому назадъ уже проѣхалъ. Вотъ, думаю, исторія отца Григорія. И не пьянъ, а хуже, чѣмъ пьянъ; съ дороги-то сбиться невозможно — прямая, какъ линейка. Раза три еще мимо тѣхъ-то кустовъ проѣхалъ. Не приведи Богъ, какъ напугался; ужъ только на разсвѣтѣ домой попалъ. Заявляюсь къ себѣ, а моя-то половина, Дарья Сергѣевна, въ слезахъ: « ты, — говоритъ, — должонъ помнить, что у тебя законная жена есть, а не валандаться съ дѣвками до свѣта». Вотъ, что было со мной, — заключилъ Сальниковъ.

— Ты, что же, Вася, объяснилъ ей, что тебя лѣшіе водили? — спросилъ его Хохловскій.

— Куда тамъ... О лѣшихъ и слушать не хотѣла. «Это», говоритъ, « не лѣшіе, а лѣшачихи мужей водятъ, когда около женъ-то нѣтъ. Я имъ глаза выцарапаю, если онѣ еще тебя водить станутъ». И, скажи на милость, съ той поры лѣшіе и отступились отъ меня. Словно отворожила ихъ Дарья Сергѣевна.

— А здоровая баба у тебя? — допытывался Хохловскій.

— Просто съ печку, да румяная, твердая, какъ рѣпа съ огорода. Кто узнаетъ, что это моя жена, такъ и

говоритъ: «не по себѣ сукъ сломалъ, Василій Александровичъ». И Сальниковъ громко засмѣялся.

— А бьетъ она тебя? — не отставалъ Хохловскій.

— Николи. Зимой, пріѣдешь, бывало, изъ лѣсу — такъ она тулупъ снимаетъ, валенки стаскиваетъ, въ печку лѣзетъ: не замерзъ-ли Васенька, не проголодался-ли? Вотъ, какая моя супружница...

— А лѣшихъ не любитъ?

— Лѣшихъ не одобряетъ. А ты знаешь, что она мнѣ сюда, въ плѣнъ-то, писала? — Чтобы я въ аккуратѣ себя здѣсь содержалъ и на нѣмокъ не засматривался: у насъ есть двое своихъ ребятъ, такъ она не хочетъ, чтобы я еще со стороны привелъ. Ей совсѣмъ не вѣрится, что я съ нѣмками за все время и слова не сказалъ.

Наконецъ, газеты объявили, что въ Петроградѣ появились большевики, и вскорѣ же послѣ этого нѣмцы донесли: — «русскіе солдаты требуютъ мира безъ аннексій и контрибуцій...» Мы почувствовали, что большевики взялись за дѣло серьезно.

«Съ ихъ приходомъ появилось много газетъ; въ нихъ большевики объясняютъ русскому солдату , что война нужна только дворянству и помѣщикамъ, а самому-же народу она ничего не даетъ, кромѣ гибели и смерти», сообщала Франкфуртская газета.

— Совершенно вѣрно, — одобрялъ Сенюта, — что можетъ дать война народу?

— А по-вашему — нѣмцы дадутъ все русскому народу? — спросилъ его мрачный Реуттъ.

— Зачѣмъ намъ отъ нѣмцевъ получать что-нибудь, у насъ у самихъ все есть.

— И вы увѣрены, что нѣмцы не возьмутъ у насъ это «все»? — И, уклоняясь отъ дальнѣйшаго разговора, Реуттъ ушелъ во дворъ, гдѣ онъ бродилъ цѣлыми часами, съ книгой подъ мышкой и глядя въ одну точку передъ собой.

А въ Россіи сумбуръ, судя по газетнымъ сообщеніямъ, дѣлался все больше и больше. У насъ исчезло наше послѣднее утѣшеніе — надежда на побѣду надъ нѣмцами и справедливое наказаніе ихъ за тысячи сознательно погубленныхъ въ Германіи русскихъ жизней.

Ушелъ Милюковъ, усилился Керенскій. Шевельнулась надежда.

Первое письмо, полученное Высотскимъ послѣ революціи, начиналось словами: «да здравствуетъ свобода»... Во второмъ говорилось, что цѣны начали быстро подыматься; въ третьемъ — о трудности достать что-нибудь для посылки: все куда-то исчезаетъ, и нѣтъ никакой безопасности; вернувшіеся съ фронта солдаты днемъ митингуютъ, а вечеромъ открываютъ пальбу для устрашенія буржуазіи.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ безотраднѣе становились письма. А надъ всѣми событіями темной тучей поднимались большевики. Про нихъ можно было сказать многое, но они обладали волей, рѣшимостью и отчетливымъ сознаніемъ цѣли. Ихъ кличъ—«грабь награбленное» и «миръ безъ аннексій и контрибуцій»—не могъ не привлечь тѣхъ, къ кому онъ былъ обращенъ. И столкновеніе между большевиками съ одной стороны и Временнымъ Правительствомъ съ другой стало неизбѣжнымъ. Затаивъ дыханіе, мы ожидали его исхода.

Въ маѣ или іюнѣ, я уже не помню, нѣмецъ-переводчикъ изъ комендатуры предложилъ плѣннымъ доставлять ежедневно два номера русскихъ газетъ за 600 марокъ въ мѣсяцъ. Мы согласились, собрали между собой деньги и вручили ихъ переводчику. Какъ честный человѣкъ, онъ приносилъ намъ каждое утро два номера газетъ — «Русское Слово» и какую-нибудь другую. Такимъ образомъ, мы познакомились, между прочимъ, съ «Окопной Правдой». Газеты были старыя, потрепанныя, но вполнѣ удобо-читаемыя. Появлялись онѣ у насъ на 7 - й или 8 - день послѣ выхода. Для чтенія собира-

лись три-четыре комнаты — одинъ читалъ, другіе слушали; послѣ прочтенія газеты передавались слѣдующей группѣ и т. д., а послѣдняя отдавала ихъ обратно переводчику.

Наша надежда, что нѣмецкія газеты преувеличиваютъ событія въ Россіи, оказалась напрасной. То, что дѣлалось въ Россіи, было хуже всякихъ нѣмецкихъ сообщеній. Россійскій хулиганъ чувствовалъ приближеніе своего праздника. Поджоги имѣній, дезертирство, убійства, забастовки — другого ничего не было.

При чтеніи этихъ извѣстій сама собой появлялась мысль о необходимости твердой власти, о диктатурѣ.

— Теперь я вижу, — говорилъ Хохловскій, что государственный дѣятель то же, что часовой. Разъ ему что-нибудь довѣрили — онъ долженъ защищать, хотябы жизни его угрожала опасность.

— Для этого надо, чтобы онъ былъ увѣренъ въ своей правотѣ, — сказалъ Сенюта.

— Нѣтъ увѣренности, не принимай власти.

Одинъ разъ, сидя за своимъ столикомъ, Сальниковъ что-то переписывалъ изъ русской газеты. Хохловскій заинтересовался необычайной серьезностью всегда разговорчиваго Сальникова, безшумно подошелъ къ нему и заглянулъ въ лежавшую на столѣ тетрадку. Потомъ Хохловскій поманилъ меня рукой. Осторожно нагнувшись надъ плечомъ Сальникова, я увидѣлъ въ началѣ страницы написанное четкимъ почеркомъ — Конституціонно-Демократическая партія. А дальше, во всѣхъ направленіяхъ, шли подписи — Василій Александровичъ Сальниковъ; при чемъ подъ всей фамиліей шелъ ухарскій, кончавшійся штопоромъ, росчеркъ. Пока я смотрѣлъ, появилось еще нѣсколько штопоровъ. Хохловскій, наконецъ, фыркнулъ. Сальниковъ обернулся.

— Ахъ, чтобъ тебя... Чего ты меня пугаешь?

— А вотъ Милюкову донесу, какъ ты съ его партіей обращаешься.

— Ну ихъ къ бѣсу, эти партіи. Никакъ разобраться въ нихъ не могу. Скажи, что такое — Конституціонно-Демократическая партія.

— Это, Вася, иначе говоря, кадеты.

— А кадеты что такое?

— А кадеты — это, кто въ кадетскомъ корпусѣ былъ.

—Тебѣ бы все смѣяться. А ты посмотри, что у меня здѣсь записано.

Раскрывъ на другой страницѣ тетрадку, Сальниковъ началъ читать: «діалектическій методъ», «матеріалистическое пониманіе исторіи», «инновація ремедитивныхъ рефлексовъ борьбы капитала съ пролетаріатомъ».

— Ничего не понимаю, что все это значитъ, — пожаловался онъ.

— А ты пахать умѣешь? — спросилъ Хохловскій.

— И пахать умѣю, и сѣять, и боронить, сапоги по нуждѣ стачаю, ткать даже смогу, и скрою, и сошью, если надобность будетъ.

— Что-же тебѣ печалиться? Не ты къ методу за хлѣбомъ придешь, а скорѣе методъ къ тебѣ.

— А если у меня, на основаніи этой самой инноваціи, будутъ землю отнимать?

— А ты не давай.

— Все же, знаешь, думается, нельзя-ли все это было-бы по-русски написать?

Въ «Окопной Правдѣ» и близкихъ ей по духу газетахъ мы часто читали резолюціи сознательныхъ товарищей съ требованіями мира безъ аннексій и контрибуцій. На ряду съ этимъ, изъ германскихъ газетъ мы узнавали, что Украина, Кавказъ, Туркестанъ — ничѣмъ съ Россіей не связаны. Украину они изображали болѣе тяготѣющей къ Австріи, а черезъ Австрію и къ Германіи, чѣмъ къ Россіи.

Заявляли газеты много симпатій къ кавказцамъ. Германія великодушно протягивала руку помощи всѣмъ народамъ, изнывавшимъ подъ русскимъ игомъ.

Собственно Россіи газеты отводили мѣсто около самой Москвы. Если этой части нѣмцы не трогали, они дѣлали ее зато отвѣтственной за войну. И военную контрибуцію Германіи должна была платить эта небольшая страна.

— Ну, Вася, придется тебѣ раскошеливаться. Владимірская губернія еще русской остается, — шутилъ надъ Сальниковымъ Хохловскій.

— Да, братъ, за многое придется мнѣ платить.

— Вамъ, поручикъ Сальниковъ, не придется платить, — сказалъ Сенюта, — заплатятъ помѣщики да фабриканты.

— Ну, врядъ-ли. Если у нихъ все отнимутъ да раззорятъ — изъ чего они платить станутъ?...

— Найдутъ — увѣрилъ Сенюта.

Въ Мюнденѣ среди русскихъ офицеровъ находился поручикъ Бенко. Несмотря на украинскую фамилію, наружность онъ имѣлъ самую русскую: лицо крупное, бугристое, носъ картошкой, борода мочалкой. Ничѣмъ особеннымъ онъ изъ толпы не выдѣлялся. Любилъ ходить по двору въ одиночку, съ трубкой въ зубахъ; лѣтомъ въ хорошую погоду выносилъ свое складное кресло на солнце и располагался невдалекѣ отъ меня. До войны онъ былъ причастенъ къ театральному дѣлу, а въ Мюнденѣ, благодаря ему, ставили въ черепахѣ украинскія пьесы. Черезъ нѣмцевъ Бенко умѣлъ доставить все, что было нужно актерамъ. Весь лагерь хорошо зналъ Бенко, и онъ даже пользовался нѣкоторой популярностью. Когда насъ увезли въ Halle, онъ остался въ Мюнденѣ.

Я уже совсѣмъ сталъ его забывать, когда мнѣ о немъ напомнилъ Сальниковъ.

— Смотри-ка, Валеріанычъ, а, вѣдь, это нашъ Бенко, — и Сальниковъ ткнулъ короткимъ пальцемъ въ полученный отъ переводчика номеръ русской газеты.

На первой страницѣ газеты крупнымъ шрифтомъ было напечатано: «Разоблаченія поручикомъ - - -ко большевиковъ». Вотъ они въ краткой передачѣ: «вскорѣ послѣ отправки части русскихъ плѣнныхъ въ Halle, меня позвали въ комендатуру. Тамъ, послѣ нѣкотораго подхода, меня спросили, согласенъ ли я, очутившись въ Россіи, работать въ пользу независимости Украины. Для видимости я согласился. Тогда меня послали въ Берлинъ. Въ Берлинѣ, въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, я нѣсколько разъ встрѣчалъ какихъ-то людей, о которыхъ мои провожатые мнѣ сказали, что это русскіе большевики. Они, какъ и я, получали инструкціи и деньги. Кромѣ того, нѣмцы дали мнѣ адреса и сказали: « когда у васъ выйдутъ деньги, обратитесь къ этимъ банкирамъ: они дадутъ нужную вамъ сумму. Если бы они отказались, обратитесь къ большевикамъ; они получаютъ деньги отъ насъ черезъ Стокгольмъ, и мы имъ дадимъ соотвѣтствующій приказъ... Для вашего переѣзда въ Россію у насъ имѣются два пути: мы можемъ васъ отправить на моторной лодкѣ вдоль берега моря къ Одессѣ, или же на аэропланѣ спустить васъ въ тылу одного сибирскаго полка, съ которымъ мы въ хорошихъ отношеніяхъ»... Очутившись въ Россіи, поручикъ Бенко явился, кажется, къ Гучкову, но ни Гучковъ, ни Керенскій ничего уже не могли подѣлать.

— Ай-да Бенко, — сказалъ Сальниковъ, —хитрая бестія. Онъ, гляди-ка, въ Россіи, а мы еще тутъ.

— Но почему нѣмцы выбрали именно его? — ломалъ голову Реуттъ.

— Да, очень просто, — отвѣтилъ Хохловскій, — онъ ставилъ все украинскія пьесы, вотъ нѣмцы его за самостійника и приняли...

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ перерыва, комиссія по эвакуаціи больныхъ и инвалидовъ начала снова дѣйствовать. Съ первой партіей уѣхалъ одинъ вольноопредѣляющійся — безъ руки и туберкулезный. Своему брату въ Halle онъ прислалъ небольшую посылку и въ ней, въ мундштукѣ папиросы, письмо на тонкой бумажкѣ.

«Военныхъ въ партіи было мало» писалъ онъ, «всего только семь человѣкъ. Остальные, какъ ихъ называли нѣмцы, гражданскіе плѣнные. Въ то время, какъ мы не могли обходиться безъ посторонней помощи, они имѣли вполнѣ здоровый, если не цвѣтущій видъ; одинъ изъ нихъ далъ мнѣ листовку — долой капиталъ, буржуазію, да здравствуютъ Совѣты. Но, узнавъ, что у меня братъ офицеръ, «гражданскіе плѣнные» стали со мной осторожнѣе. Всѣ они говорили прекрасно понѣмецки. Трюмъ былъ заваленъ ихъ багажемъ, а у насъ, у военныхъ, были только деревянные сундучки; солдаты-же наши не имѣли даже бѣлья и были обуты въ деревянные башмаки. Часть гражданскихъ плѣнныхъ ѣхала въ Стокгольмъ, гдѣ они нашли какую-то работу, часть осталась въ Финляндіи»...

Недѣли черезъ двѣ-три мы уже читали въ нѣмецкихъ газетахъ:

«Въ Выборгѣ озвѣрѣвшими солдатами были совершены массовыя убійства офицеровъ. Солдаты врывались въ госпиталя, въ частныя лечебницы, въ дома, словомъ, повсюду, гдѣ они могли найти офицеровъ, приканчивали ихъ ударами штыковъ и выбрасывали тѣла убитыхъ на улицу. Число жертвъ, по сообщеніямъ датскихъ газетъ, превосходило двѣсти. Въ числѣ убитыхъ находится талантливый знатокъ морского дѣла, капитанъ I ранга Непенинъ». Около того же времени тѣ же газеты писали: «возставшими войсками убитъ въ городѣ N. восходящая звѣзда русской стратегіи полковникъ X».

Къ сожалѣнію, я забылъ фамилію убитаго, у меня остались въ памяти лишь нѣмецкія похвалы. Умирали Александровы, Николаевы, Бубликовы, Сусликовы. Гибли въ Выборгѣ, въ Севастополѣ, на фронтѣ. Гибли русскіе самоотверженные патріоты, люди исключительныхъ дарованій, какъ отмѣчала сама нѣмецкая печать. Гибли подъ ударами штыковъ и выстрѣлами нагановъ. И, казалось, что дѣлалось это планомѣрно и сознательно, словно кому-то нужно было ихъ истребленіе, словно очищали для кого-то мѣсто.

Надъ всѣмъ этимъ кровавымъ безсмысліемъ мнѣ мерещилась равнодушная монгольская физіономія Ленина. Отовсюду на меня смотрѣли его пустые, мертвые глаза. Я старался понять его, перевоплотиться въ него — и не могъ.

Онъ освобождалъ отъ буржуазнаго ига русскій пролетаріатъ, а радовались этому Гинденбургъ съ Людендорфомъ. Правда, по словамъ большевистскихъ воззваній, нѣмцы приходились русскимъ братьями. Какъ бы отвѣтили Ленину русскіе солдаты, явись онъ къ нимъ въ Кассель и заяви: «обнимите нѣмцевъ, они ваши братья».

Глава IV

Наши столкновенія съ комендантомъ начались на другой же день по прибытіи въ лагерь. Намъ было объявлено, что пѣніе національныхъ гимновъ строго запрещается; это былъ намекъ на пропѣтыя наканунѣ за ужиномъ «Марсельезу» и «Боже царя храни». Черезъ нѣсколько дней послѣ того въ столовой на стѣнѣ появилось объявленіе: плѣнные должны были отдавать честь нѣмецкимъ офицерамъ. Но нѣмецкіе офицеры сами не особенно гонялись за этимъ, и нѣкоторое время мы жили спокойно. Потомъ среди нихъ появился ротмистръ Райке. Тотъ потребовалъ отданія чести по всѣмъ правиламъ. Отъ него стали бѣгать.

Однажды, на повѣркѣ капитанъ Назаровъ вынулъ носовой платокъ и собирался облегчить свой носъ. Въ этотъ моментъ подошелъ Райке. Онъ увидѣлъ платокъ и схватилъ его. Оба стали тащить его каждый въ свою сторону. Платокъ затрещалъ и разорвался. На эту картину глядѣлъ весь лагерь; смѣялись всѣ, даже нѣмцы-часовые. Райке пожаловался фонъ-Бриксену.

На слѣдующій день тотъ лично явился на повѣрку. Когда повѣрка кончилась, Бриксенъ сдѣлалъ знакъ приблизиться къ нему. Подошли. Онъ попросилъ выйти къ нему прапорщика Аллунана, знавшаго нѣмецкій языкъ.

Затѣмъ комендантъ заговорилъ короткими фразами, обращаясь въ концѣ каждой фразы къ Аллунану. Тотъ переводилъ. Рѣчь была слѣдующаго содержанія:

— Господа русскіе военноплѣнные офицеры! Вчера одинъ изъ васъ сдѣлалъ невѣжливый поступокъ. Я требую, чтобы онъ извинился передъ ротмистромъ

Райке. Въ Россіи вы можете дѣлать все, что вамъ угодно. Но въ плѣну вы будете дѣлать то, что мнѣ угодно, — и, съ этими словами, онъ ткнулъ себя въ грудь.

Назаровъ извиняться не захотѣлъ. Пришли нѣмцы и куда-то забрали непокорнаго. Кромѣ того, послѣдовало запрещеніе выдачи посылокъ. Нашъ старшій подалъ записку коменданту, что невыдача посылокъ — дѣйствіе незаконное, и что онъ сообщитъ о немъ испанскому посольству.

На другой день послѣ подачи записки мы снова увидѣли на повѣркѣ коменданта. Онъ стоялъ посреди двора и, глядя на насъ, хлопалъ себя стекомъ по толстымъ ногамъ. Было ясно, что рѣчей не миновать. И рѣчь была— тихая, увѣренная, сопровождаемая щелканіемъ стека.

—Господа русскіе военноплѣнные офицеры могутъ жаловаться кому угодно. Не только испанскому послу, но хоть и китайскому. Я жалобъ плѣнныхъ не боюсь и заставлю ихъ дѣлать, что я захочу...

И вотъ началось это — «что я захочу». Комендантъ сталъ часто появляться на повѣркахъ и каждый разъ при этомъ произносилъ рѣчи. Говорилъ онъ хорошо, можетъ быть, иногда и справедливо, но всегда грубо.

— Я не нуждаюсь въ привѣтствіяхъ господъ русскихъ военноплѣнныхъ. Я только хочу научить ихъ вѣжливости. У насъ послѣдній рабочій считаетъ для себя обязательнымъ долгъ вѣжливости. Господа же русскіе офицеры считаютъ себя свободными отъ этого долга...

Ропотъ возмущенія проносился между плѣнными. Нашъ старшій заявилъ, что онъ не ручается за сохраненіе спокойствія въ лагерѣ.

— Родители мои, — ахнулъ Сальниковъ, когда мы въ первый разъ послѣ этого заявленія вышли на повѣрку. Ахнули и остальные.

Прямо передъ нами стояла рота нѣмцевъ съ винтовками. Изъ оконъ комендатуры глядѣлъ пулеметъ. Око-

ло него возились двое солдатъ въ каскахъ, наводя его прямо на насъ. За заборомъ, на вышкѣ, блестѣлъ другой пулеметъ. Въ углу семеро свирѣпыхъ, громадныхъ полицейскихъ псовъ едва сдерживались полицейскими. При видѣ плѣнныхъ псы вскидывались, становились на заднія лапы, лаяли и всячески показывали намъ свое нерасположеніе. Показался Бриксенъ. Одновременно съ этимъ раздалась рявкающая команда. Нѣмцы, стоявшіе противъ насъ, съ трескомъ зарядили винтовки. Изъ караульнаго помѣщенія вышла новая цѣпь часовыхъ и стала позади насъ.

Изъ оконъ сосѣдняго дома, откуда можно было видѣть нашъ дворъ, торчали головы нѣмокъ и нѣмцевъ. Изъ-за забора съ улицы доносился топотъ копытъ, и виднѣлись каски кавалеристовъ. Провѣрка прошла въ напряженномъ состояніи. Всѣхъ спокойнѣе былъ самъ Бриксенъ. Онъ хлопалъ себя стекомъ, игралъ моноклемъ и поглядывалъ на насъ.

Пережить даже одинъ разъ такую повѣрку — чего нибудь да стоитъ. А намъ такихъ повѣрокъ Бриксенъ устраивалъ шесть-восемь въ сутки. Черезъ каждые полтора-два часа, начиная съ самаго утра, на дворѣ принимался звонить колоколъ, и мы бросали все и бѣжали во дворъ. Невозможно было чѣмъ нибудь заняться. Плѣнные сидѣли и только прислушивались — не гудитъ-ли колоколъ. У нѣкоторыхъ даже появилась мысль убить Бриксена: окружить послѣ повѣрки и задушить. Онъ словно самъ это внушалъ: очень близко подходилъ къ нашимъ рядамъ, какъ-бы нарочно подставляя физіономію для удара. Я былъ почти увѣренъ, что онъ искалъ случая вызвать насъ на открытое возмущеніе. Онъ сумѣлъ бы его подавить пулеметами и собаками.

И мы эту нѣмую угрозу ясно видѣли.

Возвратясь однажды послѣ обѣда въ комнату однимъ изъ первыхъ, я задумался, чѣмъ-бы наполнить время до слѣдующей повѣрки. Вдругъ въ сосѣдней

комнатѣ послышался крикъ; затѣмъ что-то тяжело упало на полъ. Пронеслись торопливые шаги, раздались голоса: «доктора, доктора». Кто-то поспѣшно скатился по лѣстницѣ. Въ одинъ мигъ у сосѣдей собралась толпа. Вошелъ и я.

— Въ чемъ дѣло? — спрашивали одинъ другого.

— Маевскій повѣсился — было отвѣтомъ. О поручикѣ Маевскомъ я говорилъ уже раньше. Мы встрѣтились съ нимъ въ мюнденскомъ лазаретѣ, гдѣ онъ сидѣлъ въ отдѣленіи для нервно-больныхъ. Его оттуда скоро выпустили, и онъ съ нашей партіей былъ отправленъ въ Halle. Я протиснулся черезъ толпу. Маевскій лежалъ на кровати и хрипло, съ трудомъ дышалъ. На шеѣ виднѣлась узкая темно-багровая полоса. Руки и ноги иногда сильно дергались; но онъ уже былъ безъ сознанія.

Пришелъ русскій докторъ, осмотрѣлъ Маевскаго.

— Кома. Какъ это случилось? — спросилъ онъ. — Надежды мало.

— Онъ сегодня на обѣдъ не пошелъ, — сталъ разсказывать сосѣдъ повѣсившагося, — и остался одинъ. Вернулся я изъ столовой, гляжу, а онъ на полу сидитъ. Я спрашиваю — «Что ты тамъ дѣлаешь?», а онъ молчитъ. Я ближе, вижу — веревка. Я ужъ тогда закричалъ, прибѣжали другіе, обрѣзали мы веревку, на кровать положили, за вами кто-то побѣжалъ...

Скоро пришелъ нѣмецкій докторъ, дежурный офицеръ, санитары съ носилками. Нчаали составлять протоколъ. Оказалось, что Маевскій повѣсился на крючкѣ колонны, подпиравшей стропила крыши. Крючекъ этотъ находился на высотѣ человѣческаго роста; чтобы покончить съ собой, ему надо было убрать ноги, а для спасенія — упереться ногами въ полъ. Но этого онъ не сдѣлалъ.

Подъ подушкой у него нашли конвертъ съ клочкомъ бумаги внутри. Дрожащей рукой было написано:

«невозможно жить», а вмѣсто фамиліи стояли длинные, непохожіе на буквы, знаки.

Маевскаго, все еще продолжавшаго хрипѣть, санитары положили на носилки и понесли. Его отправили въ госпиталь. Тамъ, черезъ сутки, онъ умеръ. Какъ самоубійцу, богобоязненные нѣмцы отказались его хоронить по христіанскому обряду. Кромѣ того, плѣннымъ не позволили проводить на кладбище его тѣло. Разрѣшили только положить одинъ вѣнокъ на гробъ. Въ числѣ возлагавшихъ былъ мой знакомый прапорщикъ Кочкуровъ. Онъ разсказывалъ, что, когда гробъ былъ открытъ, они увидѣли покойника совсѣмъ голымъ. Нѣмцы заявили, что у нихъ такой обычай хоронить самоубійцъ.

И матери Маевскаго нельзя было даже написать, гдѣ былъ похороненъ ея сынъ, такъ какъ никто изъ насъ этого не зналъ.

Послѣ этой смерти мы сжались. Хотя покойникъ и былъ взятъ отъ насъ, но что-то осталось послѣ него. Это что-то мы ощущали и днемъ и ночью; оно жило съ нами каждый моментъ.

Сальникову стали видѣться тѣни, которыхъ никто не видалъ, и слышаться голоса, которыхъ никто не слыхалъ.

Самоубійство Маевскаго на нѣкоторое время избавило насъ отъ вида Бриксена. Но вскорѣ онъ появился снова; 6 повѣрокъ, пулеметы, трескъ заряжаемыхъ винтовокъ, полицейскія собаки — все это стало правиломъ нашей жизни. Не только мы, но и нѣмцы-офицеры тяготились этой обстановкой.

Въ то же время нѣмецкія газеты не безъ удовольствія отмѣчали, что «германское правительство всегда защищало интересы своихъ плѣнныхъ; поднятый еще при старомъ русскомъ правительствѣ вопросъ объ улучшеніи ихъ быта полное свое разрѣшеніе получилъ при новомъ правительствѣ».

А Бриксенъ намъ говорилъ: «Многіе господа русскіе военно-плѣнные офицеры дѣлаютъ видъ, что не видятъ меня. Мнѣ это все равно. Я только хочу, чтобы они повиновались моимъ приказаніямъ. И я этого добьюсь; у меня есть всѣ средства для этого».

И въ маѣ мѣсяцѣ, когда начались сильныя жары, насъ стали загонять въ помѣщенія въ 5 часовъ вечера. Другими словами, когда солнце только начинало склоняться къ западу, мы уже сидѣли взаперти. Весна и лѣто были страшно жаркія. Если на дворѣ трудно было дышать, то на нашемъ чердакѣ, подъ раскаленной крышей, было совсѣмъ невыносимо, и мы варились въ собственномъ поту. Со многими дѣлались обмороки; а въ нашемъ помѣщеніи не было даже воды, ее мы должны были носить изъ другого зданія. Такъ мы жили — «ничего себѣ», какъ говорилъ Хохловскій.

Вскорѣ послѣ смерти Маевскаго лагерь опять пришелъ въ движеніе. Въ сарайчикѣ, во дворѣ, сняли съ петли прапорщика Антонова. Онъ повѣсился на ремнѣ, но петля захлестнулась недостаточно туго, и его живого сняли и отправили въ госпиталь.

Прижимъ Бриксена и событія въ Россіи били по насъ всей своей тяжестью.

Сознаніе безвыходности и полной подчиненности иногда вдругъ замѣнялось четкой, радостной мыслью — да, вѣдь, отъ этого можно уйти. Меня самого нѣсколько разъ обжигала эта мысль. И плѣнные жили и носили въ себѣ этотъ послѣдній исходъ — добровольную смерть.

Низко опущенная, а потомъ сразу поднятая голова, застывшая, долгая улыбка и особый блескъ глазъ сразу выдавали человѣка. И сколько ходило такихъ!..

Но все же по великому милосердію судьбы, иногда перепадали минуты душевнаго затишья. Правда, онѣ появлялись рѣдко, но онѣ были. Напряженіе исчезало, душа входила въ свои берега, переживаемое станови-

лось какъ бы воспоминаніемъ. Въ такія минуты мнѣ казалось, что я въ сумасшедшемъ домѣ, среди ненормальныхъ людей, и недавнія переживанія представлялись бредомъ. Надѣяться намъ было не на что: для Россіи мы были буржуи, для нѣмцевъ — враги. И Бриксенъ тонко понималъ наше положеніе. Онъ игралъ нами, какъ сытый котъ полумертвой мышью.

Въ эти тяжелыя для насъ минуты въ Россіи все было поглощено Совѣтами, и о плѣнныхъ думать, конечно, никто не могъ. Совѣты-же были заняты «имперіализмомъ воюющихъ странъ», «борьбой съ русской буржуазіей» и «углубленіемъ русской революціи», не видя, или не желая видѣть, какъ дохнутъ русскіе пролетаріи въ тискахъ нѣмецкой буржуазіи.

Однажды, на одной изъ повѣрокъ мы увидѣли на крыльцѣ, у комендантуры, чернаго, хорошо одѣтаго человѣка. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на собакъ, на пулеметы, на окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ нѣмцевъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ дежурный офицеръ. Незнакомецъ показывалъ офицеру на собакъ и на пулеметы, но тотъ пожималъ только плечами.

Въ одинъ моментъ всѣхъ облетѣлъ слухъ: «представитель испанскаго посольства».

Послѣ повѣрки испанецъ обошелъ лагерь, посмотрѣлъ помѣщенія и зашелъ поговорить къ нашему старшему — полковнику Ленчевскому. Пробылъ онъ у полковника нѣсколько часовъ и уѣхалъ лишь подъ самый вечеръ.

— Интересный былъ разговоръ, — передавалъ мнѣ капитанъ Захъ, служившій переводчикомъ между Ленчевскимъ и испанцемъ, — представитель откровенно признался, что его испугали сперва собаки, а потомъ пулеметы; думалъ, что въ лагерѣ возстаніе, а Бриксенъ его усмиряетъ. Не хотѣлъ вѣрить, что у насъ по 6-8

повѣрокъ въ день бываетъ. Головой качалъ, когда мы разсказывали, что у насъ за жизнь и какъ двое уже повѣсились .Но жалобы наши на Бриксена взять отказался: отъ новаго русскаго Правительства до сихъ поръ еще нѣтъ отвѣта, остается-ли за испанскимъ посольствомъ защита интересовъ русскихъ плѣнныхъ, или нѣтъ; запросъ-же былъ посланъ еще въ началѣ марта. Онъ только обѣщалъ довести до свѣдѣнія своего посла фразу Бриксена: «плѣнные могутъ жаловаться не только испанскому послу, но даже китайскому».

Пріѣздъ испанца не внесъ никакихъ измѣненій въ нашу жизнь. Число повѣрокъ Бриксенъ не уменьшилъ, и загонялъ насъ такъ же рано, какъ и прежде.

— Ну и положеньице — вздыхалъ въ майскій вечеръ Сальниковъ, лежа на постели.

Раскалившаяся отъ дневного жара крыша превратила нашъ чердакъ въ тропики. Боясь солнечнаго удара, Сальниковъ и Хохловскій раздѣлись до собственной кожи и обвязали головы мокрыми полотенцами.

— Ничего, Вася, — утѣшалъ его Хохловскій, — теперь жарко, зимой будетъ холодно.

— Это, братъ, при Штюрмерѣ было холодно. При Совѣтахъ-то, пожалуй, замерзнемъ совсѣмъ.

— Брось ты политику, Вася, — убѣждалъ Сальникова Хохловскій. — Разскажи-ка лучше что-нибудь о своей Владимірской губерніи. Русалки тебѣ не встрѣчались? Край-то вашъ дикій, всякой нечисти много.

— А, вѣдь, былъ вродѣ какъ-бы такой случай, — припомнилъ Сальниковъ, — и скажи ,пожалуйста, вѣренъ я своей Дарьѣ Сергѣевнѣ вотъ какъ передъ Истиннымъ, а исторія такая произошла, что я самъ другому не повѣрилъ бы.

Уѣхала, это, одинъ разъ, моя Дарья Сергѣевна къ крестному, съ ребятишками, на два дня. А на прощаніе

мнѣ печку жарко истопила: бань-то въ нашей мѣстности нѣтъ, парятся въ печкахъ; залѣзутъ туда и лежатъ, сколько кто выдержитъ. А потомъ вылазятъ и водой въ избѣ уже моются. Приготовила мнѣ, значитъ, печку, Дарья Сергѣевна, а сама поѣхала. Лежу я на печи и думаю, париться или нѣтъ.

Пока я раздумывалъ — сватья моя пріѣхала, хомутъ ихній взять, что у насъ еще съ лѣта оставался. Важная была сватья. Мы-то съ ея отцомъ лѣтомъ заливные луга косили, а она сѣно собирала. Подберетъ, бывало, рубашку повыше, чтобы не намочить, а я только глаза въ сторону отвожу: искушеніе одно. Пріѣхала она и говоритъ: — «замерзла». Я предложилъ ей попариться. Залѣзъ я на полати, чтобы ее не смущать, а она раздѣлась и въ печку. Парилась, парилась, да и запарилась, надо полагать. Зоветъ меня: «Васенька, помоги, головушка кружится». Слѣзъ я съ полатей, да и давай ее тащить изъ печки. А въ этотъ моментъ жена, какъ разъ, входитъ. Конь-то въ дорогѣ споткнулся и захромалъ, Дарья Сергѣевна и рѣшила вернуться; входитъ она въ избу, а я сватью изъ печки тащу.

— А какъ ты тащилъ ее — головой къ себѣ или ногами? — освѣдомился Хохловскій.

— Въ томъ то и дѣло, что ногами.

— Ну а Дарья Сергѣевна какъ?

— Да пока сватья была, ничего. А какъ только та уѣхала, на меня и набросилась: «песъ рыжій, ни бабамъ, ни дѣвкамъ отъ тебя проходу нѣтъ»...

Тѣхъ, кто опаздывалъ на повѣрку, сажали подъ арестъ. Сидѣть тамъ было недурно, и арестованные возвращались изъ тюрьмы освѣженные и бодрые. Поэтому, многіе стали умышленно запаздывать на повѣрку, и на посадку въ тюрьму образовалась длинная очередь. Но скоро Бриксенъ догадался, въ чемъ дѣло; онъ амнистировалъ всѣхъ запоздавшихъ и приказалъ не

начинать повѣрки, пока не собирались всѣ. Побывалъ въ тюрьмѣ и Хохловскій.

— Самая тюрьма напоминаетъ наши Кресты. Для русскихъ двѣ камеры отвели, — разсказывалъ онъ намъ, — постели на день не убирали, лежишь себѣ, посвистываешь; выйти надо — вывозного позвонилъ. Кормили хорошо, изъ солдатскаго котла; и повѣрокъ никакихъ. Намъ-то гораздо лучше было, чѣмъ нѣмцамъ арестантамъ.

— Не можетъ быть, — не повѣрилъ Реуттъ.

— Своими глазами видѣлъ. Мое окошко во дворъ выходило; тамъ два круга было, какъ арены въ циркѣ, только поменьше. На каждый по 9-ти арестантовъ выводили гулять, а въ центрѣ надзиратель помѣщался. Каждый арестантъ на три шага былъ отъ своего сосѣда. Не только заговорить или обернуться, но даже въ сторону глазъ отвести не позволяли. Ходи и гляди въ спину того, кто впереди тебя идетъ. Нагнуться нельзя, чтобы камешекъ подобрать. И вотъ такъ съ полчаса гуляли. Молчаніе кромѣшное. На одномъ кругу въ одну сторону ходятъ, а на другомъ — въ другую. За всѣ шесть дней никто на меня глазъ не поднялъ. И всѣ арестанты, какъ одинъ одѣты: у каждаго рубаха изъ дерюги, такіе-же штаны, а на ногахъ деревянные башмаки. Вмѣсто пояса, веревкой подпоясаны и высоко подъ самыя подмышки, какъ у насъ мальчишки въ деревняхъ. О бѣльѣ и помина нѣтъ. И руками размахивать нельзя во время прогулки: руки должны быть опущены и плотно къ тѣлу прижаты. Чуть покажется надзирателю, что арестантъ уронилъ что-нибудь, — онъ сейчасъ-же весь кругъ останавливаетъ, каждый камешекъ пересмотритъ и, въ заключеніе, тумака дастъ.

— А, по моему, это дисциплина, какая и должна быть, — замѣтилъ Сенюта.

— Ты, Сенюта, вродѣ большевика: когда тебя давятъ — скверно, когда ты давишь — хорошо.

— Жестокій народъ нѣмцы, — вздыхалъ одинъ изъ моихъ ближайшихъ сосѣдей, прапорщикъ Карловацъ, — и подумать — около мѣсяца въ Казани въ нѣмецкій лагерь въ караулъ ходилъ и всякія поблажки плѣннымъ дѣлалъ.

— Теперь, небось, не сдѣлалъ бы? — спросилъ его Сальниковъ.

— А нѣмкамъ, въ особенности.

— За что ты на нихъ зубъ имѣешь?

— За дѣло. Нашъ-то полкъ при Брусиловскомъ наступленіи въ Австріи пострадалъ. Меня тамъ нѣмцы взяли и въ Германію направили. Пока по Австріи ѣхали — ничего, можно было терпѣть, а какъ только границу переѣхали — совсѣмъ другіе порядки пошли. Со мной двое тяжело раненыхъ ѣхало. Одинъ все пить просилъ. На одной станціи часовой взялъ у кого-то изъ насъ кружку и побѣжалъ за водой. На обратномъ пути — одна нѣмка на встрѣчу. Остановила конвойнаго, спрашиваетъ — для кого вода? Тотъ говоритъ — для русскаго раненаго. — Ach, so, für das russische Schwein, — и хлопъ стаканъ о землю.

А потомъ, черезъ нѣсколько станцій, другого раненаго высадили. Рана-то тяжелая была, въ грудь, на-вылетъ, разрывной пулей; кончался уже; вынесли его на носилкахъ, снесли на станцію и в тѣнь поставили — пока не пріѣдутъ изъ лазарета забрать. А чтобы мухи не докучали, лицо простыней покрыли. Увидѣла носилки какая-то нѣмка съ краснымъ крестикомъ, откинула простыню — видитъ русскій — плюнула ему въ лицо и дальше пошла.

Въ это же время русскіе министры и совѣты депутатовъ не могли столковаться, ведетъ ли Россія насту-

пательную, или только оборонительную войну, и какова должна быть позиція русскаго пролетаріата въ томъ и другомъ случаѣ.

У Гинденбурга зато никакихъ сомнѣній не было, и онъ громко заявлялъ какому-то Германскому союзу рабочихъ: «Всякій германецъ... долженъ купить жизнью, кровью и трудомъ право на достойное существованіе. Будемъ надѣяться, что побѣда увѣнчаетъ наши усилія. Я обѣщаю вамъ земли на востокѣ и западѣ, повсюду, гдѣ развиваются наши побѣдныя знамена... Мы возстановимъ священную Имперію, охраняемую ея вождями и всѣмъ народомъ».

Но этихъ намековъ министрамъ-соціалистамъ было мало. Русскій фронтъ, откуда нѣмцы брали свои силы и перебрасывали на западный, имъ представлялся надежнымъ. Товарищъ Церетелли на всѣ заявленія о разложеніи фронта говорилъ: «я этому не вѣрю». Эта его фраза была приведена въ газетѣ «Единство» въ № 41, 17 мая.

А Гинденбургъ отвѣчалъ: «если только русскіе осмѣлятся сдѣлать наступленіе, то они узнаютъ, что у насъ все еще достаточно пушекъ. Нѣмцы хотятъ побѣдить —и побѣдятъ».

Правда, Керенскій тоже не терялъ времени. Тов. Скобелевъ писалъ о своемъ начальствѣ:

«...важная работа, которую продѣлываетъ тов. Керенскій, состоитъ въ революціонизированіи арміи»... Это революціонизированіе состояло въ произнесеніи невѣроятнаго количества рѣчей передъ войсками.

Мы читали ихъ: рѣчи были хороши. Но послѣ Керенскаго являлись другіе «ораторы» и говорили совсѣмъ другое. Сама солдатская масса, видимо, не знала, чего ей хотѣть. Ѣсть давали, одѣвали, платили деньги, начальства не было, обязанностей тоже. И 14-ая рота какого-то полка вынесла резолюцію: ни офицеровъ, ни

докторовъ не надо. Но раненые и больные одного изъ полевыхъ госпиталей были другого мнѣнія — замѣнить всѣхъ фельдшеровъ, въ виду ихъ грубости и нечестности, докторами. Приводя вторую резолюцію, «Окопная Правда» добавляла, что товарищи больные еще недостаточно проникнуты революціоннымъ духомъ...

Такъ переплеталось нелѣпое съ трагическимъ. А мы, ,безсильные, наблюдали, какъ развивались событія.

Однажды, въ началѣ іюня, утромъ послѣ первой повѣрки я сидѣлъ въ нашей комнатѣ съ Иваномъ Василичемъ. Вдругъ, мимо насъ прошелъ быстрыми шагами дежурный офицеръ, лейтенантъ Кристофъ. Ничего не говоря, онъ направился къ кровати Сѣрова и началъ рыться у него на столикѣ. Вытащивъ какую-то карту изъ-подъ наваленныхъ сверху книгъ, тетрадей и замѣтокъ, Кристофъ снова удалился, не произнеся ни слова. Когда пришелъ поручикъ Сѣровъ, Иванъ Василичъ разсказалъ, что Кристофъ рылся у него на столикѣ и взялъ какую-то карту.

Сѣровъ осмотрѣлъ вещи; оказалось, что была забрана карта австрійскаго фронта.

Карту эту имѣть плѣннымъ, почему-то, запрещалось.

— Но, какъ онъ могъ узнать, гдѣ моя кроват и гдѣ мой столикъ? — догадывался Сѣровъ.

Кристофъ у насъ, дѣйствительно, въ комнатѣ еще никогда не былъ. Вечеромъ, когда повѣрка совершалась по комнатамъ, дежурный офицеръ оставался на порогѣ, пока караульные наскоро пересчитывали плѣнныхъ. То, что Сѣровъ имѣетъ запрещенную карту, знали только въ нашей комнатѣ, да и то не всѣ. Найти его кроват и столикъ, безъ посторонняго указанія, не было возможности. Было ясно, что среди насъ есть нѣмецкіе глаза и нѣмецкія уши.

«Кто»? — Мы строили разныя предположенія, но до-

носчика не находили. Да и кто же могъ шпіонить изъ русскихъ плѣнныхъ? Мы всѣ одинаково страдали отъ нѣмцевъ. Страшно было подозрѣніемъ оскорбить невиннаго, и подумать на кого-нибудь — не было никакихъ основаній; съ нѣмцами никто не былъ близокъ, въ комендатуру ходили только по вызову.

Но шпіонъ нашелся. Обнаружили его лишь черезъ полъ-года, и въ другомъ лагерѣ, гдѣ онъ выдалъ готовившійся побѣгъ. Это былъ поручикъ запаса Кирновъ, родомъ изъ О. Еще до войны онъ ушелъ изъ полка, бродилъ нѣкоторое время безъ мѣста, а потомъ сдѣлался губернскимъ брандмейстеромъ. Изъ брандмейстеровъ онъ и попалъ на войну.

Въ Мюнденѣ я жилъ съ Кирновымъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одной комнатѣ. По часу онъ сидѣлъ передъ зеркаломъ и дѣлалъ проборъ. Сдѣлать прическу изъ длинныхъ, но очень рѣдкихъ волосъ на плѣшивой почти головѣ, была задача нелегкая. Кирновъ разсчитывалъ, куда долженъ былъ лечь каждый волосокъ. У него былъ цѣлый ящикъ помадъ, одеколоновъ, пудръ. Одѣвался франтовато. Въ головахъ у него висѣлъ портретъ жены — грузной женщины въ черномъ платьѣ и большой шляпѣ съ перьями. Кирновъ никогда не унывалъ и постоянно насвистывалъ одну и ту же шансонетку. Начиналась она словами: «Эй старушки, эй старушки»... Отъ этой пѣсни Высотскій лѣзъ на стѣну, такая она была пакостная.

Читалъ Кирновъ только Тэффи и Аверченко. Оба они писали, по его выраженію, «здорово».

Когда его въ Магдебургѣ плѣнные уличили въ шпіонствѣ, Кирновъ запираться не сталъ. На вопросъ, что его заставило стать шпіономъ, онъ откровенно признался: «...полное безденежье, даже не на что было купить фиксатуара»... Послѣ признанія Кирновъ захворалъ и былъ отправленъ въ госпиталь. Тамъ онъ пы-

тался покончить съ собой, но неудачно. Что съ нимъ дальше сталось, я не знаю.

Въ Halle Кирновъ жилъ въ комнатѣ сосѣдней съ нашей. Какъ только разнеслась вѣсть объ исторіи съ картой, онъ больше всѣхъ, кажется, ломалъ голову, кто бы могъ быть доносчикомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія онъ собиралъ свои вещи въ веселомъ настроеніи — его куда-то увозили.

Прошло два или три дня. Мы еще лежали въ кроватяхъ и слушали Сальникова.

— Приснился мнѣ сегодня горшокъ съ кашей. Большой такой горшокъ, а каша разсыпчатая, — разсказывалъ онъ, — смотрю я на кашу и думаю — сейчасъ не буду ѣсть, а спрячу; схожу на повѣрку, а потомъ и за кашу примусь. И, будто, горшокъ подушкой накрылъ. Проснулся, сразу подъ подушку полѣзъ — есть ли еще горшокъ-то, а тамъ только грязный носовой платокъ. Такъ жалко стало...

Вдругъ необычайно ранній звонокъ заставилъ всѣхъ замолчать.

— Неужели на повѣрку уже? — предположилъ любившій поспать Зайковскій.

Первая повѣрка происходила въ 9 часовъ, а мои часы показывали только половину восьмого. Всѣ заторопились. А колоколъ словно била лихорадка; звуки были частые и тревожные. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что снаружи весь лагерь оцѣпленъ войсками. Когда мы вышли, Бриксенъ уже гулялъ посрединѣ двора.

— Святители мои, — ахнулъ Носикъ, да что жъ это такое?

Дѣйствительно, картина была странная. Противъ насъ стояло роты двѣ солдатъ. Къ двумъ пулеметамъ прибавили еще третій. Полицейскихъ собакъ было уже одиннадцать. У комендатуры толпилось съ полсотни

нѣмцевъ въ незнакомой формѣ. Около кареты скорой помощи на землѣ стояло два ящика: одинъ съ инструментами, другой — съ медикаментами. Невдалекѣ прохаживался нѣмецкій военный врачъ.

— Ну, Сѣровъ, — заявилъ Сальниковъ, — не иначе, какъ тебя будутъ разстрѣливать за карту. Завѣщай мнѣ твои сухари, пока не поздно.

А не сдѣлаютъ ли намъ какой-нибудь прививки, — соображалъ Носикъ, — можетъ быть, пруссофильскую бациллу нашли. Не даромъ же докторъ и ящики эти самые.

— А вдругъ объявятъ — лагерь переименовывается въ каторжную тюрьму, а мы въ каторжанъ, предположилъ Хохловскій.

— Прощай, Валерьянычъ, — крикнулъ пробѣгая Высотскій, — должно быть, больше не увидимся.

Послѣ повѣрки Бриксенъ сдѣлалъ приглашающій жестъ; мы подошли. Онъ заговорилъ. Выяснилось, что намъ не угрожаетъ ни разстрѣлъ, ни прививка, ни каторга. Комендантъ хотѣлъ только сдѣлать обыскъ. Нѣмцы, стоявшіе у комендатуры, оказались полицейскими города Halle. Все остальное было сдѣлано для большей торжественности.

Мы остались во дворѣ. Полицейскіе съ караульными разошлись по зданіямъ. У входовъ помѣстились нѣмецкіе офицеры съ нашими списками. Потомъ начали вызывать насъ по алфавиту. Когда первые обысканные снова появились во дворѣ, на нихъ накинулись съ разспросами.

— Такого обыска еще не было, — передавали они, — роются въ постеляхъ, въ чемоданахъ, заставляютъ раздѣваться, книги, тетради, замѣтки забираютъ въ комендатуру для просмотра.

Обыскъ продолжался долго. День выдался особенно знойный — былъ конецъ іюня. Небо было безоблач-

ное. Дворъ накалился; тѣни никакой. Негдѣ было даже присѣсть; одни стояли, другіе, уставъ, присаживались на мостовую. Жгло сверху, жгло снизу. Карета скорой помощи казалась зловѣщимъ намекомъ. По распоряженію доктора принесли ведро воды; плѣнные пили, мочили платки и вытирали ими потныя лица.

До меня очередь дошла въ три часа. Раньше, чѣмъ попасть въ комнату, пришлось пройти мимо безчисленныхъ часовыхъ. Два солдата и два полицейскихъ уже дожидались меня; столько же набросилось на пришедшаго со мной Сѣрова.

— Ваши вещи, — спросили полицейскіе. Я досталъ и открылъ чемоданъ. Караульные вынимали одну вещь за другой и передавали ихъ полицейскимъ. Тѣ все внимательно осматривали. Бѣлье они развернули и посмотрѣли на свѣтъ. Старые кителя и брюки вывернули наизнанку, ощупали швы, подкладку. Изслѣдовали папаху и шинель. Перелистали всѣ книги; тетради и записныя книжки сложили и связали веревкой — на просмотръ въ комендатуру. Раскрыли постель; щупали и кололи длинными булавками матрасъ. Залѣзли въ ящики, гдѣ хранились продукты. Нигдѣ — ничего.

Тогда принялись за меня. Попросили снять китель — снялъ. Сапоги — снялъ. Наступила очередь брюкъ; за ними пошли носки, кальсоны и рубашка. Я остался въ чемъ мать родила, какъ и Сѣровъ. И въ этомъ положеніи насъ еще заставили нагибаться... Обыскъ закончился къ 6 часамъ вечера.

— Ну-ну,—горевалъ Сальниковъ,—кабы моя Дарья Сергѣевна знала, да вѣдала, какъ меня тутъ обыскивали, навѣрное бы сказала: на что ты мнѣ такой-то?

— Это еще ничего, Вася, — утѣшалъ его Хохловскій. — Другихъ осмотрятъ да и въ тюрьму посадятъ.

— За что жъ?

— А въ одномъ лагерѣ коменданту тоже пришла въ

голову мысль сдѣлать такой же обыскъ. Все сначала шло благополучно. Дошла очередь до одного офицера. Смирный былъ такой на видъ. Раздѣньтесь, говорятъ ему — раздѣлся. Нагнитесь — нагнулся. Стали ему въ эти мѣста заглядывать, а онъ вдругъ какъ выпалитъ. Судили его за это, на два года въ тюрьму приговорили: «за оскорбленіе нѣмецкихъ чиновниковъ при исполненіи служебныхъ обязанностей». Оправдывался на судѣ, что у него геморрой, что ему трудно владѣть собой. Не помогло. Такъ два года и получилъ.

— Здорово, — протянулъ Сальниковъ, — только чего же тамъ ищутъ?

— Да, какъ-то, у одного англичанина нѣмцы тамъ компасъ нашли. Съ тѣхъ поръ они всѣхъ ужъ такъ обыскиваютъ...

Этотъ обыскъ произвелъ скверное впечатлѣніе, еще разъ показавъ нашу полную беззащитность.

Въ то же, приблизительно, время мы прочли въ «Единствѣ» отповѣдь Плеханова какому-то русскому публицисту за его заявленіе: «Мы не допустимъ военнаго разгрома Германіи».

Но если русскіе публицисты не хотѣли разгрома Германіи, то германскіе — были очень не прочь разгромить Россію.

Шейдеманъ со своими соціалистами пространно обсуждалъ, что такое представляетъ собой «миръ безъ аннексій и контрибуцій»; и его невозможно было понять.

— Хитрый народъ нѣмецкіе соціалисты, — разсуждалъ Носикъ, — сидятъ за Вильгельмомъ, какъ за каменной стѣной; ни да, ни нѣтъ не говорятъ. Разобьютъ Германію — скажутъ: «мы за миръ были безъ аннексій и контрибуцій»; разобьетъ Германія — это уже не Шейдеманъ будетъ брать контрибуціи, а Вильгельмъ со своими генералами, а соціалисты въ сторонѣ останутся. Только русскіе дураки поплатятся.

Глава V

Среди такого сумбура неожиданно появился приказъ Керенскаго о наступленіи.

Первые русскіе успѣхи произвели на нѣмцевъ ошеломляющее впечатлѣніе. Они, словно, согнулись и глядѣли на насъ съ большимъ уваженіемъ. Въ лагерѣ стало веселѣе; мы начали оживать, послышались шутки, смѣхъ. Наша радость не имѣла въ себѣ чувства мести: побѣды русскихъ представлялись торжествомъ правды.

Нѣмецкіе соціалисты забили тревогу, почему германское правительство не отозвалось на миролюбивыя предложенія русскихъ, и спрашивали, каково же будетъ положеніе Германіи, если она будетъ разбита?

И было ясно, что, продлись еще немного русское наступленіе, нѣмцы заставили бы сдаться свое правительство. Тогда бы и могъ быть заключенъ миръ безъ аннексій и контрибуцій. Но, вмѣсто того, чтобы наступать, русская армія вдругъ стала отступать... И какъ еще... Теперь нѣмцы ходили, поднявъ голову, а мы, — понуривъ.

Одна нѣмецкая рота гнала передъ собой цѣлую дивизію. Неисчислимые запасы провіанта и разнаго воинскаго добра попадали нѣмцамъ. «Горы овса», «поѣзда сахару», «прекрасные санитарные поѣзда», «невѣроятные запасы мясныхъ консервовъ, мяса, сала» — такъ описывали газеты военную добычу.

Военнаго же снаряженія было захвачено такъ много, что нѣмцы его просто не считали. Они съ удивленіемъ писали, какъ прекрасно была снабжена русская армія.

«Будь у насъ такое изобиліе, мы бы могли держаться тридцать лѣтъ», говорила одна нѣмецкая газета.

«Русскіе офицеры иногда переходятъ въ наступленіе тонкими цѣпочками; но всѣ они гибнутъ отъ пулеметнаго огня», писалъ какой-то нѣмецъ-очевидецъ.

«Одинъ русскій генералъ пытался остановить бѣглецовъ; онъ убилъ изъ револьвера пять дезертировъ, а послѣдней пулей себя», сообщалъ корреспондентъ «Русскаго Слова».

Нѣмецкіе соціалисты мира требовать перестали. Ихъ газеты, наряду съ прочими, подсчитывали военную добычу.

Словомъ, военнаго разгрома Германіи кто-то не допустилъ.

Зато военная и умственная сила Россіи таяла съ каждымъ днемъ.

Вскорѣ послѣ пораженія, и русскія и нѣмецкія газеты стали доносить о невѣроятныхъ избіеніяхъ офицеровъ и всего образованнаго класса въ Россіи.

Избивали матросы, солдаты, хулиганы.

Темнымъ и страшнымъ казалось будущее Россіи. И чѣмъ оно было страшнѣе, тѣмъ сильнѣе прирастало къ ней сердце.

Черезъ душу прошелъ пожаръ. Главные устои мысли и морали сдвинулись и покоробились. Сгорѣла и робкая надежда. Померкла заповѣдь — «не убій»...

Въ эти же дни случилась такая исторія. Когда русская армія отступала изъ Галиція, въ лагерѣ Halle поручикъ Шаммъ замѣтилъ, что подошвы на его сапогахъ протерлись. Онъ поступилъ, какъ поступилъ бы всякій на его мѣстѣ: понесъ сапоги въ починку. Во дворѣ у насъ стояла хибарка; нѣмцы поселили въ ней сапожника изъ плѣнныхъ. Сапожникъ былъ человѣкъ непріятный; онъ постоянно говорилъ, что нѣмцы заваливаютъ его работой, и отъ насъ онъ бралъ починку очень неохотно: каждый разъ его приходилось долго упрашивать.

Плѣнные къ нему почти не обращались. Но Шамму выбора не было. Онъ отправился въ хибарку. Сапожникъ сидѣлъ и работалъ. Шаммъ, въ ожиданіи, присѣлъ на лавочку. Нервный и впечатлительный, онъ не могъ воздержаться отъ разговора. Большевики, сказалъ онъ, между прочимъ, были предатели и нѣмецкіе шпіоны. Въ отвѣтъ сапожникъ размахнулся и ударилъ Шамма по лицу. Раненный въ обѣ руки и туберкулезный, Шаммъ ничего не могъ сдѣлать. Можетъ-быть, дѣло осталось бы подъ спудомъ, если бы не самъ сапожникъ. Онъ всюду сталъ разсказывать, какъ ударилъ офицера. Узнали объ этомъ деньщики, узнали нѣмцы, узнали мы. Нашъ старшій, полковникъ Ленчевскій, рѣшилъ назначить слѣдствіе. Былъ позванъ сапожникъ. Осторожный и тактичный слѣдователь старался затушевать и смягчить самое дѣйствіе. — Ну, можетъ быть, вы неосторожно задѣли поручика Шамма, даже не желая этого, — подсказывалъ капитанъ.

— Я его не задѣвалъ, а просто далъ офицеру въ морду, — былъ отвѣтъ.

Пришлось обратиться къ Бриксену. Но Бриксену сапожникъ сказалъ, что ударилъ Шамма за то, что тотъ ругалъ нѣмцевъ.

Прошло нѣсколько дней. Мы уже легли и засыпали. Вдругъ вспыхнулъ свѣтъ. Въ одной изъ крайнихъ комнатъ послышались тревожные голоса; застучали о полъ нѣмецкія винтовки. Въ одно мгновеніе лагерь былъ на ногахъ. Сальниковъ проснулся; его била нервная дрожь. Въ одномъ бѣльѣ онъ подошелъ ко мнѣ.

— Пойдемъ, посмотримъ, что тамъ такое? — Мы вышли въ проходную комнату. Изъ другихъ дверей выносили кого-то, закутаннаго въ окровавленныя простыни. Около шелъ русскій докторъ.

— Что такое? — спросилъ его кто-то.

— Корневъ вскрылъ себѣ жилы, — отвѣтилъ онъ.

Молодой и красивый Корневъ былъ близкимъ другомъ Шамма. Нѣсколько дней послѣ исторіи Шамма съ сапожникомъ онъ ходилъ тихій, разстроенный. И этой ночью, когда свѣтъ погасъ, и всѣ заснули, онъ бритвой вскрылъ себѣ артеріи.

Это было обнаружено тѣмъ-же Шаммомъ: онъ услышалъ, какъ что-то капало на полъ; зажегъ спичку и увидѣлъ у кровати своего друга лужу крови.

—Послушай, Валеріанычъ, — предложилъ однажды Высотскій, — устроимъ мы балъ — наваримъ макаронъ, каши, сдѣлаемъ шоколадъ. А то, неровенъ часъ, придетъ въ голову мысль покончить съ собой — другимъ всѣ запасы останутся.

Мы устроили роскошный обѣдъ.

Сальниковъ, какъ опытный хозяинъ, былъ выбранъ распорядителемъ. За обѣдомъ у насъ были сыръ, сало, супъ съ макаронами, рисовая каша, а на сладкое мы получили кофе со сгущеннымъ молокомъ. Отъ ѣды мы повеселѣли.

— Можетъ быть, еще и не подохнемъ въ Halle, — сказалъ Высотскій.

На утро Сальниковъ дѣлился со мной своими ночными впечатлѣніями:

— Знаешь, дорогой мой, что ночью-то было. Лежу я и не сплю. Слышу, шуршитъ что-то. Приглядываюсь, вижу, у ведра помойнаго кто-то возится: бумажки какія-то развертываетъ, достаетъ что-то и жуетъ. Думаю: какое съѣстное тамъ можетъ быть? А потомъ припомнилъ: когда мы сыръ ѣли, то корки въ бумагу завернули и въ ведро бросили. На утро гляжу: всѣ наши бумажки развернуты, и ни одной корочки нигдѣ нѣтъ... Видно, еще съ вечера кто-то запримѣтилъ, куда я корки бросилъ, а попросить — стыдно было.

Прошло нѣсколько дней. Я лежалъ и слушалъ, какъ читали «Окопную Правду». Она тянула обычную пѣ-

сню: обнаглѣвшая русская буржуазія давила голодомъ великій, братскій германскій народъ. Нѣмецкія коровы не давали населенію достаточно молока. Это грозило туберкулезомъ германской расѣ. Газета была въ отчаяніи.

Въ этотъ моментъ, изъ сосѣдней комнаты вдругъ кто-то забарабанилъ въ стѣнку.

— Не позволю, не позволю читать! — раздался страшный крикъ. Потомъ сорвалось короткое рыданіе, послышался ревъ, шумъ; что-то стукнуло, разбилось и разлетѣлось.

Съ однимъ изъ плѣнныхъ случился буйный припадокъ. Его съ трудомъ связали и куда-то понесли. Лицо и шея у него стали темно-красными; изо рта тянулась слюна. Когда больного проносили мимо насъ, онъ завылъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. И гдѣ-то глубоко, въ этомъ звѣриномъ ревѣ звенѣло большое человѣческое страданіе; а черезъ туманъ безумія, на самомъ днѣ страшныхъ блестящихъ глазъ — глядѣла искра сознанія.

— Скажи, Хохловскій, есть еще люди на свѣтѣ, кромѣ Бриксена и часовыхъ? — допытывался однажды Сальниковъ.

— Есть, какъ-же, нѣмецкіе унтеръ-офицеры, напримѣръ. Видишь, одинъ даже къ намъ пришелъ.

Въ дверяхъ нашей комнаты, дѣйствительно, стоялъ фельдфебель изъ комендатуры и, видимо, кого-то искалъ.

— Leutnant Z. ist hier? — спросилъ онъ.

Leutnant Z. оказался налицо.

— Васъ просятъ въ комендатуру, — сказалъ фельдфебель.

— Зачѣмъ?

— Пришла какая-то бумага изъ испанскаго посольства насчетъ васъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ я отправился въ канцелярію. Я угадывалъ, приблизительно, въ чемъ дѣло.

Въ самомъ концѣ 1916 года Мюнденскій лагерь посѣтилъ представитель испанскаго посольства. Этимъ случаемъ воспользовался полковникъ Ленчевскій. Онъ представилъ меня испанцу и попросилъ его ходатайства объ отправкѣ меня въ Россію.

Испанецъ, докторъ, кажется, по профессіи, самъ осмотрѣлъ меня и сказалъ: «Le cas est, vraiment, très grave».

И тутъ-же онъ записалъ мое имя, фамилію и все, что полагалось.

Потомъ я совершенно забылъ объ этомъ событіи. Его напомнилъ явившійся за мной фельдфебель.

Я шелъ черезъ дворъ, а сердце внутри колотилось: а вдругъ!..

Лейтенантъ Кристофъ принялъ лейтенанта Z.

Кристофъ взялъ со стола дѣло и началъ читать:

«Комендатура лагеря для военноплѣнныхъ офицеровъ въ Halle a. d. Saale, въ отвѣтъ на полученное отъ Испанскаго Посольства ходатайство объ отправленіи на родину лейтенанта Z., въ виду плохого состоянія его здоровья, имѣетъ честь сообщить, что лейтенантъ Z. въ настоящее время поправился и отправкѣ на родину не подлежитъ»...

Слово «nicht» стояло на самомъ концѣ. Прежде, чѣмъ Кристофъ добрался до него, меня бросало, то въ жаръ, то въ холодъ.

Прочитавъ, Кристофъ положилъ бумагу на столъ. Сидѣвшій противъ него унтеръ-офицеръ протянулъ ее мнѣ, говоря: «Unterschreiben-Sie, bitte».

Но Кристофъ перехватилъ бумагу и такъ закричалъ на унтеръ-офицера, что у меня зазвенѣло въ ушахъ.

Я вышелъ. Прошло нѣсколько дней. Сапожника куда-то отправили, и я, выйдя однажды утромъ, присѣлъ

погрѣться на скамейку у хибарки. Ко мнѣ подсѣлъ нашъ солдатъ.

— Плохо въ плѣну, господинъ прапорщикъ, — началъ онъ.

— Плохо, братъ, — замѣтилъ я.

Потомъ онъ замигалъ бѣлыми рѣсницами, оглянулся — нѣтъ ли кого-нибудь по близости, и таинственно продолжалъ:

—Среди насъ баютъ, что сапожникъ-то по вашей бумагѣ уѣхалъ, въ Россію, стало-быть. Нашимъ ребятамъ одинъ полячекъ изъ канцеляріи проболтался. И самъ сапожникъ быдто такъ говорилъ, что въ Россію ѣдетъ...

Мы помолчали. Деньщикъ снова заговорилъ.

— Боялись мы его. Бывало, придетъ къ намъ и такого наговоритъ на господъ офицеровъ, что повторять зазорно. И чуемъ иной разъ, что вретъ, просто, человѣкъ по злобѣ говоритъ, а какъ его остановишь? Онъ съ нѣмцами якшается, нажалится — смотришь, и убрали человѣка въ солдатскій лагерь. А тамъ житье, извѣстно какое. И бастовали мы по его уговору...

Я вспомнилъ эту забастовку. Однажды, въ серединѣ мая никто изъ деньщиковъ не явился заметать комнаты, а повара отказались варить. Солдатскіе выборные явились къ старшему и потребовали увеличенія платы за уборку комнатъ и выдачи продуктовъ. Первое требованіе удовлетворить было легко. За деньгами изъ насъ никто не гнался. Но продуктовъ громадное большинство офицеровъ совсѣмъ не имѣло. Делегатамъ было предложено осмотрѣть запасы каждаго изъ насъ. Они отказались.

— Что жъ намъ шарить? Всѣ мы русскіе люди другъ другу помогать должны, — заявили делегаты. На этомъ забастовка и кончилась. Но два или три дня мы сами подметали, готовили пищу, мыли посуду. Пожи-

лые полковники сами таскали ведра съ грязной водой, разносили супъ, кофе...

Удивленно смотрѣлъ на это бельгійскій капралъ, завѣдывавшій освѣщеніемъ, и солдатъ-англичанинъ, топившій души.

— Дѣло прошлое, — говорилъ мой собесѣдникъ, — и сапожника больше нѣтъ, можно говорить на чистоту. Вѣдь этотъ человѣкъ намъ говорилъ, что у офицеровъ всякихъ запасовъ множество, имъ якобы царское правительство наслало видимо невидимо. Мы и сами между собой говорили, что у господъ офицеровъ ничего нѣтъ. Да нашлись такіе — повѣрили сапожнику. Мы люди темные, господинъ прапорщикъ...

— Кому вы больше вѣрите, — большевикамъ или тѣмъ, кто войны до полной побѣды хочетъ?

Деньщикъ словно насторожился, и бѣлыя рѣсницы быстро замигали.

— Развѣ мы можемъ сказать? Теперь намъ нѣмцы русскую газетку, что въ Берлинѣ издается, доставляютъ. Мы ее скопомъ читаемъ. Въ ней все о мирѣ говорится; нѣмцы — наши братья и все такое. Миръ вещь хорошая; но если не воевать, такъ ужъ никому чтобы не воевать. Но выходитъ, что одни русскіе не хотятъ воевать. Нашъ фронтъ теперь такой, что нѣмцы хоть до самой Москвы иди — все разсыпается. А евонный фронтъ — ни крестомъ, ни пестомъ, ни святой молитвой не прошибешь.

— Плохо это или хорошо?

— Какъ кому, господинъ прапорщикъ. Помѣщикамъ русскимъ, думается, на руку.

— Нашимъ помѣщикамъ?

— Имъ теперь самое время нѣмца впустить и миръ заключить. А нѣмецъ живымъ манеромъ все прекратитъ. Ни большевиковъ, ни Керенскаго слѣда не останется. И земли у помѣщиковъ не отберутъ...

— Да не хотятъ они мира съ нѣмцами заключать.

— Для нихъ же хуже, господинъ прапорщикъ.

Къ намъ подошелъ, стуча деревянными башмаками, худой, похожій на заморённаго цыпленка, деньщикъ.

— О чемъ бесѣдуете, господа почтенные? Нѣтъ ли мѣстечка на лавочкѣ убогому на солнцѣ погрѣться?

Мы подвинулись. Вновь пришедшій весь трясся, какъ въ лихорадкѣ. У него было странное, одутловатое, безъ кровинки лицо; руки обтягивала дряблая складчатая кожа желтаго цвѣта.

— Какой губерніи, землякъ? — спросилъ я.

— Вячкіе мы, вячкіе, — господинъ хорошій, — отвѣтилъ заморенный, — изъ вячкихъ лѣсовъ, стало-быть. Въ семерыхъ одного не боимся, а какъ одинъ на одинъ — всѣ котомки отдадимъ.

— Откуда ты идешь, Андрей? — спросилъ его мой собесѣдникъ.

— Изъ околотка. Докторъ перевязку сдѣлалъ и сказалъ, чтобы на солнышкѣ грѣлся я побольше.

— Раненъ?

— Чиріи одолѣли его, господинъ прапорщикъ, — отвѣтилъ за больного первый деньщикъ.

— Страсть, какъ они меня мучаютъ, — подтвердилъ больной.

Мы разговорились съ Андреемъ. Какъ оказалось, онъ попалъ въ плѣнъ въ 1916 году, во время Брусиловскаго наступленія. Такъ какъ рота, гдѣ служилъ Андрей, была взята нѣмцами, то плѣнныхъ отправили въ Германію.

— Привезли насъ въ лагерь. Ѣсть или что-бы пища какая-нибудь — ничего такого нѣтъ... Отдѣлили только изъ насъ сто человѣкъ и каждому вспрыснули что-то. Противъ тифа, какъ намъ старые плѣнные объяснили. Какъ стало насъ послѣ этого крутить — бѣда. У всѣхъ огневица пошла; всѣ, какъ одинъ, полегли, и на

ѣду не тянуло. Только пить, пить и пить. А старые плѣнные говорятъ: «это съ непривычки у васъ». Пять въ одну ночь померло. Нѣсколько человѣкъ помѣшалось, какъ будто. У многихъ чиріи открылись, не приведи Богъ какіе. Сползетъ чирякъ, а кожей то мѣсто не заживляется, голое мясо остается. Ни спать, ни сѣсть, ни лечь нельзя; бѣлье одѣть было невозможно. Мучились мы... Стали насъ по госпиталямъ разсылать. Меня вмѣстѣ съ другими въ госпиталь отправили. У одного на другой день антоновъ огонь прикинулся. Изъ десяти человѣкъ четырехъ на кладбище отвезли. Вернули насъ въ лагерь, задумали мы испанскому послу бумагу написать. Составили ее, какъ слѣдуетъ, разсказали, какъ послѣ прививки люди стали хворать. Поручили это письмо бросить въ ящикъ одному русскому, что въ городѣ работалъ. Да не повезло намъ. Утромъ онъ долженъ былъ взять письмо, а вечеромъ у насъ обыскъ. Бумагу-то нашли. Насъ же суду предали: будто за ложный доносъ.

— Спрятать не умѣли, эхъ-ма! — отозвался деньщикъ съ бѣлыми рѣсницами.

—Дѣло такое вышло: на письмо марку надо было наклеить, нашимъ въ городѣ ничего нельзя было купить. Мы къ переводчику обратились. Тотъ хоть марки не далъ, а сообразилъ въ чемъ дѣло; онъ нѣмцамъ и донесъ.

Какъ я уже говорилъ, въ нашей комнатѣ жилъ прапорщикъ Турабовъ. Онъ былъ самый молодой среди насъ: ему шелъ всего двадцать первый годъ. Онъ имѣлъ слабую грудь и все время носилъ фуфайку. Тонкій, худой, онъ производилъ впечатлѣніе крайне хрупкаго существа. Въ плѣну ему приходилось сильно голодать. За все время пребыванія въ Halle онъ получилъ двѣ посылки; одна пришла разбитой и почти пустой, а вто-

рую пришлось выбросить — всѣ сухари оказались гнилыми.

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ обыска, Хохловскій сидѣлъ на кровати у Сальникова и напѣвалъ:

«Миленькій мальчикъ,
Маленькій мой,
Ты не вернешься ужъ больше домой.
Били, стрѣляли —
Ты не бѣжалъ,
Ты у дороги остался лежать...
Конь офицера вражескихъ силъ
Прямо на сердце тебѣ наступилъ.
Миленькій мальчикъ,
Маленькій мой,
Ты не вернешься ужъ больше домой».

Хохловскій пѣлъ вполголоса. Мы, молча, слушали Каждый думалъ о своемъ. Наивныя съ виду слова будили тоску, воспоминанія: вставали образы — маленькій мальчикъ и его мать. Ныло сердце; мысли рвались на волю. Отъ крыши струился душный жаръ. Солнце садилось. Кровавые потоки свѣта тянулись по полу, поднимались на стѣны. Мы, словно, купались въ крови. Турабовъ сидѣлъ противъ окна, руки въ карманахъ.

Потомъ онъ всталъ и подошелъ къ Хохловскому.

— А мнѣ что-то нехорошо сегодня.

— Кому хорошо-то въ такой духотѣ, — сказалъ Сальниковъ.

— Нѣтъ, сегодня какъ-то особенно; душно, дышать нечѣмъ, Вася.

А ты лягъ, сномъ-то лучше пройдетъ.

— Посижу до повѣрки.

Солнце зашло. Стало сумеречно. Блеснуло электричество. Турабовъ сидѣлъ бѣлый, какъ тубероза. Прошла повѣрка. Мы стали раздѣваться.

— Господа, помогите, — вдругъ крикнулъ Иванъ Васильевичъ, когда погасъ свѣтъ.

— Что, что такое? — встревожились всѣ.

— Турабовъ въ обморокѣ...

Побѣжали за докторомъ. Опять вспыхнули огни, опять раздались безпокойные голоса. Турабовъ лежалъ съ закрытыми глазами, и изъ угловъ рта текли двѣ тоненькія струйки, похожія на красное вино.

— Добили его, — шепталъ блѣдный и взволнованный Сальниковъ. Прибѣжалъ докторъ, началъ приводить Турабова въ чувство.

Когда тотъ очнулся, ему вспрыснули морфій и оставили въ покоѣ. А рано утромъ Турабова куда-то отправили. Онъ вышелъ, опираясь на санитара и чуть передвигая ногами. Санитаръ бережно поддерживалъ его: казалось, что уносили цѣнную, ломкую вазу, каждый мигъ готовую разсыпаться.

Молча и тоскливо глядѣлъ Турабовъ на насъ; молча и тоскливо мы проводили его глазами. Всѣ думали, что его не придется больше увидѣть.

Прошло недѣли двѣ-три. Совершенно неожиданно онъ появился снова. Блѣдный, худой, еще болѣе прозрачный, но бодрый духомъ и веселый.

— Сбѣжалъ изъ Шпроттау, — объяснилъ онъ. — Не могъ выдержать. Когда везли меня туда, то говорили — большая санаторія, хорошій уходъ за больными. Санаторія-то, дѣйствительно, оказалась большой, на 2500 человѣкъ разсчитана; тамъ плѣнные туберкулезные собраны, въ самомъ послѣднемъ градусѣ. Большинство ужъ ходить не можетъ. Лежатъ и помираютъ. Пища хуже, чѣмъ въ Halle. И ѣсть то тамъ противно. Одни ѣдятъ, а другимъ въ это время клизмы дѣлаютъ. Живутъ по пяти, по десяти человѣкъ въ одной комнатѣ. Одинъ кончается, другой на суднѣ сидитъ, третій служителя зоветъ... Изъ моего окна, какъ разъ мертвец-

кая была видна. Туда за день отъ 40 до 50 покойниковъ отправляли, а иногда и больше. Таскаютъ, таскаютъ служителя мертвецовъ, а потомъ въ этихъ же халатахъ пищу разносятъ. Доктора за все время два раза видѣлъ. Положимъ, врачамъ тамъ и дѣлать нечего.

Всякій, кто попадаетъ въ Шпроттау, норовитъ бѣжать оттуда. Да меня сперва не хотѣли пускать. Потомъ, должно быть отъ страха, стало лучше, удалось вырваться. А у васъ что новаго?

— Да ничего, все по-старому. Получаемъ русскія газеты, — сказалъ Сальниковъ.

— Что въ нихъ пишутъ? Скоро ли миръ-то?

— А вотъ у меня какъ разъ номеръ остался. Я тебѣ отрывокъ прочитаю.

И вынувъ газету, Сальниковъ прочелъ:

«...буржуазная антанта рѣшила заморить Германію голодомъ и проводитъ это съ безпощадной жестокостью. Туберкулезъ грозитъ взрослымъ и дѣтямъ. Германія наканунѣ вырожденія. Нѣмецкій пролетаріатъ не забудетъ этого взбѣсившейся отъ жиру Антантѣ...»

— Правда, — сказалъ Турабовъ, — дохнетъ здѣсь пролетаріатъ, но пока только русскій.

Походъ генерала Корнилова на Петроградъ вызвалъ въ лагерѣ нѣкоторыя надежды и ожиданія. Нѣмцы боялись этого наступленія. Генерала Корнилова они уважали и побѣгъ его изъ плѣна считали большой потерей для себя.

«Дѣятельный генералъ, нелишенный дарованій, обладающій большой личной выдержкой и мужествомъ. Пожалуй, ему больше, чѣмъ кому-либо другому, подходитъ задача приведенія въ порядокъ арміи и страны».

Такъ цѣнили его нѣмцы. Но въ самой Россіи Кор-

ниловъ поддержки не нашелъ. Плехановъ въ своемъ «Единствѣ» писалъ:

«Генералъ Корниловъ совершилъ преступленіе: онъ пошелъ противъ правительства своей страны.... Онъ, настаивавшій на необходимости возстановленія строгой дисциплины, долженъ быть наказанъ, во имя той же дисциплины, по всей строгости законовъ военнаго времени».

«Его превосходительству Лавру Корнилову не суждено было увѣнчать себя лаврами въ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ»... иронизировалъ Плехановъ.

Со страннымъ чувствомъ читали мы эти строки. Всѣ въ Россіи вздыхали о порядкѣ и желали твердой власти, но помочь Корнилову никто не хотѣлъ.

У насъ въ лагерѣ офицерство стояло на сторонѣ Корнилова, солдаты же были противъ него.

—Какой Корниловъ демократъ? — говорили они, — Корниловъ генералъ и, если онъ возьметъ верхъ, то все повернетъ на старое.

— Почему онъ долженъ повернуть на старое? — спрашивалъ ихъ студентъ-капитанъ.

— Потому, какъ онъ генералъ...

— Генералъ, генералъ... А вы знаете, кто Ленинъ и Плехановъ?

— Откуда намъ это знать...

— То-то и оно-то. Ленинъ изъ дворянъ, сынъ чиновника, а Плехановъ то же самое — изъ дворянъ, отецъ-то его крѣпостникомъ былъ. А Корниловъ сынъ дьячка и своей головѣ обязанъ, что генераломъ сталъ. Кто изъ нихъ ближе къ народу?

Всѣ молчали.

Походъ Корнилова кончился неудачей. Съ этого момента у насъ не оставалось больше сомнѣній, что рано или поздно, но большевики къ власти придутъ. Они пьянили массы обѣщаніями, хулиганство всей Рос-

сіи было на ихъ сторонѣ; плѣнные нѣмцы — такъ же, въ случаѣ вооруженнаго возстанія они могли оказать большія услуги большевикамъ, какъ это потомъ и вышло.

Въ концѣ августа пронесся слухъ, что Бриксенъ уѣзжаетъ въ отпускъ. Дѣйствительно, онъ скоро послѣ этого пересталъ появляться на повѣркахъ. Постепенно исчезли пулеметы, собаки, сократили число повѣрокъ. Разрѣшили гулять до 8 часовъ вечера. Всѣ вздохнули свободнѣе — и мы, и наша стража. Какими-то путями просочился слухъ, что Бриксену военное министерство сдѣлало выговоръ за слишкомъ суровый режимъ и оскорбительную фразу по отношенію къ испанскому послу.

Потомъ стали поговаривать, что Бриксенъ уже не вернется въ Галле. Въ сентябрѣ намъ дали новаго коменданта; я его ни разу не видѣлъ, онъ сидѣлъ въ своей канцеляріи и намъ не показывался. А Бриксенъ былъ назначенъ комендантомъ французскаго репрессивнаго лагеря въ Магдебургѣ. Не завидовали мы нашимъ союзникамъ.

Взятіе Риги насъ не удивило. Было только стыдно передъ всѣмъ міромъ. Свою легкую побѣду нѣмцы отпраздновали газетными статьями, перечислили количество добычи; домъ напротивъ лагеря украсился громадными флагами.

Вѣтеръ тихо пошевеливалъ разноцвѣтныя полотнища; въ окнахъ, на балконахъ, виднѣлись нѣмки; онѣ что-то кричали и показывали намъ кулаки.

Наступила хорошая прохладная осень. На клумбахъ, у небольшого фонтанчика по серединѣ двора, цвѣли астры.

Мы глядѣли на цвѣты, вспоминали далекую Россію. Хорошо было теперь въ нашихъ лѣсахъ.

Глава VI

27 октября 1917 г. для насъ не явилось неожиданностью. Гдѣ было Керенскому, опутанному партійными узами, бороться съ большевиками? Газеты сообщали, что онъ бѣжалъ, а Троцкій явился къ директору государственнаго банка и потребовалъ десять милліоновъ рублей.

Вскорѣ послѣ переворота, къ намъ зашелъ въ неурочное время одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ. Это былъ пожилой, толстенькій гауптманъ, всегда и всѣмъ улыбавшійся. Онъ имѣлъ доброе сердце. Его два сына сидѣли въ русскомъ плѣну; онъ очень безпокоился о нихъ и часто бесѣдовалъ съ нами, потихоньку отъ Бриксена, о томъ, какъ живется плѣннымъ въ Россіи. Мы его успокаивали. Начиналъ онъ повѣрку неизмѣннымъ «Guten Tag, meine Herren», и кончалъ ее — «Besten Dank, meine Herren!»,

Такъ его и звали — кто «Guten Tag», кто «Besten Dank», кто «Meine Herren».

Въ началѣ ноября, спускаясь по лѣстницѣ, я встрѣтилъ поднимавшагося Besten Dank-а. Онъ сіялъ, лицо его выражало крайнее благожелательство.

Мы откозыряли другъ другу съ величайшей вѣжливостью. Кромѣ того, гауптманъ прибавилъ самую привѣтливую улыбку.

Ясно было, что онъ шелъ къ намъ возвѣстить нѣчто особенное. Мнѣ захотѣлось узнать, въ чемъ дѣло, и я повернулъ за нимъ. Въ моментъ нашего прибытія поручикъ Черновъ пропихивалъ въ желѣзную печку деревянный кубикъ. Кубикъ застрялъ въ отверстіи, Чер-

новъ проталкивалъ его желѣзнымъ прутомъ и такъ чертыхался, что тряслись перегородки. «Besten Dank» поглядѣлъ на Чернова, на печку, остановился на кубикѣ. Такими торцами была вымощена наша столовая. Но ничего не сказалъ.

Увидѣвъ насъ, Черновъ замолчалъ и всталъ, загородивъ печку.

— Аллунанъ, — крикнулъ онъ, — «Besten Dank» пришелъ, съ тобой по-нѣмецки говорить хочетъ.

Съ кровати поднялся латышъ Аллунанъ, служившій переводчикомъ.

— Такъ какъ въ скоромъ времени ожидается заключеніе мира между Россіей и Германіей, то русскіе военноплѣнные будутъ разосланы по лучшимъ лагерямъ, — объявилъ намъ «Besten Dank».

— А какъ тамъ на счетъ жратвы будетъ? пробасилъ Черновъ.

— Was sagt der Herr? — спросилъ «Besten Dank».

— Онъ говоритъ, что очень холодно, что надо бы угля прибавить, — перевелъ безъ запинки Аллунанъ.

— Къ сожалѣнію, это зависитъ не отъ меня. Вы видите, что я всегда готовъ притти къ вамъ на помощь.

Извѣстіе о переводѣ въ другой лагерь мы приняли равнодушно.

Одного намъ хотѣлось избѣжать: встрѣчи съ союзниками. Я чувствовалъ, что не могу глядѣть имъ въ глаза.

Въ эти дни я получилъ открытку изъ Швейцаріи. Писалъ капитанъ Ballé Gourdon, о которомъ я говорилъ уже раньше. Онъ сообщалъ мнѣ, что его перевели въ Швейцарію съ мѣсяцъ тому назадъ; спрашивалъ, какъ я живу и не надо ли мнѣ чего-нибудь.

«Все, что въ моихъ силахъ, я сдѣлаю для васъ съ удовольствіемъ. Жена и дѣти шлютъ вамъ привѣтъ»..
У меня не хватило духу отвѣтить.

Въ декабрѣ лагерь въ Halle былъ расформированъ. Плѣнныхъ раздѣлили на двѣ партіи; первая была отправлена въ Гютерсло, а вторая — въ Эшвеге. Объ отправкѣ намъ заявили наканунѣ.

Утромъ, на прощанье, мы натопили печку до-красна, погрѣлись, выпили кипятку съ хлѣбомъ и вышли во дворъ. Насъ выстроили по четыре человѣка, сдѣлали перекличку, для вѣрности еще пересчитали и окружили конвойными. Раздалась команда, всѣ двинулись къ выходу. Наша поѣздка изъ Halle въ Eschwege во всемъ была похожа на поѣздку изъ Мюндена въ Halle. Погода, конвой, вагоны, холодъ, все это было, какъ и тогда.

Ночевали мы въ поѣздѣ. Утромъ насъ повели черезъ небольшой, чистенькій городокъ. Морозило; магазины были пусты — ни покупателей, ни товаровъ; жители почти не обращали на насъ вниманія. Мы подошли къ группѣ зданій, окруженныхъ деревяннымъ заборомъ и неизмѣнной проволокой. Увидя насъ, часовой открылъ дверь. Мы вошли. Насъ еще разъ пересчитали. Всѣ оказались на лицо. Новыя власти стали распредѣлять насъ по комнатамъ. До меня очередь долго не доходила. Въ ожиданіи, я разсматривалъ лагерь. Онъ состоялъ изъ трехъ зданій. Прямо передъ нами стояло 3-этажное строеніе, похожее на букву П, — по виду оно напоминало школу; черезъ большую стеклянную дверь виднѣлись часы, стоявшіе въ углу, у лѣстницы; въ передней, по стѣнамъ, шли вѣшалки. Сзади, за нашей спиной, поднималось тяжелое двухъ-этажное зданіе съ башенками на углахъ; окна въ немъ были маленькія, а стѣны страшно толстыя.

За нимъ виднѣлся небольшой, продолговатый домъ, построенный, видимо, въ началѣ XIX столѣтія. Нижняя часть его была каменная, а верхняя — деревянная.

Лагерь стоялъ на высокомъ берегу рѣки. Берегъ

былъ очень крутой; только небольшіе кустарники росли между вывѣтрившимися скалами. Внизу текла Верра. За ней виднѣлись луга, деревни, лѣса; все это бѣжало къ горизонту и сливалось съ небомъ.

— Раньше тутъ была женская гимназія, — объяснялъ кому-то нѣмецкій унтеръ-офицеръ, — а теперь ее превратили въ лагерь для плѣнныхъ. Главное зданіе построено недавно, а вотъ это, — онъ указалъ на строеніе съ башнями, — бывшій замокъ. Онъ существовалъ еще въ XIII столѣтіи и принадлежалъ ордену крестоносцевъ. Въ домѣ за замкомъ нѣсколько дней жилъ Наполеонъ...

Его слушали молча, безъ всякаго интереса. Для насъ не существовало исторіи, не было прошедшаго, не было будущаго.

Вышелъ комендантъ. — Das ist der General Gessler — сообщилъ тотъ же унтеръ-офицеръ.

Генералъ былъ старъ, жевалъ губами; онъ стоялъ и безучастно смотрѣлъ на насъ. Я не замѣтилъ, какъ онъ ушелъ.

Размѣщеніемъ завѣдывали два пожилыхъ офицера — оба гауптманы. Они имѣли мирный видъ и походили скорѣе на преподавателей русской гимназіи.

Меня, Высотскаго и еще десять человѣкъ помѣстили въ угловой комнатѣ бывшаго замка. Комната оказалась небольшой; у стѣнъ стояли кровати, около двери — желѣзная печка. Было холодно; отъ дыханія шелъ паръ. Дѣтскимъ почеркомъ на стѣнѣ было написано: «Bonjour, mes chers prisonniers», — отъ этого привѣтствія на душѣ стало, какъ будто, теплѣе.

— Кто-то умретъ изъ насъ въ этомъ году, — сказалъ Высотскій, — кроватей чортова дюжина.

Первые же дни въ Эшвеге показали, что на такой пищѣ, какую намъ подавали, долго не протянешь. Главнымъ блюдомъ былъ супъ изъ сухихъ овощей. Наши агрономы говорили, что эти овощи не что иное, какъ

крупно нарѣзанная кормовая рѣпа и свекла; и что въ Россіи такую ѣду давали скотинѣ. Эти овощи были совершенно несъѣдобныя, онѣ мало разваривались и были жестки, какъ щепки. Иногда давали треску, разъ въ недѣлю мясо. Варили также перловую кашу. Но все это давалось въ самыхъ маленькихъ дозахъ, какъ больнымъ лекарство. Начались переговоры о передачѣ кухни въ наши руки. Комендантъ согласился. Но это дѣлу мало помогло. Нѣмцы стали уменьшать и задерживать выдачу продуктовъ. Мы жаловались, но на наши жалобы не обращали вниманія. Наконецъ, дѣло дошло до того, что цѣлую недѣлю пришлось просидѣть на одномъ супѣ изъ овощей. Нѣкоторые стали ворчать, зачѣмъ забрали кухню отъ нѣмцевъ. У меня не хватало силъ подняться въ столовую на второй этажъ; я долженъ былъ нѣсколько разъ останавливаться и отдыхать. Другіе были тоже не лучше. Доведенные до отчаянія, мы рѣшили забастовать и не выходить на повѣрку; мы не знали, что дѣлать. Комитеты, куда мы обращались еще раньше, отвѣчали, что у нихъ нѣтъ денегъ, а большевики новыхъ средствъ не даютъ.

Повѣрка происходила на дворѣ между новымъ зданіемъ и бывшимъ замкомъ. И на слѣдующее утро, когда раздалась труба, никто не вышелъ во дворъ. Пришедшіе гауптманы постояли, подивились и вернулись въ комендатуру. Показался генералъ; онъ подивился въ свою очередь на пустой дворъ, пожалъ плечами и ушелъ. Черезъ четверть часа ворота распахнулись, и вошелъ отрядъ ландштурмистовъ. Они выстроились противъ нашихъ оконъ и демонстративно стали заряжать винтовки. Потомъ молодой нѣмецкій офицеръ началъ обходить комнаты, прося насъ выйти на аппель. Какъ это было условлено раньше, не желая доводить дѣло до крайности, мы потянулись во дворъ.

Намъ въ тотъ же день дали двойную порцію трески,

додали муку, а на ужинъ мы получили по восьмушкѣ копченой колбасы съ картофелемъ. Кромѣ того Гесслеръ торжественно обѣщалъ, что мы получимъ все слѣдуемое.

Мы сдѣлали видъ, что повѣрили обѣщаніямъ, и хорошія отношенія были возстановлены. А черезъ нѣсколько дней комендантъ сообщилъ, что къ намъ изъ Гамбурга ѣдетъ бочка трески.

Стали поджидать бочку. Ждали мы ее, какъ голодные племянники добрую тетю. Долго ѣхала тетя-бочка, но, наконецъ, пріѣхала. Для перевозки ея въ лагерь Гесслеръ образовалъ отрядъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ нѣмцевъ и одного русскаго. Но ни въ вагонѣ, ни на складѣ они бочки не нашли. Выяснилось, что ею завладѣлъ городъ. Бросились въ Rathaus. Въ Rathaus-ѣ объяснили, что бочку перехватила пожарная команда. А у пожарныхъ ее отвоевалъ баталіонъ, отправлявшійся на фронтъ. На эти поиски и переписку ушло нѣсколько дней. Когда, наконецъ, пришли къ коменданту батальона, тотъ заявилъ, что рыба съѣдена, а бочку онъ возвращаетъ съ благодарностью. Такъ мы этой трески и не увидѣли...

Съ 1915 года въ Берлинѣ началъ выходить «Русскій Вѣстникъ», на русскомъ языкѣ. Газета была, какъ газета: въ заголовкѣ крупнымъ шрифтомъ стояло: «Русскій Вѣстникъ», а немного ниже — «Russischer Bote». Налѣво отъ заголовка помѣщался адресъ и телефонъ редакціи, направо — условія подписки и предупрежденіе, что непринятыя рукописи не возвращаются. Сотрудники своихъ статей не подписывали, или же прятались за псевдонимами. Такимъ образомъ, я познакомился съ произведеніями «Страдальца», «Угнетеннаго», «Невинно-пострадавшаго» и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей. Какъ говорилъ одинъ изъ сотрудниковъ, цѣлью

журнала являлось служеніе истинѣ. Газета мнѣ нравилась; нѣкоторыя вещи я даже вырѣзывалъ на память. Особенно много интереснаго помѣщалось въ отдѣлѣ извѣстій и почтовомъ ящикѣ.

«Полковникъ Д. теперь находится въ плѣну. Это тотъ самый, который разстрѣлялъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ шпіоновъ».

«Всѣ русскіе плѣнные довольны, что они въ Германіи. Съ ними вѣжливо обращаются и хорошо кормятъ».

«Господинъ Редакторъ! Я и много моихъ товарищей хотятъ послѣ войны остаться въ Германіи. Посовѣтуйте, куда обратиться на счетъ этого самого. Съ почтеніемъ Василій Ивановъ».

«Г. Р.! Я русскій неграмотный крестьянинъ, но я заявляю, что въ Германіи крестьянамъ живется лучше. У насъ пытались все свалить на жидовъ, но я съ этимъ несогласенъ. Семенъ Тарасовъ».

Сперва газета разсылалась даромъ. Въ солдатскихъ лагеряхъ она была единственно доступнымъ матеріаломъ для чтенія.

Послѣ появленія большевиковъ «Русскій Вѣстникъ» сталъ больше по объему и грамотнѣе; расширили также отдѣлъ извѣстій. На запросъ о любомъ изъ плѣнныхъ, находившихся въ Германіи, газета печатала точныя свѣдѣнія. Такъ какъ переписка между плѣнными не разрѣшалась, то только такимъ путемъ мы узнавали, кто гдѣ находится. Для такихъ справокъ была отведена послѣдняя страница.

Благодаря этому, газета получила довольно широкое распространеніе, и, когда редакція прекратила даровую разсылку, многіе стали выписывать ее.

Черезъ «Русскій Вѣстникъ» мы узнавали также, какъ кому живется. Дѣлалось это просто. Увозили, напримѣръ, поручика Ивана Алексѣева, неизвѣстно куда. Че-

резъ недѣлю его знакомые читали въ газетѣ: «поручикъ Иванъ Алексѣевъ извѣщаетъ знакомыхъ, что онъ находится въ лагерѣ Оснабрюкѣ». Имя впереди фамиліи означало хорошій лагерь, въ противномъ случаѣ — скверный.

По пріѣздѣ въ Эшвеге, многіе стали выписывать «Русскій Вѣстникъ». Газета была хорошо освѣдомлена о томъ, что происходило на русскомъ фронтѣ. Эти сообщенія часто сопровождались фотографіями: полупьяные русскіе солдаты съ бутылками въ рукахъ сидятъ на мортирѣ; вдали видна кучка нѣмцевъ; внизу — поясненіе: «русскіе солдаты братаются съ доблестными нѣмецкими войсками».

Другой снимокъ: небольшая станція, всѣ пути забиты поѣздами; вагоны переполнены; люди сидятъ на крышахъ, на ступенькахъ, цѣпляются за все, за что можно уцѣпиться; это — «русскія войска отправляются домой».

По словамъ газеты, русскій фронтъ превратился въ торговое предпріятіе: «За бутылку коньяку русскіе солдаты уступаютъ тяжелую батарею. За три-четыре марки можно купить новый пулеметъ»...

Самой ходкой монетой были спиртъ и коньякъ.

«Все можно достать за спиртъ на фронтѣ» — писалъ «Вѣстникъ». Въ одномъ изъ номеровъ я видѣлъ фотографію: человѣкъ десять русскихъ солдатъ сидятъ за столомъ; передъ ними бутылки; у всѣхъ пьяныя, нахальныя морды; дальше — видна гора мѣшковъ, полуприкрытыхъ брезентомъ; около мѣшковъ нѣмецкіе часовые.

Это — солдатскій комитетъ, продавшій нѣмцамъ складъ муки за 10 бутылокъ коньяку.

Но — кому былъ праздникъ, а кому — горе. Большевики отказались платить за тысячу солдатъ-инвалидовъ, жившихъ въ Даніи. Датское правительство нѣсколько разъ обращалось къ большевикамъ. Но ихъ заботы не

распространялись на жертвъ завоевательной войны. Данія рѣшила отослать инвалидовъ обратно въ Германію. Та испугалась; нѣмецкія газеты заговорили о необходимости сдѣлать дружеское напоминаніе новому русскому правительству о его обязанностяхъ. Чѣмъ эта исторія кончилась — я не знаю.

Вообще со своихъ новыхъ друзей нѣмцы глазъ не спускали.

Когда Троцкій, по словамъ одной изъ датскихъ газетъ, перевелъ своей женѣ въ Стокгольмъ изъ Петрограда одинъ милліонъ рублей золотомъ, это сейчасъ же стало извѣстнымъ въ газетахъ. Нѣмецкій корреспондентъ даже явился къ Троцкой съ интервью. Ему было объявлено, что этотъ милліонъ предназначенъ для пропаганды большевизма въ Соединенныхъ Штатахъ. «Стокгольмъ» похожъ теперь на городъ изъ «Тысячи и одной ночи», сообщалъ «Русскій Вѣстникъ».

«Каждый день приходятъ изъ Россіи пароходы, груженные цѣнными вещами. Множество золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, драгоцѣнныхъ камней, музейныхъ рѣдкостей, прекрасныхъ мѣховъ. Все это продается на улицахъ и въ магазинахъ; всѣ сейфы въ банкахъ переполнены драгоцѣнностями»...

Зима была холодная. Угля давали мало, печку нельзя было нагрѣть, какъ слѣдуетъ, и мы очень мерзли. Кромѣ того, бывшій замокъ оказался сырымъ. Я весь трясся отъ озноба, ложась въ холодныя, влажныя простыни. Стали просить о прибавкѣ угля, но, вмѣсто этого, намъ разрѣшили покупать хворостъ на собственныя деньги. Благодаря этому, хоть днемъ у насъ стало теплѣе, и мы не такъ мерзли.

Пришло Рождество. Оно было вялое, тоскливое, холодное...

Вспоминали мы Россію и старались представить себѣ, что тамъ дѣлается. Писемъ мы уже съ конца октя-

бря не получали. Никто не зналъ, живы ли оставшіеся въ Россіи.

Неунывающіе вѣрили, что Учредительное Собраніе положитъ конецъ большевикамъ.

Другіе, и такихъ было большинство, утверждали, что большевики разгонятъ Учредительное Собраніе.

— Не для того они власть забрали, чтобы ее передавать кому-нибудь, — басилъ мрачный Черновъ.

— А если вся страна выскажется противъ нихъ? — возражалъ ему постоянно надѣявшійся Семенъ Семеновичъ Семеновъ.

— Начихать имъ на всю страну. Если бы большевикамъ было дѣло до Россіи, то не писали бы они: «мы не допустимъ разгрома Германіи». Помните? Германія имъ ближе, чѣмъ Россія. Съ Германіей они будутъ считаться, а не съ Россіей...

— Тогда гражданская война неизбѣжна, — сказалъ Семеновъ.

— А какое имъ дѣло до гражданской войны? Большевики сами что ли воевать пойдутъ. Они по дворцамъ, да по палатамъ попрячутся. Другіе дураки будутъ кровь лить, если дѣло на то пойдетъ...

Вскорѣ послѣ Новаго года газеты извѣстили насъ о разгонѣ Учредительнаго Собранія.

Видимо, сами нѣмцы были поражены, что оно не оказало ни малѣйшаго сопротивленія.

Это было непонятно, обидно, стыдно. Вѣдь шли же немудреные русскіе капитаны и незамѣтные прапорщики на проволочныя загражденія, часто зная, что назадъ имъ не возвратиться.

Съ удивленіемъ и съ уваженіемъ писали нѣмцы, какъ во время галиційскаго пораженія русское офицерство тонкими цѣпочками переходило въ аттаки противъ ихъ армій, какая масса перестрѣлялась, не переживя позора.

Такъ дѣлали русскіе средніе люди.

Чего же можно было ожидать отъ людей, возглавлявшихъ освободительное движеніе, отъ тѣхъ людей, которые носили имя борцовъ за свободу, за право, за лучшее будущее?

О, мы знали, что большевики не поцеремонятся съ Учредительнымъ Собраніемъ. Но въ глубинѣ души мы что-то надѣялись получить отъ него... Немного: хоть одинъ жестъ, хоть одно слово... Но смѣлое, крылатое, огненное... Чтобы оно было завѣтомъ будущему. Во главѣ его вѣдь стоялъ старый, закаленный революціонеръ, и хотѣлось вѣрить, что онъ скорѣе умретъ на своемъ посту, чѣмъ предастъ большевикамъ Учредительное Собраніе.

И этого не случилось. Ни капли крови, ни мужественнаго слова. Покорно разошлось Учредительное Собраніе. Какъ будто явился губернаторъ на съѣздъ мѣщанскихъ старостъ, погрозилъ пальцемъ и закрылъ собраніе. И только.

Казалось, что этотъ разгонъ легъ пятномъ не на большевиковъ, но на тѣхъ, кто испугался грубаго матросскаго окрика. Есть моменты, когда жизнь ставитъ вопросы безпощадно прямо, не отвѣтить на нихъ — значитъ умалить себя. И вотъ честно отвѣтило офицерство, честно отвѣтилъ царь. А Учредительное Собраніе отъ отвѣта уклонилось. И въ душѣ получился сдвигъ; не слѣва направо, а просто сдвигъ въ сторону тѣхъ людей, которые, когда невозможна никакая защита, умѣютъ съ честью умереть. Какъ сдѣлалъ когда-то римскій сенатъ, встрѣтившій побѣдителей галловъ, сидя въ курульныхъ креслахъ.

Много померкло именъ, на которыя мы смотрѣли съ надеждой и упованіемъ. Они сами вынесли себѣ осужденіе.

Навсегда сердце закрылось для нихъ.

Черезъ недѣлю послѣ разгона поручикъ Черновъ скрылся изъ комнаты и пропадалъ весь день. Явился онъ лишь подъ вечеръ въ большомъ подпитіи, съ покраснѣвшими глазами.

— Гдѣ ты пропадалъ? — спросилъ Высотскій.

— Горе заливалъ.

— Залилъ?

— Никакъ нельзя, все наверхъ всплываетъ.

Сопя, Черновъ легъ на кровать. Надъ нимъ стали шутить, но онъ молчалъ и задремалъ. Его оставили въ покоѣ. Вдругъ раздался звонъ стекла: Черновъ проснулся, разбилъ кулакомъ окно и, схвативъ осколокъ побольше, полоснулъ себя по горлу. Брызнула кровь. Бросились къ нему, поднялась кутерьма.

— Оставьте меня, —отбивался Черновъ.

Но его не оставили и вырвали осколокъ. Съ окровавленнымъ лицомъ Черновъ бился на кровати и кричалъ:

— Почему я Черновъ? Не желаю носить каинову фамилію, пусть предатель одинъ живетъ... Не хочу, чтобы мнѣ изъ-за него въ лицо плевали... Дайте мнѣ другую фамилію...

И съ недѣлю Черномъ ходилъ съ завязаннымъ горломъ. А мы его стали звать Бѣловымъ.

Больше, чѣмъ разгонъ Учредительнаго Собранія, насъ поразило убійство Кокошкина и Шингарева.

Убили и генерала Духонина.

Словно рухнулъ послѣдній столбъ, словно погасла послѣдняя звѣзда... Нѣмцы писали о Духонинѣ, какъ о героѣ. По ихъ словамъ, онъ могъ бросить армію, скрыться, стать болѣе податливымъ и избѣжать подобнаго конца.

«Русскій главнокомандующій не захотѣлъ пережить позора своей страны», такъ отзывалась газета о новомъ русскомъ строѣ.

Послѣ этихъ событій нѣмцы и большевики уже больше не стѣснялись. Стало извѣстнымъ, что переговоры будутъ происходить въ Брестъ-Литовскѣ.

Въ началѣ февраля новое явленіе встало между мной и внѣшнимъ міромъ, — сильныя, тянущія боли въ животѣ. Къ этому присоединились еще боли въ оперированной рукѣ.

Я пошелъ къ лагерному врачу. Это былъ рослый широкоплечій нѣмецъ съ просѣдью. Онъ быстро осматривалъ своихъ больныхъ и обращался съ ними рѣзко и холодно. Если больной медлилъ съ отвѣтомъ, докторъ раздражался и сильно кричалъ. Когда я пришелъ въ околодокъ, всѣ были уже въ сборѣ. Докторъ торопливо заглядывалъ въ широко открытые рты, заставлялъ произносить больныхъ «А» и «О», стучалъ молоточкомъ по выступавшимъ ребрамъ, осматривалъ шрамы, щупалъ животы.

Очередь дошла до меня. Ткнувши пальцемъ въ животъ, что заставило меня взвыть отъ боли, докторъ задумался на минуту, а потомъ сказалъ: «операція неизбѣжна, а на шрамъ приказалъ санитару положить чего-то ѣдкаго. На операцію я не согласился: я чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ. Соблюдать діэту у насъ было невозможно. Хлѣбъ мы получали очень плохого качества; какъ говорили сами нѣмцы, онъ на-половину состоялъ изъ костной муки и плохо пропекался...

Чтобы хоть какъ-нибудь помочь бѣдѣ, я сталъ его рѣзать на тоненькіе кусочки и сушить на печкѣ. Но это дѣлу не помогло. Послѣ обѣда боли начинались жгучей, едва замѣтной точкой. Потомъ эта точка увеличивалась, расширялась и углублялась. Боль продолжалась весь день; только во снѣ она покидала меня. А, проснувшись, я со страхомъ ждалъ полудня, обѣда и новаго приступа.

Все же нѣсколько разъ я принимался за занятія, за

чтенiе. Но всѣ умственные процессы утомляли. Черезъ одну, двѣ страницы томика Марка Аврелiя я весь покрывался потомъ; появлялось чувство полнаго изнеможенiя. Пришлось все бросить и вести себя такъ, какъ подсказывалъ самъ организмъ: избѣгать не только лишняго движенiя, но и лишней мысли.

Пока въ Брестъ-Литовскѣ шли переговоры о мирѣ безъ аннексiй и контрибуцiй, въ Берлинѣ рѣшили, что Украина больше тяготѣетъ къ центральнымъ державамъ.

На этомъ основанiи на Украину двинулись нѣмецкiя и австрiйскiя войска. Вмѣстѣ съ ними отправились также отряды, сформированные въ Германiи изъ плѣнныхъ украинцевъ. Нѣмцы дали имъ прежнее устройство: полкъ назывался куренемъ, командовалъ имъ атаманъ, потомъ шли кошевые, хорунжiе. Словомъ, какъ при Тарасѣ Бульбѣ. Этимъ отрядамъ дали особую форму — синiе жупаны. Главнымъ центромъ плѣнныхъ самостiйниковъ оказался Мюнденъ. Послѣ октябрьскаго переворота число ихъ значительно возросло. Тѣ изъ нихъ, которые выражали желанiе служить вмѣстѣ съ нѣмцами, отправлялись въ Берлинъ и тамъ получали команды изъ солдатъ-украинцевъ.

Нѣкоторые изъ такихъ отрядовъ такъ никуда и не поѣхали. Съ нихъ еще въ Берлинѣ поснимали жупаны и разослали обратно по лагерямъ. Причина — недостаточное увлеченiе нацiональными чувствами.

Другiе курени доѣзжали до самой границы; понюхавъ «дыма отечества», они начинали вести себя такъ, что, для своего и ихъ блага, нѣмцы отвозили ихъ обратно въ Германiю.

Наконецъ, казавшiеся наиболѣе надежными попадали на Украину. Но, по прибытiи на родину, эти украинскiя части начинали таять, какъ снѣгъ на iюльскомъ солнцѣ, разбѣгаясь, кто куда хотѣлъ.

Роль этихъ отрядовъ, по словамъ тѣхъ, кто побывалъ въ нихъ, была довольно гнусная. На ихъ обязанности лежало усмиреніе возстаній, реквизиція скота, хлѣба, муки... Настоящихъ самостійниковъ нѣмцы нашли мало. Большая часть пошла по этой дорогѣ только изъ нежеланія пустить большевиковъ на Украину.

Однажды и къ намъ въ Эшвеге прислали цѣлую партію такихъ офицеровъ - самостійниковъ, не заслуживших довѣрія нѣмцевъ.

Среди этихъ возвращенныхъ особенное вниманіе обращалъ на себя одинъ прапорщикъ. Онъ каждый день прогуливался подъ нашими окнами. Сверху на немъ была зеленоватая полупрозрачная клеенчатая накидка. Черезъ нее просвѣчивалъ коротенькій полушубокъ. Ноги были обуты въ крѣпкіе, видимо, недавно сшитые сапоги; на головѣ была хорошая сѣрая папаха. Словомъ, одѣтъ былъ этотъ прапорщикъ, пожалуй, еще лучше другихъ. Фамилія его была Щеко.

Но не костюмъ обращалъ на себя вниманіе, а лицо. Оно было сѣро-зеленаго нездороваго цвѣта; глаза сливались съ темными впадинами и казались необычно большими. Выраженіе ихъ никогда не мѣнялось; смотрѣлъ-ли Щеко на Верру, на стѣну, или на человѣка, молчалъ или говорилъ, — онъ всегда оставался однимъ и тѣмъ же: до жути безрадостнымъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, недавноо очнувшагося отъ вѣчнаго сна: когда тѣло уже жило и двигалось, душа еще продолжала видѣть потустороннія тайны. И это было страшно.

Однажды, вечеромъ, когда огни уже погасли, и мы всѣ лежали на кроватяхъ, зашелъ разговоръ о Щеко.

— Никогда не встрѣчалъ такого человѣка, — сказалъ Высотскій, — мертвый — не мертвый, но и не живой, какъ будто.

— А ты, братъ, перенеси-ка, что онъ перенесъ: коз-

ломъ бы не запрыгалъ послѣ этого, — отвѣтилъ Черновъ.

Вотъ исторія Щеко въ короткихъ словахъ, разсказанная Черновымъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ лѣтомъ 1915 года при отступленіи съ Варшавскаго фронта. Его, какъ раненаго, нѣмцы отправили въ полевой лазаретъ подъ Пултускомъ. Врачи обращались съ нимъ хорошо; рана стала заживать. Въ это время главный врачъ получилъ предписаніе отправиться въ Турцію. По его желанію, всѣ раненые, въ томъ числѣ и Щеко, снялись. Эту карточку докторъ увезъ съ собой. Когда рана окончательно зажила, Щеко рѣшилъ бѣжать. Всѣ были увѣрены, что русскіе скоро вернутся. Щеко скрылся изъ госпиталя. Онъ шелъ осторожно вслѣдъ за нѣмецкой арміей. Идти было очень трудно: всюду разъѣзжали кавалерійскіе пикеты; вездѣ были расклеены объявленія, что за укрывательство русскихъ военныхъ, виновные будутъ разстрѣляны, а ихъ имущество конфисковано. Но тѣмъ не менѣе, крестьяне-поляки давали Щеко и пріютъ, и пищу.

Совсѣмъ неожиданно бѣглецъ захворалъ не то тифомъ, не то маляріей. Боясь, что онъ умретъ, жители перестали пускать его къ себѣ. Цѣлыя ночи, въ безсознательномъ состояніи, Щеко проводилъ гдѣ-нибудь въ лѣсу. Одинъ крестьянинъ сжалился надъ нимъ и потихоньку отъ своей жены пріютилъ больного въ стодолѣ, среди соломы. Туда хозяинъ и носилъ ему ѣсть по вечерамъ, когда никто не видѣлъ. Такъ прожилъ Щеко полъ-года.

Но трудно было все-таки скрыть присутствіе чужого человѣка. Первые пронюхали объ этомъ деревенскіе торговцы. Они злились, что крестьяне не продавали имъ хлѣба; по доносу, какъ говорилъ хозяинъ Щеко, на деревню нѣсколько разъ пріѣзжали съ обыскомъ нѣмецкіе жандармы. Къ счастью, они ничего не находи-

ли. Все-же имѣть бѣглеца квартирантомъ стало слишкомъ опасно. Хозяинъ попросилъ, наконецъ, Щеко уйти. Онъ далъ ему на дорогу хлѣба, смѣну бѣлья и полушубокъ.

Щеко пошелъ къ русскому фронту, надѣясь какъ-нибудь проскользнуть между нѣмецкими позиціями. Но, когда до фронта оставалось всего тридцать верстъ, онъ наткнулся на проволочныя загражденія. Онѣ шли параллельно позиціямъ. На нихъ всюду были развѣшены объявленія:

«Всякій, кто будетъ найденъ въ этой полосѣ безъ спеціальнаго разрѣшенія, будетъ преданъ суду, какъ шпіонъ».

По словамъ окрестныхъ жителей, нѣмцы выгнали вонъ населеніе всѣхъ прифронтовыхъ деревень. Въ этой тридцативерстной полосѣ никого, кромѣ нѣмцевъ, не было. Ему не совѣтовали даже дѣлать попытки: все охранялось очень зорко. И Щеко не рискнулъ; онъ повернулъ обратно.

Зима была снѣжная и морозная. Онъ ходилъ по деревнямъ и просилъ милостыни. Когда получалъ кусокъ хлѣба, шелъ въ лѣсъ. Тамъ же и ночевалъ. Отъ волковъ влѣзалъ на деревья. Гдѣ можно было — работалъ. И каждый день, каждый часъ — угроза быть пойманнымъ жандармами. Весной, въ одной глухой деревушкѣ его наняли пастухомъ. Потомъ опять онъ сталъ бродягой и нищимъ. Нѣмцы его все-таки поймали; произошло это, если не ошибаюсь, въ началѣ 1917 года.

Къ Щеко сразу же было предъявлено обвиненіе въ шпіонажѣ. Онъ упорно защищался, но что онъ могъ сдѣлать, не имѣя бумагъ, не владѣя даже нѣмецкимъ языкомъ. Онъ назвалъ госпиталь, гдѣ онъ лечился; судъ навелъ справки; оказалось, что госпиталь свернулся годъ тому назадъ. На вопросъ слѣдователя, чѣмъ Ще-

ко занимался и у кого жилъ все это время, тотъ ничего не могъ сказать положительнаго.

Нѣсколько мѣсяцевъ велось о немъ слѣдствіе. Въ его камеру часто ночью, когда Щеко еще спалъ, заходили сыщики, будили и спрашивали, кто былъ съ нимъ въ компаніи; уговаривали сознаться и обѣщали, что, въ этомъ случаѣ, смерть ему замѣнятъ тюрьмой. Требовали, чтобы онъ перечислилъ всѣхъ, кто давалъ ему пріютъ и пищу.

И Щеко судили и приговорили къ смертной казни, какъ шпіона. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ провелъ въ напряженномъ состояніи. Когда приходили подметать полъ, когда приносили пищу, словомъ, всякій разъ, какъ открывалась дверь, Щеко думалъ, что это идутъ за нимъ.

И, однажды, дѣйствительно, пришли за нимъ часовые и повели его въ судъ.

Оказалось, что по этому дѣлу былъ запрошенъ главный врачъ лазарета, гдѣ лежалъ когда-то Щеко. На запросъ суда, лечился ли у него въ лазаретѣ Щеко, докторъ прислалъ фотографическую карточку своихъ бывшихъ паціентовъ. Среди нихъ находился Щеко, въ формѣ русскаго офицера.

Эта карточка спасла его отъ смертной казни.

Нѣмцы отправили его въ Эшвеге, давъ ему необходимое.

Нашу пищу Щеко находилъ обильной и сытной; онъ не съѣдалъ даже своей порціи. За два съ половиной года онъ ни разу не спалъ въ кровати; бѣлье стиралъ только лѣтомъ и удивлялся роскоши, въ которой живутъ плѣнные.

Глава VII

Время шло. Зима уходила. Дни становились длиннѣе. Въ ясныя утра съ рѣки несло весенней свѣжестью. На деревьяхъ безъ умолку трещали воробьи.

Тѣмъ временемъ въ Брестъ-Литовскѣ шли мирные переговоры. Иногда большевики упрямились; тогда нѣмцы нажимали на фронтѣ. Такимъ образомъ были заняты Псковъ и островъ Эзель.

Псковъ былъ такъ загруженъ, что ничего нельзя было вывезти.

«Добыча наша несмѣтная», — писало высшее командованіе; «мы захватили 800 совершенно новыхъ американскихъ паровозовъ, сотни тяжелыхъ орудій, тысячи пулеметовъ; милліоны снарядовъ, милліарды патроновъ, горы всякаго продовольствія».

На Эзелѣ весь гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ. Одинъ изъ захваченныхъ офицеровъ попалъ на короткое время въ Эшвеге. Онъ разсказалъ намъ исторію своего плѣненія.

— Нѣмцы къ острову приближаются, а комитеты на митингъ созываютъ; стали выяснять — кто нѣмцы, и надо-ли въ нихъ стрѣлять? Одна батарея открыла было огонь, но другіе закричали — «не надо, нѣмцы — наши товарищи». Сдались мы со всѣми потрохами. Потомъ, по приказу нѣмецкаго генерала, офицеровъ отъ солдатъ отдѣлили. Комитеты къ нему делегатовъ послали: «у русскихъ нѣтъ ни офицеровъ, ни солдатъ, всѣ должны быть вмѣстѣ». Генералъ отвѣтилъ, что у себя русскіе могутъ дѣлать, что хотятъ; въ плѣну-же они должны подчиняться нѣмецкимъ законамъ.

Потомъ всѣхъ плѣнныхъ обыскали. У одного изъ солдатъ нашли на нѣсколько тысячъ русскихъ золотыхъ монетъ; у другихъ — золотые портсигары, хронометры, драгоцѣнныя кольца. Если только владѣлецъ не могъ сказать, гдѣ и какъ онъ досталъ найденныя на немъ вещи, его тутъ-же вѣшали, какъ мародера.

Затѣмъ нѣмцы огородили часть поля проволокой, разставили вокругъ часовыхъ, а во внутрь загнали солдатъ; такъ ихъ, подъ открытымъ небомъ, и продержали нѣсколько дней безъ пищи. Мерзли и голодали наши земляки отчаянно. А на ихъ глазахъ нѣмцы сало, рисъ, макароны ѣли, что на островѣ захватили. Затѣмъ ихъ на работу въ копи отправили, а офицеровъ по лагерямъ распредѣлили, — закончилъ свой разсказъ новый плѣнный.

Какія были условія мира, мы не знали. Въ газетахъ о Брестъ-Литовскихъ переговорахъ говорилось довольно небрежно, точно вскользь. Видимо, настоящимъ миромъ Германія считала миръ на западномъ фронтѣ.

По требованію нѣмцевъ Россія или, точнѣе, большевики олжны были отдать часть русскаго золота Германіи. Но, такъ какъ миръ былъ безъ аннексій и контрибуцій, то объ этомъ писали лишь намеками.

Недѣли черезъ три послѣ заключенія Брестъ-Литовскаго мира, по лагерю разнеслась радостная вѣсть: большевики послали русскимъ плѣннымъ нѣсколько поѣздовъ съ хлѣбомъ. Сообщилъ это нѣмецкій унтеръ-офицеръ, выдававшій продукты; въ комендатуру, будто-бы, пришла телефонограмма съ приказаніемъ сообщить число плѣнныхъ въ лагерѣ, на предметъ дѣлежки ожидавшагося хлѣба. Мы обрадовались. Пошли разговоры: сколько можетъ прійтись хлѣба на нашъ лагерь, и какъ мы его получимъ — зерномъ или мукой. Почему-то рѣшили, что получимъ мы его зерномъ.

Одни готовились дѣлать изъ зерна кашу ,другіе нахо-

дили болѣе выгоднымъ смолоть его и съѣсть, въ видѣ хлѣба.

— При выпечкѣ припекъ будетъ, — говорили сторонники хлѣба.

— А у насъ нѣмцы муку украдутъ и недостачу какой-нибудь пакостью досыпятъ, — отвѣчали сторонники каши.

Словомъ, образовались двѣ партіи: хлѣбная и кашная. Но кто былъ правъ — узнать не пришлось.

Черезъ нѣсколько дней въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась замѣтка:

«Русское рабоче-крестьянское правительство шлетъ голодному нѣмецкому народу хлѣбъ. Сорокъ вагоновъ ржи уже пришли въ Берлинъ; вслѣдъ за этимъ поѣздомъ идутъ другіе. Русскій пролетаріатъ протягиваетъ братскую руку нѣмецкому».

Такія же сообщенія появились и въ нѣмецкихъ газетахъ.

— Вотъ тебѣ и каша, вотъ тебѣ и припекъ, — уныло повторялъ весь лагерь.

А немного позже въ томъ-же «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась небольшая статейка. Въ ней голоднымъ русскимъ солдатамъ ставилось въ вину, что они слишкомъ много говорятъ о ѣдѣ.

Я каждый день, подъ вечеръ, выходилъ гулять въ садикъ у замка. Тутъ, шагая по троттуару, я старался забыть свою боль и занимался вычисленіями. Я высчитывалъ, сколько потребовалось-бы продуктовъ, чтобы прожить въ лагерѣ еще полъ-года, не голодая.

Я обезпечилъ себя въ мечтахъ шеколадомъ, рисомъ, молокомъ, овсянкой, соображалъ, гдѣ-бы можно было хранить эти припасы и сколько они заняли бы мѣста.

На что бы я ни смотрѣлъ, все сводилось къ съѣстному; большой камень, лежавшій у дерева, вѣсомъ въ

сотню пудовъ, вызывалъ мысль о хлѣбѣ такого-же вѣса. На сколько времени хватило-бы его мнѣ одному или нашей комнатѣ вмѣстѣ?

Иногда я останавливался и смотрѣлъ, какъ прочищаютъ дорожки наши солдаты, подъ наблюденіемъ здоровеннаго нѣмецкаго унтеръ-офицера. Солдаты работали неохотно, лѣниво, небрежно.

— Вотъ еще дармоѣдъ шляется, — громко сказалъ по моему адресу деньщикъ съ непріятными нахальными глазами, — никакъ не околѣетъ.

Говоря, солдатъ выпустилъ грабли и присѣлъ на край газона. Остальные тоже побросали работу и съ любопытствомъ ждали, что будетъ дальше. Чтобы уйти, мнѣ надо было пройти мимо говорившаго. Но онъ умышленно вытянулъ ноги такъ, что я долженъ былъ черезъ нихъ перешагнуть; я боялся, что онъ толкнетъ и уронитъ меня. Это паденіе причинило бы мнѣ невѣроятную боль.

Вдругъ раздался громкій голосъ нѣмца. Замѣтивъ, что всѣ побросали работу, онъ такъ закричалъ ,что на вискахъ у него надулись вены, и все лицо стало краснымъ. Коротенькимъ хлыстомъ онъ ударилъ по шеѣ сидѣвшаго на газонѣ. Тотъ вскочилъ, схватилъ грабли и въ одно мгновеніе изъ хулигана сталъ покорнымъ рабомъ.

На нашихъ солдатъ, работавшихъ въ лагерѣ, тяжело было смотрѣть. Они всѣмъ и всегда были недовольны. Проходя мимо, многіе умышленно вызывающе смотрѣли на насъ. Чистка картофеля и варка пищи служили для нихъ источникомъ постояннаго неудовольствія. Мы сами теперь убирали комнаты, застилали постели, мыли посуду.

Наконецъ, они рѣшили забастовать. Одинъ изъ нихъ бросилъ горсть толченаго стекла въ котелъ, гдѣ варилась каша для офицеровъ. Совершенно случайно замѣ-

тилъ это дежурный по кухнѣ поручикъ Саліасъ. Нѣмцамъ мы не стали жаловаться, а дѣло было разобрано семейнымъ порядкомъ.

Собрались выборные отъ комнатъ, позвали также солдатскихъ представителей. На засѣданіи было выяснено, что солдатскіе и офицерскіе интересы совпадаютъ, а порча пищи отзывается на всѣхъ.

Кромѣ того, порѣшили, что каждый день 20 офицеровъ будутъ помогать солдатамъ чистить картофель. На этомъ и окончились непріятельскія выходки нашихъ деньщиковъ.

Несмотря на тоскливыя обстоятельства, а, можетъ быть, благодаря имъ, образовался драматическій кружокъ. Рѣшили поставить Чехова. Обратились къ коменданту. Тотъ не только разрѣшилъ, но и обѣщалъ всяческое содѣйствіе. Въ столовой соорудили сцену, купили холстъ, нарисовали декораціи, достали костюмы, гримъ.

Наконецъ, афиши возвѣстили, что такого-то апрѣля, отъ начала войны въ четвертый годъ, а отъ Р. Х. — въ 1918, труппой случайно попавшихъ въ Германію русскихъ артистовъ будетъ представлена пьеса Чехова «Дядя Ваня».

Публики собралось много.

Пошелъ посмотрѣть и я.

Съ первой же картины зрители были захвачены. Мы увидѣли русскую усадьбу, родныя березы, услышали русскихъ людей. Стала близкой и понятной драма дяди Вани. Старая няня напоминала милое, далекое дѣтство. Полусогнувшись, она семенила то у стола, то у буфета и тихонько жалобилась дребезжащимъ голоскомъ:

«А ноженьки-то такъ и гудутъ, такъ и гудутъ»...

Милыя русскія няни!.. Ваши бывшіе озорники и баловни, дергавшіе васъ за передникъ, засыпавшіе у васъ на колѣняхъ, кого вы раздѣвали и крестили на ночь, ко-

му вы разсказывали про Боженьку и про ангеловъ-хранителей, на кого вы ворчали и кого вы такъ любили, сидѣли въ залѣ въ глубокомъ волненіи...

Спектакль прошелъ очень оживленно и на минуту отвлекъ насъ отъ неприглядной дѣйствительности.

Послѣ Пасхи стало совсѣмъ тепло. Весна была мягкая, хорошая, По вечерамъ на чистомъ небѣ серебрился тонкій полумѣсяцъ. На деревьяхъ набухали почки. Потомъ, послѣ небольшого дождя, сразу запушилась зелень. Нѣжная, чуть замѣтная вначалѣ, она съ каждымъ днемъ становилась зеленѣе и гуще. Появились и захлопотали птицы. Зацвѣли яблони, груши, сливы.

Встрѣчу весны плѣнные рѣшили отпраздновать гуляніемъ. Комендантъ согласился и разрѣшилъ даже пріобрѣсти бѣлаго вина. Разставили въ саду столики, устроили кіоски. Въ кіоскахъ покупали крюшонъ, приготовленный домашнимъ способомъ, и распивали на столикахъ. Чистый доходъ былъ предназначенъ въ пользу больныхъ плѣнныхъ.

Съ общаго согласія, праздникъ долженъ былъ быть строго безпартійнымъ. Ни правыхъ, ни лѣвыхъ выходокъ: весна выше всѣхъ партій.

Торжество прошло бы вполнѣ благополучно, не будь въ лагерѣ капитана Кашеварова.

Капитанъ Кашеваровъ былъ человѣкъ не какой нибудь.

Въ свое время онъ былъ въ гимназіи, прошелъ четыре класса, отслужилъ два года вольноопредѣляющимся и благополучно кончилъ юнкерское. Ему пришлось участвовать въ усмиреніи боксеровъ, потомъ въ русско - японской войнѣ и, наконецъ, въ германской. Но судьба хранила его повсюду. Сначала его забрали китайцы, потомъ японцы, а затѣмъ нѣмцы. Онъ имѣлъ массу медалей: за службу при Александрѣ III, въ память китайской кампаніи, за сидѣніе въ Портъ-Артурѣ, за

300-лѣтіе дома Романовыхъ. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ въ Мюнденѣ, въ концѣ 1914 года.

Тогда онъ былъ очень правымъ. «Честь мундира... Офицерскіе погоны... Царь-батюшка... Царица-матушка...»

Изъ Мюндена его куда - то перевели. Встрѣтились снова мы съ нимъ въ Эшвеге. Онъ отпустилъ небольшую бородку и носилъ черное пенснэ. Въ день торжества, къ удивленію всѣхъ, кто его зналъ, капитанъ Кашеваровъ полѣзъ на дерево и повѣсилъ тамъ плакатъ:

«Да здравствуетъ Р. С. Ф. С. Р.»

Ему замѣтили, что праздникъ безпартійный и предложили плакатъ снять. Капитанъ отказался. Когда-же начали настаивать, то капитанъ просто-на-просто вынулъ записную книжечку и внесъ туда фамиліи протестантовъ. Tempora mutantur et nos mutamur in illis.

Вмѣстѣ со мной изъ Halle былъ переведенъ въ Эшвеге ветеринарный врачъ Орловъ. Я любилъ съ нимъ разговаривать: онъ былъ очень интересный человѣкъ, много думалъ, много читалъ. Особенно хорошо онъ зналъ Достоевскаго и Толстого. Въ плѣну Орловъ спокойно переносилъ голодъ и ободрялъ падавшихъ духомъ. Самъ же никогда онъ ни на что не жаловался. Въ Россію онъ вѣрилъ. Но своихъ мыслей и своей вѣры онъ никому не навязывалъ.

До октябрьскаго переворота Орловъ былъ убѣжденнымъ славянофиломъ и въ большомъ почетѣ держалъ Аксакова и Кирѣевскаго. Но послѣ октябрьскихъ событій Орловъ сильно задумался, осунулся и постарѣлъ. Больше всего его безпокоила лившаяся въ Россіи кровь. Вскорѣ послѣ Пасхи Орловъ получилъ письмо, что одинъ изъ его братьевъ убитъ, теперь я ужъ не помню, кѣмъ именно, кажется, китайцами.

Однажды утромъ намъ принесли газеты съ крупнымъ заголовкомъ: «Убійство царской семьи».

Это убійство поразило и насъ и нѣмцевъ. Оно словно вывернуло наизнанку внутреннюю сторону большевизма и показало лишь страхъ новыхъ правителей передъ бывшимъ царемъ. Нѣмецкія газеты отозвались на это событіе цѣлымъ рядомъ статей. Одни говорили, что Николай II въ самую критическую минуту сумѣлъ стать выше личной точки зрѣнія и поступился собственными интересами въ пользу страны. Другіе добавляли, что, по существу, онъ уже не былъ опасенъ русской революціи: утомленный безконечными тревогами своего правленія, вѣроятно, онъ и самъ отказался бы стать снова во главѣ государства.

Убійство беззащитной царской семьи осквернило весну, осквернило природу.

Послѣ убійства царской семьи Орловъ цѣлыми часами молча сидѣлъ на камнѣ въ саду.

Совершенно неожиданно это раздумье кончилось пріятіемъ совѣтской власти.

Что лежало въ основѣ этого пріятія, никто, кромѣ него, не зналъ. Но ясно было, что сдѣлалъ онъ это не страха ради, не изъ личныхъ видовъ. И отвращеніе къ крови и насилію у Орлова остались по-прежнему.

Громадная же масса офицерства большевизма не принимала. Это непріятіе коренилось не въ слѣпой враждебности, но въ ясномъ сознаніи, что большевизмъ безплоденъ. Условія Брестъ-Литовскаго мира, написанныя подъ диктовку нѣмецкихъ геенраловъ, показали, что большевизмъ, сверхъ того, безсиленъ...

Въ маѣ у насъ вспыхнула эпидемія испанки. Съ самаго начала года о ней много писали и говорили. По словамъ нѣмецкихъ врачей, въ ротѣ иногда оставалось здоровой лишь третья или четвертая часть людей. Съ фронта испанка по желѣзнымъ дорогамъ направилась прежде всего въ ближайшіе большіе города, потомъ и вглубь страны.

Докатилась она и до Эшвеге. Изъ города ее занесли въ лагерь. Прежде всего ею заболѣли плѣнные, жившіе въ главномъ зданіи. Въ комнатѣ, гдѣ помѣщалось 25 человѣкъ, въ теченіе двухъ дней слегло семнадцать. Изъ главнаго зданія испанка перешла въ другія.

Заболѣлъ ею и я. Кончивъ, однажды, обѣдъ, я отставилъ пустую тарелку. Въ тотъ-же мигъ по вытянутой рукѣ забѣгали мурашки. Голова сразу же стала тяжелая. Появился потрясающій ознобъ Я сейчасъ же легъ, покрылся всѣми одѣялами, и, все-таки, несмотря на жаркій день, я стылъ отъ холода. Вслѣдъ за мной, въ комнатѣ захворало еще пять человѣкъ. Мы провалялись въ постели около недѣли. Температура у насъ доходила до 40 гр.

Послѣ себя испанка оставила большую вялость и разбитость, а въ головѣ была тяжесть, словно на мозгъ что-то давило. Но потомъ все прошло. Тяжелыхъ случаевъ при мнѣ не было.

Въ маѣ же стали поговаривать объ отправкѣ плѣнныхъ въ Россію. Всякими правдами и неправдами мы пытались узнать содержаніе бумагъ, полученныхъ на этотъ счетъ въ комендатурѣ. Какъ ни были крѣпки нѣмецкіе писаря, мы все-таки узнали отъ нихъ, что отправлять будутъ изъ лагеря небольшими партіями по 10-12 человѣкъ. Въ первую очередь поѣдутъ раненые, больные, семейные.

Въ началѣ іюня было объявлено объ отъѣздѣ первой группы. Выѣзжали, главнымъ образомъ, инвалиды. Ихъ заранѣе предупредили, чтобы они были готовы къ назначенному дню.

Въ день отъѣзда, послѣ обѣда, отъѣзжавшихъ собрали передъ крыльцомъ комендатуры. Вышелъ Гесслеръ, поздравилъ ихъ съ отправкой на родину и пожелалъ всего хорошаго. Бывшіе враги съ чувствомъ раскланялись. Затѣмъ комендантъ вернулся къ себѣ, а плѣн-

ные направились къ выходу. Впереди шелъ нѣмецкій офицеръ, сзади слѣдовало двое солдатъ. Открылись ворота... Свобода!...

Хотѣлось крикнуть полной грудью — и не было голоса. Забилось и взметнулось ввысь сердце. Вихремъ пробѣжала свѣтлая радость; но, и не успѣвъ раскрыть свои крылья, она упала, какъ убитая птица...

Послѣ отправки въ лагерѣ наступило затишье; гадали, кто войдетъ въ слѣдующую группу. Прошло нѣсколько дней, ничего не было слышнс. Въ комендатурѣ говорили, что они дѣйствуютъ лишь по приказаніямъ изъ Касселя, гдѣ находилось управленіе XV германскаго корпуса, вѣдавшаго отправкой военно-плѣнныхъ.

Зацвѣли липы въ саду. Появились пчелы. Я проводилъ время, сидя на камнѣ подъ липами и смотря на противоположный берегъ. Все жило, росло, зеленѣло. Иногда на непокрытую голову падала тяжело нагруженная пчела и запутывалась въ волосахъ. Осторожно я помогалъ ей выпутаться; пчелы не кусали меня.

Запахъ липъ и жужжаніе пчелъ напоминали русскія монастырскія пасѣки. Въ одну изъ такихъ минутъ я неожиданно получилъ сѣрый, большой конвертъ. На немъ каракулями, вкривь и вкось, былъ написанъ адресъ. Это было письмо отъ моего пріятеля-монашка.

У него была спокойная, свѣтлая душа; она все видѣла, все понимала, ко всему находила дорогу. Ибо она была полна любви и къ человѣку, и къ пчелѣ, и къ высокому солнцу, и къ пахучей липѣ. Есть такія милостью Божьей одаренныя души.

Въ плѣну я иногда вспоминалъ монашка, но мы не переписывались, и, потому, его письмо удивило меня.

«Прощай, братъ Веньяминъ», писалъ онъ, «нынѣ отпущаеши раба Твоего... Скоро представлюсь, многогрѣшный... Трепещу дня страшнаго... Пчелокъ моихъ нѣтъ больше: этой весной частью забрали ульи, частью

порубили да пожгли... Жалко труженицъ Божьихъ... Много, я слышалъ, плѣннымъ зла сдѣлали. Но не скверни злобой души твоей, держи сердце къ правдѣ вѣчной — въ свѣтѣ ея узришь міръ новый... Теперь у насъ по иному идетъ — всякое есть. Но благость Господня во всемъ разсыпана, подмѣтить ее только надо... Зло-же изъ праха создано и прахомъ содѣется. Есть свѣтъ въ мірѣ и тьма не обниметъ его...»

Однажды, въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ мнѣ попалась статья подъ заглавіемъ: «Кому не нужна собственность».

Заглавіе меня заинтересовало. Я прочелъ статью. Ея положенія сводились къ слѣдующему:

Въ до-историческія времена человѣкъ владѣлъ мясомъ и шкурой убитаго имъ звѣря. Съ этого и начинается исторія собственности. Впослѣдствіи, жизнь усложнилась, формы и виды собственности измѣнились. Но сущность ея осталась неизмѣнной; эта сущность заключается въ правѣ человѣка распоряжаться вещами, созданными его дѣятельностью. Уничтожить собственность — значитъ уничтожить право распоряжаться этими вещами. Прекрасно —право уничтожено, вещи остались; вещи нужны для удовлетворенія потребностей. Необходимо, чтобы ими кто-то, все-таки, распоряжался. Предположимъ, это будетъ дѣлать государство. Государство олицетворяется правительствомъ. Правительство состоитъ изъ кучки людей. Эта кучка, значитъ, и будетъ распоряжаться всѣмъ достояніемъ страны. Если эта кучка безотвѣтственна, безконтрольна, къ тому-же еще и безсмѣнна, то всѣ существенные признаки собственника на лицо. Подобное явленіе мы видимъ въ Россіи. Собственности тамъ нѣтъ. Но тамъ есть люди, которые распоряжаются достояніемъ страны. Ихъ никто не выбиралъ, они ни передъ кѣмъ не отвѣчаютъ, ихъ никто не можетъ контролировать. Такимъ людямъ

собственность, дѣйствительно, не нужна, — заканчивалъ авторъ статью.

Извѣстіе объ отправкѣ второй партіи пришло тогда, когда мы почему-то меньше всего ожидали. Въ эту партію попалъ Сальниковъ; его, очевидно, вывезла Дарья Сергѣевна и малыши. Вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ изъ нашей комнаты прапорщикъ Соколовъ; за время плѣна онъ успѣлъ овдовѣть, и его дѣти находились у родственниковъ. Тѣ сообщили ему о смерти жены и просили пріѣхать поскорѣй. Письмо это Соколовъ получилъ за два дня до отъѣзда. Онъ показалъ его Гесслеру, и тотъ, поговоривъ по телефону съ Касселемъ, включилъ его въ число уѣзжавшихъ.

— Ну, Валерьянычъ, — пришелъ проститься Сальниковъ, — будь здоровъ. Если тяжело будетъ тебѣ въ Россіи, пріѣзжай ко мнѣ. Хлѣбъ у насъ будетъ, а Дарья Сергѣевна часомъ и каши сваритъ. Пріучу тебя къ какому-нибудь дѣлу деревенскому, заправскимъ мужикомъ станешь. Лѣса то у насъ такіе, что всякую хворь выдуютъ...

Мы сердечно простились.

Однажды, сидя на камнѣ, я освобождалъ запутавшуюся въ волосахъ пчелу. Въ этотъ моментъ подошелъ ко мнѣ Арцышевичъ.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ онъ.

— Да вотъ, — и я показалъ ему пчелу. Пчела посидѣла немного на ладони и полетѣла. Мы оба проводили ее взглядомъ .

— А со мной вотъ такого не можетъ случиться, — сказалъ онъ и провелъ рукой по волосамъ.

Волосы у него, дѣйствительно, порѣдѣли, и очень ясно обозначилась большая лысина.

— Отростетъ на волѣ, — утѣшилъ я его.

— Волосы — пустяки, сердце мѣшаетъ, — отвѣ-

тилъ онъ, — болитъ ,стучитъ, на лѣстницу еле-еле взбираюсь.

Видъ у него былъ плохой. Усталое лицо, мѣшки подъ глазами, синеватыя, словно налитыя водой, щеки.

— Пухну, — продолжалъ онъ, — другіе худѣютъ, а у меня ноги толстѣютъ, долженъ былъ у сапогъ голенища разрѣзать.

Арцышевичъ ушелъ. Я остался одинъ. Въ головѣ бродили неясные образы. Тутъ былъ и Арцышевичъ, и протекавшая внизу Верра, фигура часового съ блестѣвшимъ на солнцѣ штыкомъ, далекій лѣсъ, желтая линія желѣзнодорожной насыпи. Все это помѣщалось въ сознаніи разомъ, и все было неясно и расплывчато.

Раздавшіеся за спиной шаги заставили меня вздрогнуть. Ко мнѣ подсѣлъ капитанъ Пожаровъ. Для своего чина онъ былъ очень молодъ; онъ былъ произведенъ за боевыя отличія и имѣлъ, кромѣ того, много орденовъ. У него было жесткое лицо, сильно сжатыя губы и холодные далекіе глаза. Онъ отличался удивительной настойчивостью: за два года плѣна (онъ былъ взятъ въ 1916 г.) Пожаровъ въ совершенствѣ изучилъ нѣмецкій языкъ, начавъ его почти съ азбуки.

Нрава капитанъ былъ замкнутаго, необщительнаго. Иногда онъ жестоко напивался, но въ одиночку; напившись, онъ ни къ кому не приставалъ и никакихъ рецептовъ для оздоровленія Россіи не предлагалъ.

— Я вамъ не мѣшаю? — спросилъ онъ.

— Нисколько.

— Что вы будете дѣлать въ Россіи, когда попадете туда? — неожиданно спросилъ онъ.

Я пожалъ плечами. Мнѣ не понравился ни вопросъ, ни тотъ, кто его задалъ.

— Самый вѣроятный случай, — продолжалъ онъ, — вы будете раздумывать и колебаться — оставаться

ли съ большевиками и служить имъ такъ или иначе, или же примкнуть къ ихъ врагамъ.

—Можетъ быть.

— Вы не сердитесь. Я самъ много думалъ и колебался; но, наконецъ, принялъ опредѣленное рѣшеніе, отъ этого сразу стало легче. И я всякому посовѣтовалъ бы сдѣлать такъ.

—Спасибо.

Пожаровъ усмѣхнулся.

— Вы мнѣ не вѣрите — и вы правы: вы меня не знаете. А я вамъ довѣряю, хотя тоже не очень васъ знаю. Это бываетъ.... Мое же рѣшеніе такое — какъ только я пріѣзжаю въ Россію — сразу большевикомъ становлюсь, самымъ крайнимъ притомъ.

Почему? Потому что большевики сила, дерзость, разрушеніе. А разрушить старое и дряблое необходимо: весь міръ обабился. Природа дала мужчинѣ силу — умственную и физическую, а о силѣ своей мужчина забылъ, отъ легкой жизни расплылся, ожирѣлъ. Есть у меня сестра юристка, мужъ ея докторъ; оба жирные, мягкіе, какъ тюфяки; приду къ нимъ, ея супругъ меня по спинѣ хлопаетъ и всякій разъ спрашиваетъ:

«Ну, какъ дѣла, молодой человѣкъ?»

У сестры часто гости бывали. Начнется разъѣздъ, приходится кого-нибудь изъ дамъ провожать. Вотъ одна изъ нихъ разъ и сказала мнѣ на прощаніе: «такъ пріятно сознавать, что возлѣ есть человѣкъ, который защитить можетъ»! Ужасно много сказали мнѣ эти слова...

А вотъ исторія другого рода. У моей младшей сестры — курсистки — былъ поклонникъ; стихи ей писалъ, цвѣты подносилъ, богиней называлъ. Ну-съ, пошелъ онъ разъ сестру отъ знакомыхъ провожать.

А на одной улицѣ ихъ какіе-то молодцы окружили. Кавалеру ультиматумъ: «на бутылку водки или въ морду». Тотъ заартачился: «изъ принципа на водку не даю». — «Ахъ такъ» — да хлясь его по физіономіи; онъ бѣжать. Сестра сама ужъ откупилась, а потомъ мнѣ и говоритъ: «Тотъ мужчина, кто себя и женщину въ обиду не дастъ». Вамъ ничего не говорятъ эти слова?.. А я послѣ этого точно на ноги сталъ. Свою ли богиню, свою ли мысль, человѣкъ обязанъ отстоять. Кулаками, зубами, умомъ, изворотливостью — всѣмъ, чѣмъ угодно. Пусть его изобьютъ, пусть его разорвутъ — такой человѣкъ срама не иматъ. Въ Россіи такой силой оказался хулиганъ: Учредительное Собраніе въ два счета разогналъ и большевикамъ побѣду обезпечилъ. Кто имъ дорогу загородилъ? — Несчастная молодежь, кучка, безжалостно раздавленная. Но раздавленные и тѣ, кто ихъ раздавилъ, имѣли одно общее: каждый дрался за свое. А кто пустилъ большевиковъ, что сдѣлали стоявшіе въ тотъ моментъ у власти для спасенія Россіи, поняли ли они всю ту опасность, которая ей угрожала? Они думали, что борьба словесная будетъ — «выставимъ на показъ идеи, всѣ залюбуются, большевики смирятся, волки вегетаріанцами станутъ»...

У Пожарова перехватило голосъ.

— Намъ все въ носъ тыкали западомъ да конституціями. Вѣрно; зато сколько войнъ тутъ было, сколько еретиковъ пожгли, сколько династій разрушили? Изъ этой борьбы здѣшнія конституціи выросли, изъ-за каждой буквы закона тутъ ушаты крови пролиты. Но сумѣли люди свое отстоять и получили мѣсто подъ солнцемъ. Сильные тутъ жизнь строили. Наши же дряблые мужи эту борьбу проглядѣли и себѣ въ предсѣдательницы истерическую бабу чуть не выбрали. Большевики дунули, и всѣ, какъ одуванчики, разлетѣлись...

Съ кѣмъ итти? Мой выборъ сдѣланъ. Большевикамъ буду служить съ отмѣннымъ усердіемъ: скажутъ одного арестовать, а я десять, реквизировать одно полѣно, а я двадцать притащу. Быстро возненавидятъ совѣтскую власть, а подѣлать съ ней нечего — рабоче-крестьянская — одни слова чего стоятъ! Заартачатся гдѣ-нибудь, сейчасъ туда, по приказу товарища Стеклова, карательный отрядъ, и все съ припѣвомъ: «вы рабоче-крестьянской служить не хотите?» — «Скверное дѣло», — скажете. Что жъ — за то у меня деньги будутъ, автомобиль.... Собственности-то нѣтъ теперь, все народное, а самому народу имѣть ничего не полагается — обуржуазится и большевиковъ, чего добраго, прогонитъ. А, потому, такую концентрацію капиталовъ произведемъ, что Марксъ въ гробу перевернется. Одни съ голоду трескаться будутъ, въ землѣ ковыряться, другіе нефть буравить, а мы въ автомобиляхъ раскатывать, зернистой икрой закусывать. Сдѣлаютъ меня кѣмъ-нибудь по военной части, — дисциплину желѣзную введу, пикнуть не посмѣютъ; солому жрать станутъ и ни-ни. Потому — кому ты служишь, царю или народу?... — Болѣе дальновидные буржуи должны были бы у большевиковъ остаться, въ коммунисты первой гильдіи записаться, ибо у нихъ самая лучшая форма владѣнія: ничего своего у человѣка нѣтъ, а всѣмъ распоряжаться можетъ, и отнять нельзя. Геніальное изобрѣтеніе — коммунизмъ; видимо, не-европейскаго ума дѣло, больно ужъ субтильное; я хочу только на немъ точки поставить... Проснется сопротивленіе, бунтъ — хорошо . Нѣтъ — чего же тогда стоитъ такой народъ? Значитъ, судьба его рабомъ постоянно быть.

Черезъ нѣсколько дней Пожарова перевели въ другой лагерь.

Наканунѣ отъѣзда онъ пришелъ проститься со мною.

— Я уѣзжаю, — заявилъ капитанъ, — будьте здо-

ровы и благополучны. Прикармливайте моего воробья; бросайте немножко крошекъ на подоконникъ, мой воробей людей не боится.

Я пообѣщалъ.

Воробья, о которомъ шла рѣчь, Пожаровъ нашелъ въ саду; у него была искалѣчена лапка. Капитанъ взялъ калѣку къ себѣ, перевязывалъ, кормилъ и всячески заботился о своемъ пансіонерѣ. Воробей выздоровѣлъ, но бѣгая, онъ все-таки прихрамывалъ на одну сторону. Съ нимъ капитанъ дѣлилъ буквально послѣднія крошки. Воробей зналъ своего благодѣтеля и садился ему на палецъ, на плечо и что-то чирикалъ.

Мы разстались съ капитаномъ, не сказавъ больше ни слова.

Я не забылъ нашего разговора, но враждебнаго чувства къ другу воробья у меня не осталось.

Глава VIII

12 іюля 1918 года, передъ вечеромъ, когда я гулялъ во дворѣ, ко мнѣ подошелъ дежурный нѣмецкій унтеръ-офицеръ. Въ его рукахъ бѣлѣлся исписанный клочокъ бумаги. Онъ заглянулъ въ него.

— Leutnant Z. — спросилъ онъ.

— Jawohl.

— Въ комендатурѣ полученъ приказъ: 18 іюля отправить изъ Эшвеге въ Россію 11 человѣкъ плѣнныхъ офицеровъ. Вы въ ихъ числѣ. Соберите ваши вещи и будьте готовы къ этому сроку.

Потомъ онъ снова заглянулъ въ списокъ.

— Въ какой комнатѣ живетъ поручикъ Кукха? Онъ тоже ѣдетъ съ вами, но я найти его не могу.

Я назвалъ номеръ комнаты, нѣмецъ пошелъ дальше.

Такъ было получено оффиціальное сообщеніе объ эвакуаціи въ Россію небольшой партіи въ 11 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и я.

Взятый въ плѣнъ 2 ноября 1914 года, я ждалъ этого извѣстія 3 года, 8 мѣсяцевъ, 10 дней.

Не мало было пережито за это время. Въ плѣну люди увидѣли жизнь съ чернаго хода и усѣяли ея задворки сотнями тысячъ могилъ; пережившіе — были обезсилены и обезкровлены страшнымъ голодомъ, тифомъ, туберкулезомъ, безчеловѣчнымъ обращеніемъ.

Но злого чувства въ душѣ не было. Жаль было только здоровья, силъ, времени.

Я посидѣлъ немного на дворѣ и пошелъ къ себѣ.

Захотѣлось пережить еще разъ прошлое. Досталъ

коробку съ письмами, началъ ихъ перебирать... Письма друзей, письма матери: — коротенькія, четкій, крупный почеркъ; въ каждомъ словѣ — любовь и трепетное безпокойство.

Письма marraine изъ Лондона... Въ Halle, незадолго передъ большевистскимъ переворотомъ, я обратился въ англійскій комитетъ помощи военно-плѣннымъ. Оттуда мнѣ отвѣтила бельгійская бѣженка.

Она писала, что она сдѣлалась моей marraine и спрашивала, чѣмъ можетъ быть полезной для меня.

Письмо было милое, ласковое. У насъ завязалась переписка. Иногда я получалъ отъ нея небольшія посылки. Тамъ было всего понемногу — даже лекарства... Я перечитывалъ ея письма, и мнѣ захотѣлось увидѣть далекую и неизвѣстную мнѣ Дору Краутеркрафтъ и пожать ей руку.

Я началъ готовиться къ отъѣзду. По совѣту матери, я бралъ все, что только можно было взять: бѣлье, платье, обувь, нитки, иголки, разные лоскутки для починки.

— Сейчасъ въ Россіи трудно достать что-нибудь, — писала она, — особенно по части тканей. Мы живемъ лишь старыми запасами. Бери съ собой все, за исключеніемъ только погонъ и кокардъ. Изъ-за нихъ въ Россіи можно получить теперь много непріятностей.

Я сдѣлалъ по ея совѣту. Но, такъ какъ Гесслеръ требовалъ, чтобы плѣнные отправлялись въ полной формѣ, погоны и кокарду пришлось сохранить.

Наканунѣ отъѣзда, ночью, мы долго говорили съ Высотскимъ.

— Некуда будетъ дѣваться — ѣзжай къ нашимъ. Въ тягость не будешь. Поправишься — пристроятъ къ чему-нибудь. А нѣтъ — такъ и нѣтъ: будешь разсказывать, какъ въ плѣну жили, хватитъ съ нихъ...

Онъ уснулъ, а я еще долго не спалъ. Припомнился

Мюнденъ, Григорій, Перель, Сабанѣевъ, Арцышевичъ...

Замкнувъ кругъ, мысль снова вернулась къ Высотскому.

Мнѣ жалко было, что я ѣду одинъ, а не вмѣстѣ съ нимъ. Бокъ-о-бокъ мы прожили около четырехъ лѣтъ. За это время все было у насъ: несогласія, споры, даже размолвки. Но это быстро проходило. Основа нашихъ отношеній оставалась всегда неизмѣнной. Съ моей стороны это былъ прежде всего большой интересъ къ его личности, уваженіе и преклоненіе передъ его нравственнымъ обликомъ; съ его— тонкое пониманіе моей мятущейся души, сострадание и жалость, согрѣтыя теплотой большого сердца.

Онъ былъ простъ и чутокъ. Невыносимыя боли иногда вызывали у меня неудержимыя слезы; но ихъ никто не видѣлъ, кромѣ Высотскаго: никто не могъ къ нимъ отнестись такъ, какъ онъ. А когда я безпощадный, мстительный, въ припадкѣ неврастеніи, задыхался отъ боли и злобы, онъ помогалъ мнѣ выйти изъ заколдованнаго круга моего состоянія... И никогда онъ не былъ судьей другихъ. Письма изъ дома всегда начинались словами: «свѣтлый Миша»... И для всѣхъ, кто его зналъ, онъ, во-истину, былъ свѣтлый.

Лежа, я представлялъ себѣ, какъ мы встрѣтимся въ Россіи...

Полтора года спустя, уже въ Одессѣ, я встрѣтилъ поручика Чернова. Разговорились, зашла рѣчь о Высотскомъ.

— Четвертаго сентября онъ долженъ былъ въ Россію отправиться, а перваго — его испанка схватила, на легкія перешла, и четвертаго числа онъ умеръ въ госпиталѣ...

Такъ кончилъ свою жизнь мой свѣтлый другъ. Безъ трехъ недѣль четыре года онъ ждалъ дня своего освобожденія. И этотъ день сталъ днемъ его смерти...

Утромъ пришло попрощаться много народу. Нѣкоторые, зная, что я ѣду на Москву, давали адреса своихъ близкихъ и просили навѣстить ихъ.

Появился Арцышевичъ. Лицо у него опухло еще больше. Мѣшки подъ глазами увеличились. Губы были мертвенно-синія. При ходьбѣ онъ шаркалъ еще сильнѣе, словно ноги отказывались гнуться.

— Вотъ вамъ на дорогу. — Съ этими словами онъ положилъ на столикъ бумажный пакетикъ, перевязанный бичевкой. Такъ отдавалъ Арцышевичъ свои послѣдніе консервы, сберегавшіеся на отчаянный случай. Моихъ возраженій онъ не хотѣлъ слушать. Молча посидѣли мы съ нимъ нѣсколько минутъ. Вспомнился нѣмецъ, ударившій Арцышевича, вспомнилась Шурочка, вышедшая замужъ за другого. Взглянулъ я на пакетъ, на порѣдѣвшіе волосы больного, но заботливаго друга. Сердце сжалось, а на душѣ стало теплѣе.

И, не зная, куда отвести взволнованные глаза, я прочиталъ вдругъ на стѣнѣ: «Bonjour, mes chers prisonniers!». Эта надпись оказалась маленькой, очень маленькой, но подлинной вѣточкой мира. Можетъ быть, она прирастетъ къ чьему-нибудь сознанію, дастъ побѣги, и маковое зернышко мира превратится въ громадное дерево.

Простился сердечно я съ комнатой.

Въ комендатурѣ наши вещи осмотрѣли. Дежурный гауптманъ и унтеръ-офицеръ порылись для видимости въ бѣльѣ и въ книгахъ. Потомъ мы заперли наши чемоданы и корзины. Караульные взвалили ихъ на подводу; ее отправили впередъ на вокзалъ, а насъ выстроили около подъѣзда. Вышелъ комендантъ, поздравилъ съ отъѣздомъ и пожелалъ всего лучшаго.

Раскрылись ворота. Когда мы выходили, надъ нами пронеслась стая голубей. Ниже и ближе другихъ пролетѣлъ бѣлый голубь.

Оставшіеся махали намъ изъ оконъ платками. Мы шли и оглядывались на нашихъ бывшихъ сотоварищей. Въ одномъ окнѣ я увидѣлъ Высотскаго и Арцышевича. Они оба махали и что-то кричали... Но первый поворотъ за уголъ — и лагерь исчезъ. Остались мы и наша стража. Съ новымъ чувствомъ мы шли черезъ городъ: плѣнъ кончился, мы ѣдемъ въ Россію.

Шли тихо, не торопясь: наша группа состояла изъ больныхъ и инвалидовъ. На вокзалѣ пришлось немного подождать. Къ прибывшему поѣзду прицѣпили пустой вагонъ II класса, насъ размѣстили по 6 человѣкъ въ купэ — одинъ нѣмецъ-караульный и пятеро русскихъ. Провожавшій насъ офицеръ и остальной караулъ заняли мѣста по близости.

Паровозъ свиснулъ, мы тронулись. Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ влетѣлъ въ длиный сырой туннель, потомъ мы увидѣли долину Верры, городъ, нашъ лагерь на скалистомъ обрывѣ. Но скоро знакомые виды скрылись, показались новыя мѣста.

Ѣхали мы только до вечера. Въ сумеркахъ, на какой-то большой станціи нашъ вагонъ отцѣпили и поставили на запасный путь. Ночевать пришлось въ вагонѣ. Мы спали сидя, упершись ногами въ противоположныя сидѣнія. Это было довольно тяжело; но сознаніе, что съ плѣномъ кончено, мирило насъ съ нашимъ положеніемъ.

Ночью къ намъ прицѣпили еще два вагона съ русскими плѣнными изъ лагеря Гютерсло. Узнали мы объ этомъ утромъ, когда пошли умываться на платформу. Среди вновь прибывшихъ нашлось много знакомыхъ. Посыпались вопросы. Мало хорошаго могли мы сообщить другъ другу. Много поумирало, еще больше хворало; изъ Россіи писали, что тамъ уже начинается голодъ. Мы говорили долго; потомъ пришли нѣмцы и развели насъ по вагонамъ.

Я сидѣлъ и смотрѣлъ въ окно. Рожь была скошена, въ поляхъ стояли золотистые скирды хлѣба.

На станціяхъ бросался въ глаза недостатокъ персонала; кондукторами, смазчиками, сцѣпщиками, телеграфистами работали, главнымъ образомъ, женщины; многія изъ нихъ, вмѣсто юбки, носили штаны съ обмотками.

Работали также и плѣнные, — русскіе, французы, бельгійцы, подъ наблюденіемъ ландштурмистовъ; они исправляли путь, мѣняли рельсы, шпалы, копали землю. У нихъ были худыя, равнодушныя лица. Шинели у всѣхъ вытерлись, порыжѣли. У стражи тоже были невеселыя лица. За все время переѣзда черезъ Германію я ни разу не слышалъ смѣха, ни разу не видѣлъ улыбки. Чувствовалось безпредѣльное утомленіе, усталость.

Пріѣхали въ Каттовицы. Раньше это была первая нѣмецкая станція за русской границей. Мы прожили тутъ нѣсколько дней. Утромъ намъ давали кофэ, а на обѣдъ и на ужинъ по полъ-банки мясныхъ консервовъ. Разрѣшили прогулки вдоль пути, гдѣ стояли наши вагоны. Каждый день со всѣхъ концовъ Германіи привозили плѣнныхъ. Наконецъ, составился длинный поѣздъ изъ 35 вагоновъ.

Среди вновь прибывшихъ я встрѣтилъ знакомаго сибиряка, взятаго подъ Лодзью. Въ плѣну у него сталъ рости зобъ. У его товарища-однополчанина было блѣдное лицо и выразительные глаза туберкулезнаго.

Однажды на станціи остановился пришедшій изъ Россіи товарный поѣздъ. Всѣ вагоны были переполнены русскими рабочими. Мы разговорились съ ними. Они ѣхали въ Германію, на работу въ копяхъ. Многіе захватили съ собой семьи; среди рабочихъ было также много офицеровъ.

Странная была встрѣча. Одни ѣхали въ Германію,

какъ въ страну обѣтованную, другіе бѣжали оттуда, какъ изъ страны смерти.

Во время разговора изъ нашего поѣзда вышелъ солдатъ-военноплѣнный. На немъ были грубые деревянные башмаки; черная изъ дерюги куртка и штаны съ оранжевой полосой. Желтое больное лицо, нечесанные волосы дѣлали его дикимъ и жалкимъ.

— Вотъ, какъ нѣмцы платятъ за работу, — обратился онъ къ рабочимъ, — я два года у нихъ въ копяхъ работалъ, сколько муки принялъ, здоровье потерялъ; а теперь на полу лежу, шапки даже нѣтъ головы покрыть, на тѣлѣ ни рубахи, ни подштаниковъ, ревматизмъ, ломаетъ, а одѣяла укрыться нѣтъ.

Но этотъ наглядный примѣръ на отправлявшихся въ Германію не произвелъ впечатлѣнія.

— Что же дѣлать, дядя, — отвѣчалъ ему какой-то рабочій, — въ Германіи есть, гдѣ работать, а въ Россіи все закрывается — фабрики, заводы, магазины; иголки, и той достать нельзя. Если не коммунистъ, хоть умирай.

— А вы слушались нѣмцевъ, да съ фронта, какъ зайцы бѣгали, съ жиру бѣсились. А теперь вотъ работайте на нихъ, да на всякую сволочь, кто вамъ на шею сядетъ.

— Да мы что? Мы думали, что все по-хорошему будетъ...

Поѣздъ съ рабочими тронулся. Солдатъ стоялъ, смотрѣлъ ему вслѣдъ и не замѣчалъ, какъ по лицу у него текли крупныя, рѣдкія слезы.

Подъ вечеръ, мы двинулись дальше. Проѣхали мимо пустыхъ таможенныхъ пакгаузовъ и очутились на бывшей русской территоріи.

Сердце забилось. Показался Калишъ съ темнымъ, обгорѣлымъ вокзаломъ. Пошли знакомыя мѣста. Ночевали недалеко отъ Лодзи, у какой-то полусгорѣвшей станціи. Утромъ, послѣ кофе, поѣздъ тронулся

снова. Я, не отрываясь, смотрѣлъ въ окно. Всѣ вокзалы были разбиты; часто встрѣчались старые окопы.

Въ полдень показалась Варшава. По обводной дорогѣ между фортами и предмѣстіями, мы выѣхали на мостъ. Онъ былъ уже исправленъ, но поѣздъ шелъ очень тихо. Я смотрѣлъ на Варшаву, узнавалъ знакомыя зданія. Вверхъ по Вислѣ черезъ дымку выступали два пѣшеходные моста; у каждаго не доставало по среднему пролету: слѣды взрыва при отступленіи.

Мы ожидали, что въ Варшавѣ будетъ пересадка. Но русская широкая колея уже была перешита нѣмцами на узкую; послѣ короткой стоянки на бывшей «Варшава-Петроградская», поѣздъ направился въ Вильно. Обѣдали мы и ужинали на нѣмецкихъ питательныхъ пунктахъ. Насъ выводили изъ вагоновъ и выстраивали передъ питательными окошечками. Каждый получалъ кусокъ хлѣба и миску горячаго супа; ѣли тутъже, въ громадныхъ баракахъ — столовыхъ.

Во время дороги, каждыя пятьдесятъ минутъ мы встрѣчали длинные поѣзда, груженные лѣсомъ; вывозились громадные, въ два обхвата дубы, мачтовыя сосны, ели, кленъ, липа. На нѣкоторыхъ станціяхъ были навалены цѣлыя горы бревенъ и свѣжихъ шпалъ.

Послѣ Вильно поѣздъ пошелъ на Молодечно. Потянулась безконечная равнина. Повсюду виднѣлись окопы, ржавая колючая проволока, землянки, разбитые дома, церкви.

Подошли къ Молодечно. Поѣздъ остановился у длинной деревянной платформы. Насъ всѣхъ вызвали изъ вагоновъ, построили, провѣрили. Потомъ больнымъ и раненымъ выдали врачебныя бумаги .

Здѣсь же, у нѣмецкаго офицера, мы обмѣняли марки на керенки, не помню уже, по какому разсчету.

Въ Молодечно обрывалась узкая нѣмецкая колея и начиналась широкая русская. Надо было пересажи-

ваться. Мы вытащили наши вещи изъ вагоновъ и понесли ихъ на другую сторону вокзала. Пришлось пройти черезъ широкій дворъ, сплошь застроенный бараками. Изъ оконъ на насъ смотрѣли черныя, враждебныя лица мадьяръ.

Одинъ изъ нихъ, въ гусарской формѣ, свѣсилъ съ окна руки; всѣ пальцы были унизаны кольцами; на солнцѣ ярко горѣли крупные брилліанты.

— Поживился, знать, въ Россіи — сказалъ кто-то по-близости.

Мы пришли. У высокой платформы стоялъ русскій санитарный поѣздъ. Онъ походилъ на больного, перенесшаго операцію: всѣ орлы были сбиты и тщательно соскоблены.

Около вагона-перевязочной я увидѣлъ шатена, похожаго на Чехова. Это былъ старшій врачъ поѣзда.

Встрѣча была самая простая.

— Изъ плѣна? — спросилъ онъ у шедшихъ впереди.

— Изъ плѣна.

— Идите тогда сюда, господа.

— Ишь ты, остались еще господа, — пробормоталъ кто-то изъ солдатъ за мной.

Вагоны были русскіе, персоналъ былъ русскій, страна была русская, а внутри была тоска.

Устроившись въ вагонѣ, я сошелъ снова на платформу и попрощался съ провожавшимъ насъ нѣмецкимъ офицеромъ. Наша стража покидала насъ и возвращалась въ Германію. Только нѣсколько человѣкъ провожали насъ до конца нѣмецкой оккупаціи — до Орши.

Я присѣлъ со знакомыми сибиряками на лавочку. Солнце было ясное, теплое; продувалъ вѣтерокъ; дышалось легко. Вокругъ лежали большія пространства полей и лѣсовъ. Кое-гдѣ виднѣлись соломенныя крыши; бѣжали извилистыя проселочныя дороги, Богъ знаетъ куда и, Богъ знаетъ, откуда.

Вдоль поѣзда бродили санитары, гремѣли ведрами и нещадно ругались. Прошли въ бѣлыхъ халатахъ сестры. Пробѣжалъ торопливо докторъ, похожій на Чехова. Потомъ онъ снова вернулся и подошелъ къ намъ.

— Господа, по приказу товарища комиссара поѣзда, велѣно составить по-вагонно списки вновь прибывшихъ и сдать бумаги, полученныя отъ нѣмцевъ.

Съ нѣмецкой стороны вокзала пришло новое лицо: мужчина лѣтъ 30, въ черной бархатной курткѣ, въ штанахъ съ полоской, въ широкополой шляпѣ. На плечахъ у него густымъ слоемъ лежала перхоть. Въ одной рукѣ онъ несъ небольшой кожаный чемоданчикъ, а другой почесывался. Осмотрѣвшись, человѣкъ въ курткѣ направился къ вагону перваго класса.

— Кто это? — спросилъ у доктора одинъ изъ сибиряковъ. Тотъ обернулся вокругъ.

— Большевикъ, на нѣмецкой службѣ. Каждую недѣлю ѣздитъ въ Берлинъ. Возитъ бумаги и драгоцѣнности...

Принявъ плѣнныхъ, поѣздъ тронулся. Мы ѣхали въ полосѣ оккупаціи, но нѣмцевъ уже не было видно. Утромъ слѣдующаго дня мы должны были попасть въ Оршу, а оттуда черезъ Смоленскъ, въ Орелъ. Изъ Орла поѣздъ снова возвращался въ Молодечно; но докторъ предупредилъ насъ, что это былъ старый маршрутъ, и поѣздъ могутъ направить и на Москву, и на Петроградъ.

Мы жадно смотрѣли въ окна: все было родное, знакомое — поля, березы, луга, церкви.

Встрѣчались тысячи брошенныхъ военныхъ повозокъ. Поднятыя вверхъ оглобли походили на поднятыя къ небу руки и, словно, умоляли сжалиться надъ ихъ судьбой. Цѣлыя десятины были покрыты бунтами ржавой, колючей проволоки.

Помня совѣты и наставленія, полученныя изъ Рос-

сіи, мы отпарывали пуговицы съ орлами, снимали погоны, кокарды и бросали ихъ за окно....

Утромъ мы прибыли въ Оршу. Сначала поѣздъ остановился на нѣмецкой сторонѣ. Сосновый боръ подходилъ къ самому полотну дороги; сильно пахло смолой; между деревьями бродили спутанныя лошади; въ тѣни стояла палатка; около нея горѣлъ костеръ; былъ слышенъ стукъ топора: бѣженцы возвращались на свои мѣста. На платформѣ, въ бѣлыхъ кителяхъ стояли нѣмцы. Все было прибрано, выметено, вычищено. Нигдѣ ни бумажки, ни соринки.

Подошелъ нѣмецъ, нашъ провожатый.

Also, auf Wiedersehen, Leutnant. Leben Sie wohl.

Мы пожали другъ другу руки. Плѣнъ кончился. Впереди была томительно жданная Россія.

18 декабря 1924 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IMPRIMERIE CROZATIER
3, IMPASSE CROZATIER

Складъ изданія: Книжное Дѣло «Родникъ»
« La Source » 106, rue de la Tour, Paris XVIe